

Desertum Magnum: studia historica

Великая степь:
исторические исследования

2020, № 1

Desertum Magnum: studia historica

Великая степь:
исторические исследования

2020. № 1

**Desertum Magnum:
studia historica**

**Великая степь:
исторические исследования**

Научный журнал

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Основан в 2016 г.

Выходит 2 раза в год

Журнал включен в РИНЦ.

Статьи печатаются на русском, калмыцком,
монгольском, английском языках.

ISSN 2712-8431

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Очиров У. Б., д-р ист. наук, доцент

Зам. главного редактора:

Бакаева Э. П., д-р ист. наук, доцент

Члены редколлегии:

Максимов К. Н., д-р ист. наук, профессор;

Батырева С. Г., д-р искусств., доцент;

Ряжев А. С., канд. ист. наук;

Куканова В. В. канд. филол. наук;

Тепкеев В. Т., канд. ист. наук

2020. № 1

Адрес редакции, учредителя, издателя:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

E-mail: desertum-magnum@yandex.ru

Сайт: <http://kigiran.com/pubs/index.php/history>

© «КалмНЦ РАН», 2020

© Коллектив авторов, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Торопицын И. В.</i> Ханша Дарма-Бала — сторонник воссоединения калмыков с Джунгарией	5
<i>Тепкеев В. Т.</i> Калмыцко-тибетские отношения во второй четверти XVIII века: историографический аспект	12
<i>Белоусов С. С.</i> Европа в Азии и Азия в Европе: социокультурные представления жителей России о Северо-Западном Прикаспии в XIX – начале XX вв.	19
<i>Очиров У. Б.</i> Калмыцкая дивизия и ее место в нумерации кавалерийских соединений РККА в 1918–1919 гг.	28
<i>Сартикова Е. В.</i> Эволюция корпуса первых секретарей Калмыцкой организации РКП(б) — ВКП(б) в 1921–1943 гг.	42
<i>Оконов Б. А.</i> Историография Калмыцкой организации РКСМ — РЛКСМ — ВЛКСМ в 20–30-е гг. XX в.	51
<i>Кузьмин С. Л.</i> Динамика правового статуса Монголии в XX в.	58
<i>Очиров Ц. С.</i> Проблема независимости Монгольской Народной Республики в современной китайской историографии	68
<i>Орлова К. В.</i> «Антирелигиозная политика в Монголии нужна и возможна...»: по материалам сборника «Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.)»	74
<i>Жабаева Л. Б.</i> Халхин-Гол — объединяющий фактор истории России и Монголии	86
<i>Норовсамбуу Наранжаргал.</i> Халх голын дайнд оролцсон халимаг дайчид (= О калмыцких военных — участниках событий на Халхин-Голе)	96
<i>Кышпанакоев В. А.</i> Ц.-Д. Номинханов и И. К. Илишкин в Хакасии в годы депортации	104
<i>Очиров Ц. С.</i> «(Великая) культурная революция» в приграничных к СССР районах КНР: Хулун-Буир, провинция Хэйлуцзян (1966–1976 гг.)	127
<i>Гунаев Е. А.</i> Реформа системы Советов народных депутатов в Калмыкии в годы перестройки (1989–1991 гг.)	135

CONTENT

Toropitsyn I. V. Darma-Bala — a supporter of the reunification of Kalmyks with Dzungaria	5
Tepkeev V. T. Kalmyk-Tibetan relations in the Second Quarter of the XVIII century: a Historiographic Aspect	12
Belousov S. S. Europe in Asia and Asia in Europe: Socio-Cultural Perceptions of the Inhabitants of Russia of the North-Western Caspian Sea area in the XIX — early XX centuries	19
Ochirov U. B. Kalmyk Division and its Place in the Numbering of Cavalry Units of the Red Army in 1918–1919	28
Sartikova E. V. The Evolution of the Body of the First Secretaries of the Russian Communist Party — All-Russia Communist Party in Kalmykia in 1921–1943	42
Okonov B. A. Historiography of the Kalmyk All-Union Leninist Young Communist League in the 20–30s of the XX Century	51
Kuzmin S. L. Dynamics of the Legal Status of Mongolia in the 20 th Century	58
Ochirov Ts. S. The Problem of the Independence of the Mongolian People’s Republic in Modern Chinese Historiography	68
Orlova K. V. «The Antireligious Policy in Mongolia is Needed and is Possible...» (based on materials from the collection of documents «Mongolia in documents from the archives of the Federal Security Service of Russia (1922–1936)»)	74
Zhabaeva L. B. Khalkhin Gol — a Unifying Factor in the History of Russia and Mongolia	86
Naranzhargal Norovsambuu. Kalmyk Militaries — Participants of Khalkhin-Gol Battle	96
Kyshpanakov V. A. Ts. D. Nominkhanov and I. K. Ilshkin in Khakassia during the years Deportation	104
Ochirov Ts. S. “The ‘Great’ Cultural Revolution” at the Bordering the USSR regions of PRC: Khulun Buir, Heilongjiang province (1966–1976)	127
Gunaev E. A. The Board of People’s Deputies System Reform in Kalmykia during the years of Perestroika (1989–1991)	135

Ханша Дарма-Бала — сторонник воссоединения калмыков с Джунгарией

*Илья Васильевич Торопицын*¹

¹ Астраханский государственный университет
(20а, ул. Татищева, 414056 Астрахань, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, доцент

© КалмНЦ РАН, 2020

© Торопицын И. В., 2020

Аннотация: Статья посвящена политическим событиям в истории Калмыцкого ханства в первой половине XVIII в. и роли в них ханши Дарма-Балы. Представительница правящего в Джунгарии рода, став супругой калмыцкого хана Аюки, не забыла о своей родине и сыграла заметную роль в жизни Калмыцкого ханства. В публикации рассматриваются ее политические взгляды на пути развития калмыцкого общества. Анализируются разнообразные шаги, предпринятые ею после смерти супруга хана Аюки с целью укрепления связей калмыков с Джунгарией. В частности, прослеживаются многочисленные контакты Дарма-Балы с представителями Джунгарского ханства, приводятся факты и мнения, подтверждающие намерение Дарма-Балы отойти с частью улусов в Джунгарию. Обосновывается вывод о том, что на протяжении всей своей жизни в Калмыцком ханстве ханша Дарма-Бала была последовательным сторонником идеи объединения монгольских племен и проводила политику сближения калмыков с джунгарами, реализовать которую у нее не вышло в силу ряда внутренних и внешних причин.

Ключевые слова: Дарма-Бала, калмыки, Калмыцкое ханство, Джунгария, Аюка, откочевка, внешние связи

Благодарность. Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Торопицын И. В. Ханша Дарма-Бала — сторонник воссоединения калмыков с Джунгарией // Desertum Magnum: studia historica. 2020. № 1. С. 5–11 DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-5-11

UDC 94(47)

DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-5-11

Darma-Bala — a supporter of the reunification of Kalmyks with Dzungaria

*Ilya V. Toropitsyn*¹

¹ Astrakhan State University
(20a, Tatischev st., Astrakhan 414056, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Assistant Professor

© KalmSC RAS, 2020

© Toropitsyn I. V., 2020

Abstract. The article focuses on political events in the history of Kalmyk khanate in the first half of the XVIII century and the role of the khan's wife Darma-Bala. Coming from the ruling family of Jungaria and becoming the wife of Auka khan, Darma-Bala didn't forget about her motherland and played a significant role in the life of Kalmyk khanate. The article looks into the political views of Darma-Bala on the development of the Kalmyk society. It analyses various steps she took after the death of her husband Auka khan in order to tighten the bonds of Kalmyks with Jungaria. In particular, the article keeps track of Darma-Bala's different contacts with the representatives of Jungaria khanate, it gives the evidence and opinions verifying her intention to move back to Jungaria with some of the uluses. It gives the ground for assumption that through all her life in the Kalmyk khanate Darma-Bala was the fervent advocate of the idea of unification of Mongolian tribes and maintained the policy of reunification of Kalmyks with Jungars that she couldn't implement due to various internal and external reasons.

Keywords: Darma-Bala, Kalmyks, Kalmyk khanate, Jungaria, Auka, decampment, external contacts

Acknowledgement. The article was presented at the international scientific online conference "Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II", held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Toropitsyn I. V. Darma-Bala — a supporter of the reunification of Kalmyks with Dzungaria. In: Desertum Magnum: studia historica. 2020. № 1. Pp. 5-11. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-5-11

В истории калмыцкого народа было немало ярких политических личностей, которые оказали заметное влияние на пути развития своего народа. К их числу, без сомнения, можно отнести супругу калмыцкого хана Аюки — Дарма-Балу, которая в период нахождения в Калмыцком ханстве проявила себя яркой сторонницей воссоединения калмыков с джунгарами, к роду которых сама принадлежала.

Характеризуя Дарма-Балу, Н. Н. Пальмов пишет: «Будучи глубоко убеждена, что для сохранения национальных особенностей и в интересах обще-монгольского дела калмыкам не следует оставаться в России, а необходимо отсюда уйти и присоединиться к сородичам на Д.[альнем] Востоке, Дарма-Бала направляла к осуществлению идеи ухода свой хитрый ум и удивительную силу воли» [Пальмов 1927: 86].

Появление Дарма-Балы в калмыцких улусах относится к концу XVII в. «В это время из Джунгарии привезли двоюродную сестру Цеван-Рафтана — Дарма-Балу, сосватанную за младшего сына Аюки — Гунделека, — пишет А. Г. Митиров, — но 55-летний хан сам женился на ней, от которой имел трех сыновей» [Митиров 1998: 102]. В других частях своего труда тот же автор указывает, что Дарма-Бала была дочерью Цеван-Рафтана [Митиров 1998: 124, 127].

Оказавшись волею судьбы в калмыцких улусах, Дарма-Бала не забыла свою родину. Один из первых эпизодов, связанных с откочевкой калмыков обратно в Джунгарию, произошел в 1701 г., и, по мнению некоторых исследователей, здесь не обошлось без влияния Дарма-Балы. В историографии бытует мнение, что сын хана Аюки Санджиб «ушел с калмыками в Или в 1701 году и учинил сие по внушению своей матери Дарма-Балы, которая была родственница чжунгарскому хану... Это был благовидный, выдуманный самими калмыцкими владельцами предлог, под которым Сангъчаб отводил к Цеван-Раптану военное вспоможение, собранное из разных уделов, к чему, вероятно, Дарма-Бала убедила хана Аюки» [Цюрюмов 2007: 150].

Не вдаваясь в причины конфликта, вызвавшие раскол в калмыцком народе в 1701 г., заметим, что Дарма-Бале, безусловно, было выгодно восточное направление откочевки калмыков, однако сама она не последовала за Санджибом. Очевидно, что узы брака, связывавшие ее с ханом Аюкой, не позволяли ей этого.

По мнению М. М. Батмаева, Дарма-Бала при жизни мужа — хана Аюки не проявляла активности, «да и Аюка, видимо, не допускал ее до серьезных дел». Ханша производила благоприятное впечатление на гостей Калмыцкого ханства, которые отмечали ее «благопристойный и кроткий вид», но это, по убеждению автора, было лишь формой прикрытия истинного лица. «...Дарма-Бала обладала деятельной и страстной натурой, — пишет М. М. Батмаев, — но умела до времени искусно скрывать душевные бури» [Батмаев 1993: 265].

Тем не менее нельзя исключать определенного влияния, которое оказывала Дарма-Бала на хана Аюку, в том числе в вопросах будущего калмыцкого народа. По этому поводу уместно привести факт обращения Далай-ламы к калмыцким феодалам с призывом к объединению всех ойратских племен: «В прошлых годах по прибытии Шакур-ламы от Далай-ламы, объявил он, Шакур-лама, повелением Далай-ламиным, хану Аюке, чтоб они все, калмыки, из-под российской протекции к своему однозаконному хану откочевали, и хан де Аюка и жена его Дарма-Бала и Шакур-лама и Эмчи-гелюнг предложили, чтоб им откочевать к контайше» [Митиров 1998: 124]. В этой связи важно обратить внимание на тот факт, что среди лиц, которым Шакур-лама объявил послание Далай-ламы, находилась и Дарма-Бала.

В последние годы жизни хана Аюки Дарма-Бала стала проявлять все более активные действия, направленные на формирование в среде калмыков замысла о возвращении в Джунгарию. В. М. Бакунин, бывший очевидцем многих событий, происходивших в Калмыцком ханстве, отмечал: «Между тем ханша Дарма Бала отпустила от себя к зенгорскому владельцу Хойтайши посланца его, который в 1723-м году еще к хану Аюке прислан был для сватания Хонтайшиной дочери за его, Аюкина, сына Черен Дондука. И при том она, ханша, отправила и от себя к Хонтайши посланцем же зайсанга своего Еке Абугая за тем же и для прошения протекции, она ж, Дарма Бала, и Дондук Омбо, умножая тогда ж свою партию, хотели поступить на явные противности, и для того в послушании ханши Дарма Балы все владельцы и знатные зайсанги приведены были ею к присяге» [Бакунин 1995: 44].

А. В. Цюрюмов пишет, что отправка калмыцкого посла произошла по инициативе Дарма-Балы, Шакур-ламы и Эмчи-гелюна (то есть тех самых людей, которые ранее обсуждали идею Далай-ламы по объединению калмыков с джунгарами). Посланец вез предложение женить Черен-Дондука, Дондука-Омбо и Галдан-Данжина на «родственницах хунтайджи». Династические браки, по мысли автора, должны были укрепить связи калмыков с Джунгарией [Цюрюмов 2007: 204].

После смерти хана Аюки ханша Дарма-Бала предприняла попытку реализовать свой давний замысел в отношении возвращения в Джунгарию. «В том же 1725 году ханша Дарма Бала всеми силами старалась все калмыцкие улусы от Волги отвести в Зенгорское владение, — пишет В. М. Бакунин, — обнадеживая сына своего Черен Дондука, что хотя Хойтайши улусы прочих их калмыцких владельцев и раскошует по своим, но ее с детьми (то есть с ним, Черен Дондуком, и Галдан Данжином) оставит при собственных их улусах, только Шакур-лама и главные и первые по Аюке оставшие[ся] зайсанги Самтан и Яман по внушению и старательству губернатора Волынского и, имея в рассуждении

Хонтайшин с Санжипом поступок, тому ее намерению воспротивились, и сына ее Черен Дондука, тогдашнего наместника ханства калмыцкого, в свою сторону склонили, и напоследок по многим у всех владельцев советам положено в зенгорский народ всеми улусами за предписанною опасностью от Волги не отходить...». В. М. Бакунин отмечает, что калмыцкие владельцы не были против женитьбы Черен Дондука на дочери правителя Джунгарии, но «потом вскоре то их сватовство пресеклось смертью Хонтайши» [Бакунин 1995: 56–57].

Несостоявшийся брачный союз калмыцкого хана с дочерью джунгарского правителя не поколебал представления определенной части калмыков о возможном союзе с Джунгарией. А. Г. Митиров пишет, что младший сын хана Аюки Галдан-Данжин утверждал, что приехавший в калмыцкие улусы из Джунгарии сын Цеван-Рабтана и сводный брат калмыцкого владельца Галдан-Церена Лоузанг Шуно послан к Дарма-Бале «со обнадеживанием, что контайша будет к ним, калмыкам, немедленно и их примет в свою протекцию» [Митиров 1998: 127].

Этим планам также не суждено было сбыться. Однако это не означает, что ханша Дарма-Бала полностью отказалась от своей мечты возвратиться на родину. В 1740-х гг. до российских властей стали доходить слухи, что вдова хана Аюки вынашивает замыслы к уходу в Джунгарию. Об этом, в частности, свидетельствует запись беседы астраханского губернатора В. Н. Татищева с калмыцким посланцем Гараши, состоявшейся в 1742 г., когда губернатор сопровождал калмыцкую ханшу Джан из Астрахани до Царицына. «По малом времени тайный советник ему ж Гараши объявил: пишет де к нему из Москвы приятель якобы ханша Дарма Бала намерение имеет ехать к Далай ламе для спасения ея души». Калмыцкий посланник ответил, что не знает ничего об этом намерении Дарма-Балы [НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 142. Л. 439].

Однако подозрения относительно связей Дарма-Балы с джунгарцами были не беспочвенны. В 1742 г. в калмыцких улусах распространялись слухи, что джунгарское войско намерено напасть на казахов и забрать потом калмыков к себе. «Дарма-Бала не скрывает своего радостного настроения в виду таких приятных известий и старается настроить соответственным образом и окружающих ее, — пишет Н. Н. Пальмов, — она говорит им: „ежели де те зюнгоровы войски, пришед к ним, и их возьмут с собою, то б де они тому радовались“» [Пальмов 1927: 38].

Астраханский губернатор В. Н. Татищев не мог игнорировать такие слухи и сделал представление императрице Елизавете Петровне о «таком ханши Дарма-Балы злодействе... что она, ханша, намерена была с калмыцкими улусами к Зюнгором отойти» [Пальмов 1927: 37]. Этот эпизод в мае 1745 г. припомнил наместник Калмыцкого ханства в переписке с российскими властями.

В середине 1740-х гг. наступает окончательная развязка в тайном проекте, многие годы вынашиваемом Дарма-Балой. Как отмечает Н. Н. Пальмов, поводом к ней послужил конфликт между наместником Дондуком-Даши и Дарма-Балой. Ханша, по мнению Н. Н. Пальмова, «тянула калмыков в Джунгарию, наместника больше привлекал план совместных с Абулхаиром военных операций в Средней Азии» [Пальмов 1927: 58]. «В стремлении предотвратить назревший среди калмыков раскол, который бы ослабил наместника, он открывает русскому правительству о тайных сношениях Дарма-Балы с джунгарцами, — пишет Н. Н. Пальмов, — и хотя одновременно с тем разрушает и свой план, но удовлетворяется чувством мести Дарма-Бале за те интриги, какие она вела против него...» [Пальмов 1927: 58].

В 1745 г. наместник Калмыцкого ханства выдал с поличным русским властям посланцев казахского султана Аблая. На допросе один из них сознался, что ему приказано было объявить ханше, чтобы она не отрекалась от своей веры, чтобы она готовилась к уходу из России через казахские степи, в чем ей окажет помощь Аблай-султан. «Оной подзыв стался ей, ханше, от брата ее, Гумы-ламы, — пишет Н. Н. Пальмов, — который ныне надо всеми духовными имеет первенство, по совету ево с Аблай-султаном и с племянником ее, зюнгорским владельцем Септенем» [Пальмов 1927: 59]. А. В. Цюрюмов в связи с этим считает, что «содержание письма свидетельствует, что Дарма-Бала ранее обратилась к своему племяннику — хунтайджи Галдан-Церену с просьбой принять ее в Джунгарию» [Цюрюмов 2007: 273].

Вследствие этих фактов Дарму-Балу поспешили удалить из калмыцких улусов, и в дальнейшем она уже не предпринимала активных действий в политической жизни калмыцкого народа.

Подводя итог внешнеполитическим взглядам и устремлениям ханши Дарма-Балы, можно отметить ее последовательность в продвижении идеи к объединению калмыков с родственными джунгарами, но, как заметил Н. Н. Пальмов, на этом пути Дарма-Бала «не встретила единодушного отклика себе со стороны калмыков и была побеждена столько же интригами врагов сколько и неблагоприятными для нее внешними обстоятельствами» [Пальмов 1927: 86].

Источники и литература

- Бакунин 1995 — *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев: сочинение 1761 года. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 158 с.
- Батмаев 1993 — *Батмаев М. М.* Калмыки в XVII – XVIII веках. События, люди, быт: в 2 кн. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 382 с.
- Митиров 1998 — *Митиров А. Г.* Ойраты — калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 384 с.

Торопицын И. В. Ханша Дарма-Бала — сторонник воссоединения калмыков
с Джунгарией

НАРК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Пальмов 1927 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков:
в 5 ч. Астрахань, 1926–1932. Ч. II: XVIII век. Астрахань: Изд. Калмыцкого
обл. исполнит. ком., 1927. 231 с.

Цюрюмов 2007 — *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в составе России: пробле-
мы политических взаимоотношений. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 464 с.

Калмыцко-тибетские отношения во второй четверти XVIII века: историографический аспект

*Владимир Толтаевич Тепкеев*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН

(д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

© КалмНЦ РАН, 2020

© Тепкеев В. Т., 2020

Аннотация. В статье рассматривается историографический аспект калмыцко-тибетских отношений во второй четверти XVIII в. В этот период произошло несколько знаменательных событий, к которым можно отнести приезд из Тибета в Калмыцкое ханство Шакур-ламы, избранного верховным ламой калмыков-буддистов, отправку калмыцкого посольства в Тибет в 1729–1735 гг. и 1737 гг., дарование Далай-ламой VII грамоты «на ханство» наместнику Церен-Дондуку. Дается характеристика авторским публикациям, вышедшим в последнее десятилетие и внесшим серьезный вклад в изучение этой темы. Историография по калмыцко-тибетским отношениям пополнилась рядом серьезных работ, в том числе диссертационными и монографическими исследованиями. Среди современных авторов особо следует отметить работы А. А. Курапова, А. В. Цюрюмова, Б. У. Китинова и Э. П. Бакаевой, которым удалось ввести в научный оборот большой массив ранее неизвестных источников на различных языках. Дальнейшее изучение истории калмыцко-тибетских отношений, актуальных в наше время, представляется вполне перспективным направлением в монголоведении.

Ключевые слова: Тибет, Далай-лама VII, Калмыцкое ханство, калмыки, калмыцко-тибетские отношения, Шакур-лама

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации АААА-А19-119011490038-5). Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Тепкеев В. Т. Калмыцко-тибетские отношения во второй четверти XVIII века: историографический аспект // *Desertum Magnum: studia historica*. 2020. № 1. С. 12–18. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-12-18

UDC 94(5)

DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-12-18

Kalmyk-Tibetan relations in the Second Quarter of the XVIII century: a Historiographic Aspect

*Vladimir T. Tepkeev*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS
(8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

© KalmSC, 2020

© Tepkeev V. T., 2020

Abstract. The article discusses the historiographic aspect of the Kalmyk-Tibetan relationships in the second quarter of the XVIII century. There were several significant events in the given period including the arrival to Kalmykia from Tibet of Shakur-lama who was chosen as the supreme lama of the Kalmyk-Buddhists, the sending of the Kalmyk envoys to Tibet in 1729–1735 and in 1737, the giving of the ‘khanate’ muniment to the governor Tseren-Donduk by Dalai-Lama VII. The article analyzes the author’s publications of the last decade that made a great contribution to the topic research. There are several new significant works on the historiography of Kalmyk-Tibetan relationships including theses and monographs. Among the contemporary research there should be mentioned works of A. A. Kurapov, A. V. Tsuryumov, B. U. Kitinov and E. P. Bakaeva who managed to introduce a great number of unknown before sources on different languages. The further study of the history of the Kalmyk-Tibetan relationships that are relevant nowadays appears to be a high-potential field in the Mongolian Studies.

Keywords: Tibet, Dalai-lama VII, Kalmyk Khanate, Kalmyks, Kalmyk-Tibetan relationships, Shakur-lama

Acknowledgement. The research was conducted within the scope of government grant — the project “An Integrated Research of Socio-political and Cultural Development Processes of people from the South of Russia (state registration number AAAA-A19-119011490038-5). The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Tepkeev V. T. Kalmyk-Tibetan relations in the second quarter of the XVIII century: a Historiographic Aspect. In: Desertum Magnum: studia historica. 2020. № 1. Pp. 12–18. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-18-18

В истории волжских калмыков связи с Тибетом занимали всегда особое место, с середины XVII в. они играли значительную роль во внешней политике Калмыцкого ханства. В разные периоды эти отношения претерпевали серьезные изменения, сказывалось влияние международной политической ситуации в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. В историографии тема калмыцко-тибетских отношений в XVII–XVIII вв. рассматривалась как часть истории внешней политики Калмыцкого ханства [Бакунин 1995; Митиров 2002; Пальмов 1926; Цюрюмов 2005; Цюрюмов 2007], калмыцко-китайских отношений [Беспрозванных 2002; Беспрозванных 2008] или истории распространения буддизма в России [Дорджиева 1995]. Несомненно, каждый из названных авторов внес определенный вклад в изучение этой темы и, создав предпосылки для дальнейшего серьезного исследования истории взаимоотношений калмыков с Тибетом. В данной статье мы отметим несколько работ, вышедших в последнее десятилетие, посвященных изучению этих отношений во второй четверти XVIII в. Именно в этот период произошло несколько знаменательных событий, к которым можно отнести: приезд из Тибета в Калмыцкое ханство Шакур-ламы, избранного верховным ламой, а также его политическую и религиозную деятельность; отправку калмыцкого посольства в Тибет в 1729–1735 гг.; дарование Далай-ламой VII грамоты «на ханство» Церен-Дондуку; организацию калмыцкого посольства в Тибет в 1737 г. и его задержание на российско-китайской границе.

Долгое время исследователям калмыцко-тибетских отношений не было известно содержание ни одной грамоты тибетских иерархов, отправляемых к калмыцким правителям в XVII–XVIII вв. В 2011 г. астраханский исследователь А. А. Курапов опубликовал тексты переводов на русский язык трех грамот: Далай-ламы V, Далай-ламы VII и Далай-ламы XIII, — обнаруженных в архивах Москвы и Санкт-Петербурга [Курапов 2011]. Публикация этого материала в региональном сборнике статей, по всей видимости, оказалась причиной того, что он не сразу стал известен научной общественности. В нашем случае интерес представляет перевод грамоты Далай-ламы VII, присланной наместнику Калмыцкого ханства Церен-Дондуку в 1735 г., которая является единственной «грамотой на ханство», содержание которой известно. В тексте документа отражены наставления и пожелания Далай-ламы VII, а также перечень подарков, ранее отправленных духовному главе и присланных Церен-Дондуку от Его Святейшества.

Более обстоятельный анализ текста перевода грамоты Далай-ламы VII сделала в своей работе Э. П. Бакаева [Бакаева 2019]. Автор, опубликовав полностью факсимиле копии перевода грамоты, сличила его с ранее опубликованным А. А. Кураповым текстом (обнаружен в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук),

выявив ряд небольших неточностей, и отобразила калмыцкие имена согласно современным правилам орфографии [Бакаева 2019: 898–902]. Э. П. Бакаева в упомянутой статье дает подробное описание на архивных материалах церемонии объявления наместника Церен-Дондука в ханское достоинство в 1735 г. [Бакаева 2019: 896–897], а также публикует не только факсимиле грамот, данных Далай-ламой V Йогузуру-цорджи [РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Ед. хр. 393. Л. 109] и Далай-ламой XIII — монаху Агбанг Санджи из калмыцкого Богдо-Далай-ламин хурула [РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Ед. хр. 393. Л. 108–108об.], но и факсимиле ранее бывшей неизвестной в научном мире грамоты Далай-ламы XIII, данную паломнику Самтан Ракбе из Ики-Цохуровского монастыря Раши Пунцоклинг (на тибетском языке и в переводе на русский язык) [Бакаева 2019: 916–922].

Об обстоятельствах организации калмыцкого посольства в Тибет в 1737 г. говорится в публикации В. Т. Тепкеева [Тепкеев 2019]. Несмотря на то, что эта посольская миссия так и не достигла своей цели, будучи вынуждена остановиться на российско-китайской границе, ее история интересна для понимания всей религиозно-политической жизни Калмыцкого ханства в XVIII в. На основе архивных материалов автор восполняет фактологические пробелы в освещении этого события. В частности, публикуется реестр участников и численность данного посольства. Этот документ позволяет понять основные принципы, согласно которым формировались подобные духовные миссии. Автор приходит к выводу, что формирование калмыцкого посольства в Тибет в 1737 г. проходило в благоприятной политической обстановке, которая сложилась на тот период в русско-калмыцких отношениях, и хан Дондук-Омбо стремился воспользоваться сложившимися условиями, чтобы укрепить собственную власть в Калмыцком ханстве. Однако ухудшение российско-цинских отношений в этот период не позволило посольству достичь своей цели, и оно было задержано на границе [Тепкеев 2019: 126].

Краткому обзору калмыцко-тибетских отношений в XVII–XVIII вв. посвящена работа А. В. Цюрюмова и А. А. Курапова [Цюрюмов, Курапов 2019]. Авторы на основе новых архивных материалов сообщают сведения о специфике формирования, основных направлениях, периодах, значительных исторических фигурах и итогах взаимодействия калмыков с Тибетом в указанный период. Поскольку основным способом калмыцко-тибетских взаимоотношений в XVIII в. стали официальные посольства-паломничества, авторы вводят в научный оборот новые сведения о начале организации калмыцкой миссии в Тибет в 1729 г., инициатором которой выступил верховный лама Калмыцкого ханства Шакур-лама. Результатом паломничества стало получение наместником Калмыцкого ханства Церен-Дондуком грамоты «на ханство» от Далай-ламы VII

[Цюрюмов, Курапов 2019: 1056–1057]. По мнению авторов, практически все политические и религиозные задачи посольства были успешно решены [Цюрюмов, Курапов 2019: 1057].

Достоинны внимания и новые сведения об организации калмыцкого посольства в Тибет в 1737 г., связанного с приходом к власти в ханстве Дондук-Омбо. Авторы также приходят к мнению, что политические и религиозные задачи этой миссии не были реализованы, поскольку посольство было задержано на российско-китайской границе. Причиной этому стало обострение отношений России и Китая и российское подданство калмыцкой делегации [Цюрюмов, Курапов 2019: 1057].

В целом указанная работа представляет наиболее полный обзор развития калмыцко-тибетских отношений в XVII–XVIII вв., поскольку является результатом многолетнего исследования астраханского исследователя А. А. Курапова. Этот автор внес большой вклад в изучение истории калмыцко-тибетских отношений, свидетельством чему служат его многочисленные публикации, в том числе и монографические работы [Курапов 2007; Курапов 2018]. Большая заслуга исследователя состоит в том, что при изучении данной темы он ввел в научный оборот значительный объем новых сведений из русских источников. Однако тибетские источники, которые могли показать эти отношения с другой стороны, во многом были ему недоступны.

Решение этой проблемы мы находим в работах другого исследователя калмыцко-тибетских отношений — Б. У. Китинова. На основе не только русских, но и многочисленных тибетских источников автору удалось раскрыть многие ранее неизвестные страницы истории взаимоотношений волжских калмыков с Тибетом. Рассматриваемый нами период, вторая четверть XVIII в., отражен в его работе, посвященной биографии калмыцкого верховного ламы Шакур-ламы, сыгравшего заметную роль в политической жизни Калмыцкого ханства [Китинов 2019]. Проанализировав различные сведения о деятельности калмыцких монахов в Тибете, Б. У. Китинов приходит к выводу, что как минимум трое из окончивших факультеты Дрепунга — Дондуб Гьяцо, Бюконгин и Шакур — сыграли значительную роль в политической и религиозной жизни Калмыцкого ханства. Именно это обстоятельство и определяло во многом духовные отношения калмыцких правителей с тибетскими иерархами [Китинов 2019: 139].

Б. У. Китинов также полагает, что Шакур-лама вынашивал идею возвращения калмыков в Центральную Азию, и с этой целью организовал посольство в Тибет в 1729 г., рассчитывая на поддержку тибетских учителей. Несмотря на положительный результат тибетской миссии в 1735 г., его планам не суждено было сбыться, и в конечном итоге он

потерпел поражение в политическом противостоянии с Дондук-Омбо и, выехал вместе с Церен-Дондуком в Санкт-Петербург, где умер в 1736 г. [Китинов 2019: 138–139].

В целом стоит отметить, что за последнее десятилетие историография по калмыцко-тибетским отношениям пополнилась рядом серьезных работ, в том числе диссертационными и монографическими исследованиями. Среди современных авторов нужно особо отметить работы двух исследователей — А. А. Курапова и Б. У. Китинова, внесших наибольший вклад в изучение этой темы. Именно этим двум авторам удалось ввести в научный оборот большое количество ранее неизвестных источников на различных языках. Можно только надеяться, что изучение истории калмыцко-тибетских отношений, актуальное в наше время, продолжится и дальше.

Литература

- Бакаева 2019 — *Бакаева Э. П.* Этническая идентичность калмыков и конфессиональные связи с Тибетом (к прочтению малоизвестных источников) // *Oriental Studies*. 2019. № 5. С. 891–925.
- Бакунин 1995 — *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.
- Беспрозванных 2002 — *Беспрозванных Е. Л.* Калмыцко-китайские отношения на втором этапе (середина 20-х — середина 30-х гг. XVIII в.) // *Стрежень: науч. ежегодник*. Вып. 1. Волгоград: Издатель, 2002. С. 147–153.
- Беспрозванных 2008 — *Беспрозванных Е. Л.* Калмыцко-китайские отношения в XVIII веке. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. 372 с.
- Дорджиева 1995 — *Дорджиева Г. Ш.* Буддизм и христианство в Калмыкии. Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII — начало XX вв.). Элиста: АПП «Джангар», 1995. 126 с.
- Китинов 2019 — *Китинов Б. У.* Выпускники монастыря Дрепунг как первые руководители калмыцкой сангхи (последняя треть XVII — первая половина XVIII в.) // *Труды Института востоковедения РАН*. 2019. Вып. 23. С. 135–141.
- Курапов 2007 — *Курапов А. А.* Буддизм и власть в Калмыцком ханстве XVII–XVIII вв. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 248 с.
- Курапов 2011 — *Курапов А. А.* Грамоты Далай-ламы калмыцким буддистам XVII – начала XX вв. // *Астраханские краеведческие чтения*. Вып. III. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2011. С. 136–139.
- Курапов 2018 — *Курапов А. А.* Российское государство и буддийская церковь на юге России: этапы эволюции социально-политического взаимодействия в XVII — начале XX вв. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2018. 464 с.
- Митиров 2002 — *Митиров А. Г.* Истоки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 272 с.
- Пальмов 1926 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории волжских калмыков. Ч. I: XVII и XVIII века. Астрахань: Калм. обл. исполн. ком-т, 1926. 264 с.

- Тепкеев 2019 — *Тепкеев В. Т.* Организация калмыцкого посольства в Тибет 1737 г. // *Magna Adsurgit: Historia Studiorum*. 2019. № 2. С. 120–126.
- Цюрюмов 2005 — *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в 1724–1741 гг.: хроники династийных междоусобиц. Элиста: Джангар, 2005. 160 с.
- Цюрюмов 2007 — *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 464 с.
- Цюрюмов, Курапов 2019 — *Цюрюмов А. В., Курапов А. А.* Из истории калмыцко-тибетских контактов XVII–XVIII вв. // *Oriental Studies*. 2019. № 6. С. 1050–1061.

Европа в Азии и Азия в Европе: социокультурные представления жителей России о Северо-Западном Прикаспии в XIX – начале XX вв.

*Сергей Степанович Белоусов*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН
(д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

© КалмНЦ РАН, 2020

© Белоусов С. С., 2020

Аннотация. В статье рассматриваются социокультурные представления жителей России о Северо-Западном Прикаспии, сложившиеся в XIX – начале XX в. Сопоставлены сведения россиян, путешествовавших по Астраханской губернии, в состав которой в указанный период входила большая часть территории региона. Выделены несколько наиболее типичных черт, которые позволили выяснить, каким в целом представлялся в социокультурном отношении этот край людям, жившим в России в XIX – начале XX вв. В глазах современников Астраханская губерния прежде всего являлась малонаселенным, отдаленным провинциальным уголком страны, в то же время в ней видели приграничную в политическом и географическом смысле территорию — своеобразный мост между Европой и Азией. В качестве характерной черты губернии отмечались многонациональность и многоконфессиональность состава населения, при этом обращалось особое внимание на большое количество представителей народов азиатского происхождения. Различные этнические группы активно взаимодействовали и влияли друг на друга, однако между собою не смешивались. Современники указывали также на мирное сосуществование различных религиозных групп, отношения между которыми в целом строились на принципах невмешательства в дела друг друга и веротерпимости. Статья написана на материалах опубликованных источников.

Ключевые слова: Северо-Западный Прикаспий, Астраханская губерния, XIX — начало XX вв., социокультурные представления, кочевники, межконфессиональное согласие, многонациональный состав населения

Благодарность: Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации АААА-А19-119011490038-5). Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале

XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Белоусов С. С. Европа в Азии и Азия в Европе: социокультурные представления жителей России о Северо-Западном Прикаспии в XIX — начале XX вв. // Desertum Magnum: studia historica. 2020. № 1. С. 19–27. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-19-27

UDC 930.2

DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-19-27

Europe in Asia and Asia in Europe: Socio-Cultural Perceptions of the Inhabitants of Russia of the North-Western Caspian Sea area in the XIX – early XX centuries

*Sergey S. Belousov*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS
(8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

© KalmSC RAS, 2020

© Belousov S. S., 2020

Abstract. The article focuses on socio-cultural perceptions of the north-western Caspian Sea area that were formed by people of Russia in the XIX and early XX century. It puts together the information from the Russian citizens who were travelling across Astrakhan province which at the time included the area in question. The study points out several most typical features that enable us to determine the way people living in Russia in the XIX and early XX century generally perceived the region in the socio-cultural sense. In the eyes of the contemporaries, Astrakhan province was, first of all, an under-populated, remote provincial part of the country which at the same time was seen as a border territory in a political and geographical sense – a certain kind of a bridge between Europe and Asia. The distinctive characteristic of the province was its multinational and multi-religious population, a great number of which were people of Asian origin. Different ethnic groups actively interacted and influenced each other, however, never mixed. The contemporaries also pointed out the peaceful coexistence of different religious groups, the relationships among which were built on the principle of non-interference and religious tolerance. The materials for the article are taken from the published sources.

Keywords: North-Eastern Caspian Sea area, Astrakhan province, the XIX and early XX century, socio-cultural perceptions, nomads, interreligious harmony, multi-national population.

Acknowledgement: The research was conducted within the scope of government grant — the project “An Integrated Research of Socio-political and Cultural Development Processes of people from the South of Russia (state registration number AAAA-A19-119011490038-5). The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Belousov S. S. Europe in Asia and Asia in Europe: Socio-Cultural Perceptions of the Inhabitants of Russia of the North-Western Caspian Sea area in the XIX — early XX centuries. In: Desertum Magnum: studia historica. 2020. № 1 . Pp. 19-27. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-19-27

Вимперский период на территории Северо-Западного Прикаспия в результате переселенческой политики российских властей и неконтролируемых миграций сложился своеобразный этносоциальный и конфессиональный состав населения со своим укладом жизни, который способствовал формированию в российском обществе определенного социокультурного образа о данном регионе. На его формирование оказали влияние природа и особенности исторического, политического, этнокультурного и социально-экономического развития региона. В рассматриваемый период основная часть территории Северо-Западного Прикаспия в административном отношении входила в состав Астраханской губернии.

Путешествующие по Астраханской губернии обращали внимание на обширность ее территории и одновременно малонаселенность. Образ астраханской окраины непосредственно ассоциировался с рекой Волгой и Каспийским морем, вдоль которых концентрировалась вся активная жизнь, а огромные степные территории левобережья и правобережья являлись царством кочевников, где жизнь протекала неторопливо и размеренно. «Один взгляд на карту Астраханской губернии способен, мне кажется, спугнуть не слишком предприимчивого туриста. Если бы не Волга, то эта ужасная калмыцкая степь немного бы уступала неизмеримой Сагаре (Сахаре — С. Б.). Страшно глядеть, даже на карте, на эти пустынные пространства, через которые нет ни пути, ни дороги», — писал в 1852 г. в своей книге Н. А. Ермаков [Ермаков 1852: 113]. В изданном в 1884 г. в Казани С. Монастырским «Иллюстрированном спутнике по Волге» говорилось, что в Астраханской губернии «все поселки прилепились к берегам реки; вправо и влево, на сотни верст — пустынная

и унылая степь, где нет ни городов, ни дорог, ни рек, словом, ничего, чем обуславливается жизнь и движение» [Монастырский 1884: 294]. По прошествии двадцати лет после выхода книги Монастырского картина практически не изменилась. Проплывшая на теплоходе по Волге от ее верховьев до Астрахани С. К. Круковская отмечала: «Берега от Царицына до Астрахани низменны, глинисто-песчаны, не оживлены растительностью и производят крайне безотрадное впечатление... Никакого поселения не увидишь на безжизненных безлюдных берегах самой Волги, и только кое-где на низменных островках мелькают избушки рыболовов» [Круковская 1904: 7]. И далее: «Огромный простор Волги поражает своей грандиозностью, своей мощью, но не оживленностью. Только изредка встретится такой же речной пароход-гигант и приветом ознаменует свою встречу: рев грохотом раскатится по берегам и далеко замрет в воздухе. Но вот он прошел, оставив за собой длинную полосу серого дыма, и снова безграничный, безлюдный простор» [Круковская 1904: 9].

В глазах жителей Санкт-Петербурга и Москвы Астраханский край выглядел далекой окраиной и нес отпечаток провинциальности, оторванности от кипевшей в крупных центрах страны жизни. Упомянутый выше Н. А. Ермаков выделял три черты астраханской провинциальности: «Что же касается до отдаленности, то Астрахань и край ее имеют 3 разных вида этого качества (отчего оно и принимает действительно ужасающие размеры), отдаленность географическую, отдаленность сообщения и отдаленность нравственную» [Ермаков 1852: 118–119].

Путешественники подмечали тот факт, что в пределах Астраханской губернии река Волга, а также климат и ландшафт местности, имели свои особенности. «Берега Волги от Царицына изменяются значительно. Горы сглаживаются, точно к воде прилечь хотят, скоро и совсем пропадают... И не веришь, что это Волга... Где ее крутые яры, где ее лесистые горы, белые скалы? Где села, что над ярами, словно поволжскую даль высматривать выбегают. Все гладко... Зелено, пустынно», — восклицал путешествовавший весной 1876 г. по Волге русский писатель, журналист В. И. Немирович-Данченко [Немирович-Данченко 1877: 175].

Астраханская губерния воспринималась современниками и как окраинная, приграничная территория государства, и как географическая граница между частями света — Европой и Азией, которая официально проходила по Уралу. Основание думать так давали географическое положение губернии, схожесть астраханской природы со среднеазиатской и наличие в губернии большого количества представителей народов азиатского происхождения.

По наблюдению В. И. Немировича-Данченко, влияние Азии начинало сказываться уже на границе Саратовской и Астраханской губерний, в частности начиная с колонии Сарепты: «...отсюда русский элемент на

Волге мало-помалу уступает инородческому» [Немирович-Данченко 1877: 177]. Он удивлялся: «Иногда на одной и той же пристани толпятся и немцы-колонисты, и калмыки, и киргизы, и случайно попавшие казаки, и армяне, и персы в своих высоких шапках. Не знаешь куда смотреть, на чем остановиться, — точно на этнографическую выставку попал. Прибавьте к этому оригинальную пестроту костюмов и лиц, между которыми только изредка мелькает русая бородка и открытое сероглазое лицо здорового нижегородца, попавшего сюда по торговому делу... Говор, в котором голову потеряешь, и немецкая шипящая фраза, и гортанный калмыцкий выклик, и мягкая певучесть перса, и резкий, но звучный армянский язык... Все это мешается в одну толчею, на которой точно пузыри на воде, вскакивают и лопаются трехэтажные, весьма непочтительные выражения, точно знаменуя, что не все же здесь инородцы, что и русские тут чувствуют себя как нельзя лучше» [Немирович-Данченко 1877: 177].

Своим многонациональным составом Астраханская губерния поразила и русского писателя И. С. Аксакова, участвовавшего в 1844 г. в ревизии органов управления губернии. «Множество народа, смесь, пестрота, сбор людей всех губерний, почти всех наций, разгул, обилие вод — такова картина Астрахани и берегов приморских этого края», — резюмировал он свои впечатления в одном из писем из Астрахани к своим родным [Аксаков 1988: 14].

Полуевропейским и полуазиатским выглядел в глазах современников XIX в. и административный центр губернии — город Астрахань. Достаточно метко выразился о его облике знаменитый французский писатель А. Дюма-старший: «Основа русская, раскраска армянская, персидская, татарская и калмыцкая». Русский ученый К. Ф. Спасский-Автономов писал: «Астрахань — вполне русский старинный город, с значительными остатками татарского происхождения. Но русская стихия давно возобладала над татарским началом, а с тем вместе и европейская гражданственность быстро изменяет прежний быт смешанного народонаселения, так что с первого взгляда, подъезжая к Астрахани, скажешь: „Это европейский город на рубеже Азии“. Церкви, общественные здания и некоторые частные дома говорят вам о Европе и Руси: только татарские предместья и около них разбросанные калмыцкие кибитки напоминают об Азии. Улицы широки и довольно прямы, площади и базары обширны; недостает надлежащей опрятности и вообще мостовой» [Спасский-Автономов 1854: 137]. Схожее мнение от знакомства с Астраханью вынес и Н. П. Боголюбов, издавший в 1862 г. путеводитель «От Твери до Астрахани». Он писал: «Строения здешние возведены по-европейски, и только в предместьях встречаются дома, обнесенные заборами на азиатский лад, но новоприезжего поразит пе-

строта населения, представляющая странную смесь и резкую противоположность европейского типа с азиатским. Здесь столпились армяне, татары, туркмены, калмыки, киргизы и русские в своих национальных костюмах, и вам встречаются на улице то остроконечные шапки персов, то чалмы и чухи татар, то халаты бухарцев и белые покрывала армянок, то русская рубаха, то казачий казанкин. То едут мимо вас щегольские дрожки, то тянется татарская арба, либо медленно проходит навьюченный верблюд» [Боголюбов 1862: 407]. Под впечатлением от увиденного в Астрахани Н. П. Боголюбов заявил, что она «резко отличается от прочих приволжских городов своим полуевропейским и полуазиатским видом» [Боголюбов 1862: 407]. Как выразился упоминавшийся выше Я. П. Кучин: «Вам чудится, что вы попали в какой-то другой мир, так эта картина отлична от всего того, что представляется взорам в других приволжских городах» [Кучин 1870: 251].

Наиболее наблюдательные из путешественников тонко подметили, что проживающие в губернии различные этнические группы хотя и влияли друг на друга, активно взаимодействовали, но в то же время не смешивались между собой. К. Ф. Спасский-Автономов писал: «В Астрахани русский человек и русский городской быт совершенно возобладал над туземною татарскою стихиею, а Волга там, особенно летом, переполнена и кипит всем русским; однако ж и в самой Астрахани заметите, как я уже сказал, много татарского и мусульманского даже под русскою оболочкою, увидите и калмыков, и киргизов со всем их бытом. Когда же выедете из Астрахани в степи, то, несмотря, что на самом деле сближаетесь с Россиею, окружающее говорит вам, что вы едва ли не опять попали в Азию» [Спасский-Автономов 1854: 166]. По наблюдению Н. А. Ермакова, «все здесь живущие различные племена инородцев, конечно, имеют более или менее одинаковые костюмы, каждое отдельное племя; но в этой одинаковости все-таки видно некоторое однообразие*, по русской поговорке, всякий молодец на свой образец: кто так, кто эдак. Иногда вы видите татарина в калмыцкой шапке, калмык переймет что-нибудь с татарина...» [Ермаков 1852: 165]. Н. А. Ермаков привел также в качестве примера взаимовлияния этносов распространение между многими армянами и русскими персидского обычая носить с собой четки и перебирать их во время беседы и отдыха [Ермаков 1852: 166].

На гостей города огромное впечатление производил Астраханский Кремль и величественный православный собор «Во имя Успения Божьей матери». Они являлись символами могущества и присутствия России на астраханской окраине, это особенно подмечали русские люди, возвращавшиеся из поездки по Средней Азии [Спасский-Автономов 1854: 136].

* Так в источнике. Возможно, имелось в виду «разнообразие».

Наличие в Астрахани и в губернии большого количества культовых сооружений различных вероисповеданий, свободное их функционирование, а также отсутствие на протяжении всей истории региона сколь-нибудь значительных межрелигиозных конфликтов сформировали в общественном сознании образ региона, для которого характерной чертой в межконфессиональных отношениях была веротерпимость. Посетивший Астрахань в 1797 г. польский писатель Ян Потоцкий писал: «Но самое большое впечатление произвела на меня веротерпимость, какую, может быть, чрезвычайно трудно найти на каком-нибудь месте земного шара. Последователи Али, проклиная в своих караван-сараях приверженцев секты Омара, могут слышать, как призывают на молитву крики муэдзинов сих последних, колокола греческой церкви, тамтам индейцев, и, может быть, жужжание лам. К этим разным религиям можно еще присовокупить несколько сект староверцев, и все европейские и азиатские общества» [цит. по: Алексеев 1936: 209]. Потоцкому вторил К. Ф. Спасский-Автономов: «Астрахань, совмещающая столько народов, есть вместе и представительница веротерпимости великой Империи» [Спасский-Автономов 1854: 139].

Основным занятием жителей поволжской и приморской части населения являлось рыболовство, торговля и судоходство. Кочевники, а также крестьяне удаленных от Волги и Каспия территорий занимались в больших размерах скотоводством, однако в сознании большей части россиян Астраханская губерния ассоциировалась прежде всего с рыболовством и торговлей. С рыболовецкой отраслью была связана хозяйственная деятельность многих людей — разных сословий (крестьян, казаков, мещан, купцов, дворян) и народов (значительной части калмыков, казахов, татар и представителей других народов). Рыболовство и соледобыча привлекали на заработки большое количество пришлого населения, чему также способствовало большое развитие торговли в крае. «Астраханский рейд с бесчисленными караванами барж и пароходов, с целым лесом мачт, пароходных труб, с разноцветными флагами и снастями очень красив и оживлен и указывает на торговое значение Астрахани <...> Исады* — это настоящий этнографический музей: тут можно встретить коренного великоросса, малоросса-хохла, немца-колониюста, перса, калмыка, киргиза, армянина... Кто торгует, кто покупает», — пишет С. К. Круковская в своей книге об Астраханском крае [Круковская 1904: 17–18, 29].

Торговля благоприятствовала установлению контактов между представителями различных этносов и познанию друг друга. «Кроме постоянных жителей, в Астрахань всегда съезжается масса торговцев из Кавказа, Туркестана и Персии, толпы местных инородцев, грузчики-персы и массы рабочих-рыболовов. Здесь Азия знакомится и торгует с

* Исады — знаменитый восточный базар в Астрахани.

Русью», — констатировали авторы путеводителя «Волга», изданного в 1911 г. [Лепешинская, Добрынин 1911: 270].

Успешное развитие торговли и различных промыслов способствовали тому, что у россиян сложилось представление об Астраханской губернии как о территории, где комфортно живется и можно хорошо заработать. К. Ф. Спасский-Автономов отмечал, что в губернии имеется «бедна» рыбы, большое количество скота, а также «изобилие» поставляемых из других мест хлеба и мяса. «По всем этим обстоятельствам, — писал он, — жизнь в Астрахани самая дешевая, быть может, в целом в Империи, исключая разве Сибирь» [Спасский-Автономов 1854: 139]. В своих очерках К. Ф. Спасский-Автономов привел слова одного из местных старожилов, который до своего поселения в Астрахани долго жил в Москве, Санкт-Петербурге и в разных губерниях России. Сравнивая уровень жизни в Астрахани с уровнем жизни в других местах, тот сказал: «Нигде в целом в России нет столько способов к жизни для бедного человека, как в Астрахани; хлеб здесь не дорог, мясо также, а рыбу и зелень бедняк может получить даже даром: все, что остается от утренней продажи из рыбы и зелени, уже никем не покупается» [Спасский-Автономов 1854: 140].

В 1844 г. И. С. Аксаков, следуя в Астрахань, на постое в Царицыне услышал от ямского старосты о том, что в народе Астрахань называли Разбалуй-город, а губернию — «народною, потому, что летом из всех губерний собираются люди на промысел» [Аксаков 1988: 14]. Староста также рассказал, что направляющиеся на заработки люди вступают в артели, где «обо всем домашнем забывают и переиначиваются...». Заработанные деньги многие из них «растрачивают в гульбе». В 1876 г., когда В. И. Немирович-Данченко задал местному армянину вопрос о том, как им тут живется, тот ответил: «Еще бы не хорошо... Свое место. Я в Москве зиму живу, каждое лето сюда езжу, потому что скучно. Наша Астрахань — рая не надо» [Немирович-Данченко 1877: 236].

Рассказы побывавших с разными целями в Астраханской губернии людей способствовали формированию в российском обществе определенных представлений о природе и социокультурных особенностях губернии. Сопоставив сведения различных путешественников об Астраханской губернии, можно выделить несколько наиболее типичных черт, которые позволяют понять, какой в целом представлялась в социокультурном отношении Астраханская губерния людям, жившим в России в XIX — начале XX вв.

В глазах современников Астраханская губерния, прежде всего, являлась малонаселенным, отдаленным провинциальным уголком России и, в то же время, приграничной в политическом и географическом смысле территорией — своеобразным мостом между Европой и Азией. В качестве характерной черты губернии они называли многонациональность

и многоконфессиональность состава населения, при этом обращая особое внимание на большое число представителей народов азиатского происхождения. Различные этнические группы активно взаимодействовали и влияли друг на друга, однако между собою не смешивались. Современники указывали также на мирное сосуществование различных религиозных групп, отношения между которыми в целом строились на принципах невмешательства в дела друга и веротерпимости.

Литература

- Аксаков 1988 — *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844–1849. М.: Наука, 1988. 704 с.
- Алексеев 1936 — *Алексеев В. Н.* Исторические путешествия. Извлечение из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV — XVIII веках. Сталинград: Краевое кн. изд-во, 1936. 327 с.
- Боголюбов 1862 — *Боголюбов Н. П.* Волга от Твери до Астрахани. СПб.: О-во «Самолет», 1862. 415 с.
- Ермаков 1852 — *Ермаков Н. А.* Астрахань и Астраханская губерния: описание края и общественной и частной жизни его, состоящее из записок, веденных во время 11-ти месячного пребывания в нем. М.: Тип. В. Готье, 1852. 176 с.
- Круковская 1904 — *Круковская С. К.* Астраханский край. СПб.: Петербург. учеб. магазин, 1904. 220 с.
- Кучин 1870 — *Кучин Я. П.* Путеводитель по Волге между Нижним и Астраханью. СПб.: Изд. Я. П. Кучина, 1870. 258 с.
- Лепешинская, Добрынин 1911 — *Лепешинская А., Добрынин Б.* Волга. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1911. 280 с.
- Монастырский 1884 — *Монастырский С. И.* Иллюстрированный спутник по Волге: в 3 ч. Ч. 2. Казань: изд. С. Монастырского, 1884. 332 с.
- Немирович-Данченко 1877 — *Немирович-Данченко В. И.* По Волге: очерки и впечатления летней поездки. СПб.: И. Л. Тузов, 1877. 403 с.
- Спасский-Автономов 1854 — *Спасский-Автономов К. Ф.* Путевые записки от Баку до устьев Урала // Вестник Императорского русского географического общества. Ч. 10. Кн. II. СПб., 1854. С. 121–166.

Калмыцкая дивизия и ее место в нумерации кавалерийских соединений РККА в 1918–1919 гг.

*Уташ Борисович Очиров*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН

(д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, главный научный сотрудник

© КалмНЦ РАН, 2020

© Очиров У. Б., 2020

Аннотация. Несмотря на большое количество трудов по истории Гражданской войны, история военных формирований РККА первых лет до сих пор остается слабо разработанной тематикой. До сих пор нет полного списка соединений Красной армии, в том числе кавалерийских дивизий. Одним из способов выявления кавалерийских дивизий, запланированных к формированию, является анализ нумерации, которая была сквозной и сплошной и велась в специальной системе учета. Анализ показал, что среди соединений, формируемых в 1918–1919 гг., была и Калмыцкая кавалерийская дивизия, которой центральное военное руководство во главе с наркомом Л. Д. Троцким уделяло особое внимание, ввиду того, что калмыки были прирожденными конниками и могли быстро освоить службу в кавалерии.

Ключевые слова: история военных формирований, Гражданская война, Красная армия, кавалерия, Калмыцкая кавалерийская дивизия

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации АААА-А19-119011490038-5). Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Очиров У. Б. Калмыцкая дивизия и ее место в нумерации кавалерийских соединений РККА в 1918–1919 гг. // *Desertum Magnum: studia historica*. 2020. № 1. С. 28–41. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-28-41

UDC 355.48

DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-28-41

Kalmyk Division and its Place in the Numbering of Cavalry Units of the Red Army in 1918–1919

*Utash B. Ochirov*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS
(8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

© KalmSC, 2020

© Ochirov U. B., 2020

Abstract. Despite the great number of works on the history of the Civil War, the history of the military units of the Red Army during the first years of its establishment still has not been thoroughly investigated. The list of the Red Army formations including cavalry units is still not complete. One of the ways to detect cavalry divisions, scheduled for formation, is numbering analysis which was open-type and solid and was maintained in the specific recording system. The analysis showed that among the units formed in 1918–1919 there was the Kalmyk cavalry division that drew special attention of the central military authorities headed by People’s Commissar L. D. Trotskiy due to the fact that Kalmyks were born horsemen and could quickly master cavalry service.

Keywords: the history of the military units, the Civil War, the Red Army, cavalry, Kalmyk Cavalry Division

Acknowledgement: The research was conducted under the scope of government grant — the project “An Integrated Research of Socio-political and Cultural Development Processes of people from the South of Russia (state registration number AAAA-A19-119011490038-5). The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Ochirov U. B. Kalmyk Division and its Place in the Numbering of Cavalry Units of the Red Army in 1918–1919. In: *Desertum Magnum: studia historica*. 2020. № 1. Pp. 28–41. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-28-41

По истории Гражданской войны в России как в отечественной, так и в зарубежной историографии имеется огромное количество литературы. К сожалению, политизация этой тематики (в том числе со стороны белой эмиграции и ряда зарубежных историков) и длительный период диктата советской идеологии над наукой породили огромное множество мифов, которые в значительной степени исказили реальную историю тех лет. Засекречивание ряда архивных фондов (в том числе Российского зарубежного исторического архива, захваченного в Праге в 1945 г.) в СССР также заметно ограничило возможности для полномасштабных исследований. Лишь в постсоветский период появились исследования, которые стали объективно рассматривать различные аспекты истории Гражданской войны, опираясь при этом на широкий комплекс источников всех противоборствующих сторон.

К числу сравнительно слабо изученных отраслей военной истории Гражданской войны относится и история воинских формирований, причем не только Белой, но и Красной армии. Относительно долгое время была малоизученной история формирования большинства соединений РККА, в том числе кавалерийских, хотя они в боевых действиях того времени сыграли ключевую роль. До сих пор отсутствует полный список всех соединений Красной армии, участвовавших в боевых действиях, не говоря уже о тех, кто планировался к формированию или формировался, но не смог вступить в бой.

В числе проблем по истории формирования конных соединений РККА, которые оставались нерешенными, есть и вопрос о нумерации советских кавалерийских дивизий. Данная проблема вовсе не сугубо техническая или схоластическая, как может показаться на первый взгляд. В РККА того времени существовала единая (в большинстве своем сквозная и сплошная) нумерация дивизий, которая планировалась и внедрялась центральным военным руководством. Наличие «разрывов» в нумерации соединений РККА может свидетельствовать о планах формирования или формировании каких-то дивизий, которые «не дожили» до времени получения номера от центра. В условиях отсутствия полного списка соединений анализ нумерации может позволить его реконструировать. Проблему с нумерацией кавалерийских дивизий РККА в 1918–1919 гг. хорошо иллюстрирует энциклопедия «Гражданская война и военная интервенция», созданная большим коллективом под руководством директора Института истории СССР С. С. Хромова, которая была, да, пожалуй, и остается по сей день наиболее информативным справочным изданием по истории Гражданской войны с «красной стороны», несмотря на содержащиеся в ней ошибки, неточности и идеологические «перекося» [Гражданская война 1983; Гражданская война 1987].

В статье «Кавалерия» о нумерации кавдивизий РККА в энциклопедии было написано следующее (все цитаты приводятся по 1-му изданию): «К сер[едине] 1919 [г.] в Кр[асной] Армии насчитывалось 5 кав. дивизий (2-я, 4-я, 6-я, 3-я Туркестанская и 7-я)... С сент[ября] по дек[абрь] 1919 [г.] в Кр[асной] Армии было вновь сформировано 10 кав. дивизий (1-я Кавказская, 1-я Туркестанская, 5-я, 8-я Червоного казачества, 9-я, 10-я, 11-я, 12-я, 13-я, 16-я)... К кон[цу] 1919 [г.] сов[етская] К[авалерия] сравнялась в силах с К[авалерией] противника. По мере изгнания из страны интервентов и белогвардейцев возможности формирования стратегич[еской] К[авалерии] значительно возросли, что позволило... сформировать 10 кав. дивизий (2-ю Туркестанскую, 5-ю Кубанскую, 9-ю Крымскую, 10-ю Кубанскую, 14-ю, 15-ю, 17-ю, 18-ю, 20-ю и 21-ю)» [Гражданская война 1983: 242–243].

Следует заметить, что в этой цитате имеется ряд ошибок, в результате которых сведения, представленные в ней, противоречат информации, данной в других статьях энциклопедии или даже фактам, приведенной в этой же статье «Кавалерия». Например, в этом перечне отсутствует 1-я Московская кавдивизия, хотя о ней упоминается (пусть и с ошибками) в начале статьи «Кавалерия»: «Первым соединением регулярной К[авалерии] Кр[асной] Армии была Моск[овская] кд (с 28 февр[аля] 1920 [г.] — 1-я кд), сформированная на терр[итории] Моск[овского] В[оенного] О[круга] из солдат-добровольцев 2-й кд старой армии: она участвовала в боях на Вост[очном] фр[онте] с весны 1919 [г.] в составе 4-й А[рмии]» [Гражданская война 1983: 241]. На самом деле 1-я Московская кавдивизия формировалась не из воинов 2-й кавдивизии, а на базе 4-й кавдивизии Императорской армии [Тинченко 2012], но из кавалерийских соединений единой нумерации она действительно начала формироваться самой первой (с 19 июня 1918 г.). Ни слова в статье «Кавалерия» нет о создании в июне 1919 г. 9-й кавдивизии, хотя в соответствующей словарной статье сведения о соединении Д. К. Мурзина есть [Гражданская война 1983: 173–174]. И, наоборот, 2-я (Орловская) кавдивизия, указанная в числе сформированных к середине 1919 г., в словарной статье «Вторая кавалерийская дивизия» не упомянута вовсе [Гражданская война 1983: 132]. Кроме того, в процитированной статье не учтен такой фактор, как время присвоения номера. Между тем, 3-я Туркестанская кавдивизия свой номер получила после 7-й, 10-я — после 11-й, а 8-я Червоного казачества — после 13-й кавдивизии. Это ясно свидетельствует о наличии пропусков в нумерации соединений, восполненных позже.

Если выстроить хронологию присвоения номеров реально сформированным кавалерийским дивизиям РККА (даты присвоения номеров определены согласно приказам армий или фронтов, которым непосред-

ственно подчинялись указанные соединения, а в случае отсутствия таковых, согласно приказам РВС Республики), то в период до середины 1919 г. картина будет следующая.

22 ноября 1918 г. началось формирование 2-й (Орловской) кавдивизии (это был повторный приказ, первый вышел еще 30 июля того же года). Таким образом, именно это соединение, малоизвестное даже специалистам, стало первой советской кавдивизией, сформированной согласно приказу центрального руководства (РВС Республики).

14 марта 1919 г. Особая кавдивизия 10-й армии (сформирована 30 января 1919 г. на базе Сводной кавдивизии, созданной 28 ноября 1918 г.) получила № 4. Это соединение, оказавшееся одним из самых известных и прославленных в Красной армии, стало основой для создания первого в РККА конного корпуса и 1-й Конной армии.

26 марта 1919 г. кавдивизия 10-й армии (сформирована 18 марта 1919 г. на базе 1-й Ставропольской кавдивизии 11-й армии, созданной еще в октябре 1918 г.) получила № 6. Наряду с 4-й кавдивизией стала основой для создания конного корпуса и 1-й Конной армии.

3 апреля 1919 г. 1-я Особая кавдивизия 11-й армии (только начавшая формирование) получила № 7. Позже она стала известна как 7-я Самарская кавдивизия и вошла в состав 3-го конного корпуса (2-го формирования).

10 апреля 1919 г. кавдивизия Туркестанской армии (сформирована 5 марта 1919 г.) получила наименование «3-я Туркестанская».

16 июня 1919 г. началось формирование 9-й кавдивизии в составе 12-й армии (2-го формирования) на базе Особой кавбригады Д. К. Мурзина 2-й Украинской Советской дивизии. В боях с петлюровцами кавдивизия понесла тяжелые потери и 28 октября 1919 г. ее расформировали.

Кроме того, вне единой нумерации в составе РККА в первой половине 1919 г. формировалась кавалерийская дивизия, имевшая свою нумерацию в составе войск Украинской ССР.

27 марта 1919 г. — в 1-й Украинской советской армии на базе кавбригады А. М. Беленковича началось формирование 1-й Украинской советской кавдивизии. 6 июня 1919 г., после объединения вооруженных сил советских республик, ликвидации Украинского фронта и передачи украинских красных войск в состав РККА, ее расформировали.

Также в составе Литовско-Белорусской армии формировалась Западная кавдивизия, которая официально номера не имела.

Таким образом, видно, что в нумерации кавдивизий от 1 до 9 были пропущены № 1, 5 и 8, а № 3 был добавлен позже.

Во второй половине 1919 г. номера из единой нумерации были присвоены еще нескольким кавалерийским соединениям.

25 августа 1919 г. кавдивизия Южной группы Восточного фронта (начала формирование 11 августа в Самаре) получила № 5. 4 июня

1920 г. она стала именоваться 5-й Туркестанской, но в боях участия так и не приняла. 4 июля 1920 г. ее расформировали. Скорее всего, ее формирование так и не завершилось.

27 сентября 1919 г. в составе Московского военного округа началось формирование 11-й кавдивизии. Позже она вошла в состав 1-й Конной армии.

29 октября 1919 г. в составе 3-й армии была сформирована 10-я кавдивизия, которая позже вошла в состав 3-го конного корпуса (1-го формирования).

3 ноября 1919 г. 2-я Советская кавдивизия Запасной армии (начала формирование 16 сентября 1919 г.) получила № 12. В бой вступила лишь в феврале 1920 г.

20 ноября 1919 г. кавдивизия 5-й армии (сформирована 24 сентября 1919 г.) получила № 13. Позже она стала известна как 13-я Сибирская.

4 декабря 1919 г. кавдивизия Червоного казачества (сформирована 4 сентября 1919 г.) получила № 8.

23 декабря 1919 г. кавдивизия 8-й армии (сформирована 2 ноября 1919 г.) получила № 16 [Гражданская война 1983: 119, 172, 173, 186, 411, 444 и др.].

Таким образом, к концу 1919 г. были сформированы следующие кавдивизии: 2-я (расформирована в августе 1919 г.), 3-я, 4-я, 5-я, 6-я, 7-я, 8-я, 9-я (расформирована в октябре 1919 г.), 10-я, 11-я, 12-я, 13-я, 16-я. В нумерации кавалерийских дивизий к концу года оказались пропущены № 1, 2, 9, 14, 15 (2-я и 9-я были расформированы ввиду их малой численности), а № 8 и 10 были добавлены позже.

Следует заметить, что к тому времени существовали еще пять кавдивизий, находившиеся вне общей нумерации. Три из них, входившие в Кавказский фронт, в начале 1920 г. заполнили имеющиеся лакуны.

26 февраля 1920 г. Московская кавдивизия по приказу фронта получила № 1.

27 февраля 1920 г. кавдивизия 9-й армии (сформирована 17 ноября 1919 г. на базе созданной в сентябре конгруппы 9-й армии) получила № 2. Позже прославленное соединение переименовали в 5-ю Ставропольскую кавдивизию им. М. Ф. Блинова.

18 марта 1920 г. Донская кавдивизия Е. А. Трифонова (сформирована 11 октября 1919 г.) получила № 9. Позже она была включена в состав 1-й Конной армии, а в мае 1920 г. обращена на доукомплектование 11-й кавдивизии.

Две кавдивизии сохранили самостоятельную нумерацию: 1-я Кавказская кавдивизия Г. Д. Гая, начавшая формирование 25 сентября 1919 г., и 1-я Туркестанская кавдивизия, начавшая формирование 24 октября 1919 г. [Гражданская война 1983: 132, 444–446 и др.].

Как видно, к концу 1919 г. «чехарда» с нумерацией кавдивизий в целом завершилась и советское командование смогло установить в этом вопросе стройную единую систему (за некоторым исключением).

Почему же в сквозной и гипотетически сплошной нумерации кавалерийских дивизий возникли такие разрывы, а некоторые номера присваивались с опозданием? Каким соединениям планировалось присвоить № 1, 5 и 8 в первой половине 1919 г., № 14 и 15 — во второй половине 1919 г.? Почему были присвоены с опозданием № 3 в первой половине 1919 г., № 8 и 10 — во второй половине 1919 г.? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо более подробно рассмотреть процесс формирования кавдивизий РККА в 1918–1919 гг.

В первой половине 1918 г. руководство вновь созданной Красной армии было сконцентрировано на формировании стрелковых дивизий. Всероссглавштаб, состоявший большей частью из бывших офицеров Российской Императорской армии, явно недооценивал значение кавалерии как самостоятельного рода войск под влиянием опыта Первой мировой войны, которая большей частью была позиционной. В апреле 1918 г. был разработан первый штат кавалерийской части — 4-эскадронный полк пехотной дивизии (войсковая конница). Формирование стратегической конницы наркоматом по военным делам не планировалось. Однако первые бои на Юге России, где имелись широкие открытые пространства, предоставлявшие хорошие возможности для маневрирования больших масс конницы, доказали ошибочность этих взглядов.

18 июня 1918 г. управление по организации армии Всероссглавштаба получило сообщение о решении «спешно» начать формирование стратегической конницы РККА: трех отдельных кавдивизий в Московском и Орловском военных округах и Тургайской области. Согласно «спешно» разработанному штату в состав кавалерийской дивизии должны были входить 6 кавалерийских полков (сведенных в 3 бригады), конно-артиллерийский дивизион, технический эскадрон, а также авиаотряд и рота «самокатчиков» (при полном отсутствии структур по обслуживанию и ремонту столь сложной техники). Впрочем, учитывая сложности с наличием самолетов и «самокатов», формирование этих подразделений разрешалось осуществлять во вторую очередь, и, забегая вперед, скажем, что ни в одном соединении они так и не были сформированы. А по новым штатам, принятым на базе опыта Гражданской войны, от подразделений авиации и «самокатчиков» и вовсе отказались. Всего по штату 1918 г. в кавдивизии числилось 7 653 человек (в том числе 286 командиров и приравненных к ним лиц), 8 469 лошадей (в том числе 6 954 верховых), 16 орудий (4 — 114-мм гаубицы и 12 — 76-мм орудий), 24 станковых пулеметов (без учета «ружей-пулеметов»). 10 июля 1918 г. Военно-законодательный совет при коллегии Наркомата по военным де-

лам утвердил это предложение и штаты [РГВА. Ф. 7739. Оп. 1. Д. 13. Л. 8–11, 14].

Кавдивизии Московского и Орловского военных округов должны были формироваться окружными военкоматами из воинов бывшей царской армии и позже им были присвоены, соответственно, № 1 и 2. Однако их формирование шло медленно. Ветераны Первой мировой не особо стремились к участию в новой войне, а вновь мобилизованных необходимо было обучать. По приказу № 982 РВС Республики от 5 июня 1919 г. кавдивизии стали состоять из двух бригад (четырёх полков), что ускорило их выход на фронт.

В Московской кавдивизии 1-й кавполк Я. А. Мелькумова быстрее всех закончил формирование и в марте 1919 г. убыл на фронт. Оставшиеся три полка формировались чуть ли не целый год и вступили в бой в июне 1919 г. Соединению был присвоен № 1 лишь 28 февраля 1920 г., но на самом деле этот номер уже был у него. Например, в вышеупомянутом приказе от 5 июня 1919 г. данная кавдивизия значилась под № 1, а ее полки имели соответствующую нумерацию [Тинченко 2012]. Очевидно, что позднее присвоение номера явилось следствием ошибки работников Всероссглавштаба, не оформивших официально это решение. Однако в системе учета штаба РККА Московская кавдивизия всегда значилась под № 1.

2-я кавдивизия формировалась полгода и в ноябре 1918 г. была направлена на Южный фронт, в составе которого числилась до мая 1919 г. Она ничем особым не проявила себя, к тому же часть личного состава перешла к белым. От соединения остался 531 боец, и 4 июля 1919 г. Главком И. И. Вацетис передал его на укомплектование 1-й Донской кавдивизии Особого корпуса Ф. К. Миронова. При этом Главком приказал Полевому штабу РВС Республики сохранить на своем учете номер 2-й кавдивизии [Филипп Миронов 1997: 235–236].

Тургайскую кавдивизию, инициатором создания которой был «чрезвычайный комиссар Степного края» Алиби Джангильдин, планировалось сформировать из казахов-добровольцев [РГВА. Ф. 7739. Оп. 1. Д. 13. Л. 11]. Казахи не несли воинской повинности в царской армии, не имели боевого опыта, поэтому требовалось больше времени для их обучения, но они являлись прирожденными наездниками, и военное руководство предполагало сэкономить за счет этого часть учебного времени. Очевидно, что за этой кавдивизией резервировался № 3, но к ее формированию приступить не удалось, так как Тургайская степь оказалась под контролем оренбургских белоказаков и казахов Алаш-орды. Алиби Джангильдин приложил титанические усилия, чтобы провезти через разоренную страну, объятую мятежами и разгулом бандитизма, многомиллионный груз с деньгами и оружием. Он сумел доставить груз

в отрезанный от центральной части страны Советский Туркестан, но приступить к формированию дивизии не смог даже зимой 1919 г., когда Туркестанская армия на три месяца пробила путь к основным силам РККА [Гражданская война 1918–1920: 189]. В апреле 1919 г. этот номер передали кавдивизии Туркестанской армии, сформированной из отдельных кавалерийских полков [Бои и будни 1928: 7; Тинченко 2011].

Тем временем сражения на Юге России ясно показали значение больших масс конницы. Белые армии П. Н. Краснова и А. И. Деникина состояли в значительной степени из казачьих и национальных соединений, которые успешно маневрировали на широких степных пространствах и неоднократно наносили серьезные поражения более многочисленной красной пехоте. Советские войска, сражавшиеся на дальних и ближних подступах к Царицыну, были объединены в составе 10-й армии РККА, Революционные войска Северного Кавказа — в составе 11-й армии РККА. Кроме того, руководство РСФСР планировало осуществить «экспорт соввласти» в Азербайджан и для этой в цели формировало в Астрахани 12-ю армию (1-го формирования) в составе одной стрелковой и одной кавалерийской дивизий. Для противодействия белоказачьей коннице местные краснопартизанские вожаки сами стали формировать кавалерийские соединения. В составе 10-й армии появилась кавдивизия, которой командовали Б. М. Думенко, а затем С. М. Буденный, в 11-й армии — кавалерийский корпус Г. А. Кочергина, 1-я Ставропольская кавдивизия И. Р. Апанасенко, кавбригада И. А. Кочубея и др. [Жарпенко 2006; Сухоруков 1961; и др.].

Конечно, многие части в этих армиях, созданные стихийно, в значительной степени из местных добровольцев, не соответствовали штатам, разработанным центральным военным руководством. Главкому и Полевому штабу РККА пришлось приложить немало усилий, чтобы слить эти части в соединения, сформированные по штатам. Не всем командирам это нравилось. Например, корпус Кочергина планировалось усилить более многочисленной 1-й Кубанско-Терской кавбригадой и свернуть в кавдивизию. Кочергин долго противился своему понижению в статусе, и лишь прорыв конного корпуса П. Н. Врангеля, приведший к разгрому всей 11-й армии, прервал эти споры. Как уже упоминалось, в марте 1919 г. кавдивизия 10-й армии получила № 4, Ставропольская кавдивизия, усиленная 1-м Элистинским и Заветнинским кавполками — № 6. Остатки кавалерии 11-й армии, усиленные кавполками 12-й армии — № 7. Нет сомнений в том, что Полевой штаб РККА в марте 1919 г. планировал давать номера кавдивизиям Юга России по порядку армий — 10-й, 11-й и 12-й, поэтому № 8 явно резервировался за формируемой кавдивизией 12-й армии.

Однако встает вопрос: за кем же резервировался № 5? В составе 10-й армии к марту 1919 г. других кавдивизий не было: ни в реальности, ни в планах. Однако если внимательно изучить документы Каспийско-Кавказского фронта, в который входили 11 и 12-я армии, то здесь мы найдем еще одно соединение — формирующуюся Калмыцкую кавдивизию. Очевидно, что № 5 должен был быть передан этому соединению, находившемуся, хоть и в тылу, но как раз между районами действий 4-й и 6-й кавдивизий. Всех интересующихся историей формирования Калмыцкой кавдивизии отсылаю к своей статье об этом соединении [Очиров 2017], здесь лишь кратко резюмирую его историю.

Калмыцкая кавдивизия «родилась» из инициативы местных органов власти. Осенью 1918 г. только что созданный Центральный Калмыцкий военкомат с санкции РВС Республики успешно провел мобилизацию калмыков 23–24 лет в восточных улусах (фактически большинство из них были выходцами из Яндыко-Мочажного улуса), что позволило начать формирование 1-го Калмыцкого Образцового Революционного полка. Успех этой мобилизации позволил КалмЦИК поставить на очередном съезде Советов вопрос о призыве еще шести возрастов. Однако астраханские власти, справедливо подозревавшие КалмЦИК в стремлении отделиться от губернии, реорганизовали Центральный Калмыцкий военкомат в уездный и фактически сорвали мобилизацию. Лишь в марте 1919 г. Центральный Калмыцкий военкомат был восстановлен, что позволило ему призвать еще 4 тысячи калмыков и начать формирование Калмыцкой кавбригады, которая 20 марта 1919 г. была переименована в Отдельную Калмыцкую кавдивизию «временно четырехполкового состава». Формирование национальных частей в интернациональной Красной армии не допускалось, но ввиду острой нужды в прирожденных кавалеристах, для калмыков решено было сделать исключение, по поводу чего имелось «особое указание тов. Л. Троцкого. Особенности уклада и религии (буддизм) будут постепенно приспособляться к требованиям службы» [РГВА. Ф. 7739. Оп. 1. Д. 12. Л. 52об.].

Калмыки, как и казахи, не служили в царской армии, но, как кочевники, должны были быстро освоить особенности службы в кавалерии. Однако формирование соединения проходило с большими проблемами. Первоначально калмыков, пришедших на службу со своими лошадьми, разместили в непригодных помещениях, что в условиях эпидемии тифа и эпизоотий привело к значительному сокращению личного и конского состава. Потребовалось проведение новых призывов. Калмыцкая кавдивизия плохо снабжалась и вооружалась. Не было пушек, пулеметов, шашек, а винтовки имелись разных систем и калибров, к тому же в недостаточном количестве. Не хватало обуви, обмундирования, продовольствия, медикаментов. Ошибочным оказался и подбор командного

состава, в большинстве своем состоявшего из офицеров царской армии самых разных национальностей, включая осетина и татарина, при этом калмыков среди них не было, если не считать двух командиров эскадронов и нескольких командиров взводов. Политическая агитация фактически не проводилась из-за отсутствия политработников, владеющих калмыцким языком (за исключением одного комиссара полка). Поэтому языковой барьер стал серьезным препятствием для обучения и пропаганды среди калмыцких конников.

Весной 1919 г. из-за повальных грабежей и насилия, которые творились отступающими частями разгромленной 11-й армии, в Калмыцкой степи стали нарастать антисоветские настроения, которые отразились и на соединении. 2 июня председатель РВС 11-й армии К. А. Мехоношин расформировал Калмыцкую кавдивизию. Через три дня он отменил приказ, но инструкторский состав с большей частью вооружения и имущества уже убыли. Часть вновь мобилизованных команд калмыков, призванных для восполнения убыли личного состава, были распущены. После этого оставшиеся калмыцкие полки были переведены в глубокий тыл. Там они получили командный состав из калмыков и славян, знающих калмыцкий язык. Удалось наладить процесс вооружения, обмундирования и снабжения. КалмЦИК прислал группу калмыков-политработников, наладивших идеологическую работу, уроки грамоты и выпуск газеты. Все это позволило ускорить обучение калмыцких конников, и уже осенью 1919 г. два калмыцких полка убыли на фронт, в состав сводно-конного корпуса Б. М. Думенко. Однако к концу 1919 г. нужда в калмыцких кавалерийских частях отпала, поэтому о восстановлении Калмыцкой кавдивизии речи уже не было. Вновь мобилизованных калмыков направили на трудовой фронт [Очиров 2017].

Таким образом, № 8, который планировалось закрепить за кавдивизией 12-й армии, в начале марта освободился, но вскоре на Южном фронте родилась новая инициатива по формированию кавалерийского соединения из местных ресурсов, на сей раз — в 9-й армии. Инициатором ее создания стал еще один харизматичный народный лидер — бывший войсковой старшина Ф. К. Миронов, который пользовался большой популярностью среди донских казаков северных округов. Зимой 1919 г. он, командуя 23-й стрелковой (бывшей 1-й Усть-Медведицкой) дивизией, сыграл важную роль в пропагандистской работе, приведшей к разложению полков Северного фронта войск П. Н. Краснова. Тогда часть белоказачьих полков без боя сдались красным, а часть — разошлись по домам. Однако в середине марта 1919 г. население части станиц Верхне-Донского округа, недовольное насилиями и убийствами, осуществлявшимися в рамках политики расказачивания, подняло мятеж, известный как Вешенское восстание. Одной из мер противодействия восставшим стал проект по

формированию казачьей дивизии из вновь мобилизуемых казаков, как с целью изъятия «горючего материала» из станиц, так и для завоевания доверия донского казачества. 15 марта 1919 г. РВС Республики, а 16 марта Главком И. И. Вацетис отдал приказ о формировании казачьей дивизии и назначении ее командиром Ф. К. Миронова. Вновь набранные казаки должны были приходиться с лошадьми, обмундированием, снаряжением и холодным оружием [Филипп Миронов 1997: 166].

Однако вскоре сторонники политики расказачивания одержали верх, и через две недели Ф. К. Миронов был удален на Западный фронт и назначен помощником командующего Литовско-Белорусской армией, которая состояла из Западной (планировавшейся к укомплектованию из поляков), Литовской, 2-й пограничной, 8-й и 17-й стрелковых дивизий. 31 марта он стал командармом Литовско-Белорусской армии (временно) и продолжил развивать проект создания казачьей дивизии, добившись принятия решения о направлении мобилизованных донских казаков в свое распоряжение. 2 мая 1919 г. на базе минно-подрывной бригады (единственного маневренного соединения в армии) началось формирование Западной кавдивизии. Командиром нового соединения был назначен П. М. Боревиц, который ранее командовал польским коммунистическим кавдивизионом «Победа» и кавполком. Однако большинство кавалеристов в дивизии должны были составить вновь прибывающие донцы.

Тем временем ситуация на Южном фронте продолжала ухудшаться. Белые армии, объединенные под руководством Деникина, начали наступление на север и соединились с вешенскими повстанцами, серьезно осложнив положение красных. Советская власть, нуждавшаяся в донских казаках как в прирожденных конниках, начала организацию Особого корпуса из казаков, мобилизованных в северных округах. Командиром корпуса был назначен Ф. К. Миронов. Уже с июля мобилизованных донцов стали направлять не на Западный фронт, а в Особый корпус, в составе которого планировалось создать 1-ю Донскую стрелковую, 1-ю и 2-ю Донские кавалерийские дивизии [Филипп Миронов 1997: 235]. От формирования Западной кавдивизии П. М. Боревица отказались и свернули ее в бригаду. Прибыв на фронт, 1-й Донской казачий полк 17 июля 1919 г. перешел к полякам. После этого бригаду расформировали, а оставшихся казаков отправили к Миронову. Можно предположить, что № 8 после выхода приказа Вацетиса был зарезервирован за Донской казачьей дивизией, затем вслед за Мироновым «перекочевал» к Западной кавдивизии, а в июле вернулся к 1-й Донской кавдивизии Особого корпуса. Именно поэтому вновь сформированной кавдивизии Мурзина в июне 1919 г. был присвоен № 9 [Гражданская война 1983: 173].

Как уже упоминалось выше, на укомплектование Особого корпуса была обращена 2-я (Орловская) кавдивизия, при этом ее номер, согласно

приказу Главкома, остался на учете Полевого штаба РВС Республики [Филипп Миронов 1997: 235]. Если учесть, что № 5 в августе 1919 г. был присвоен кавдивизии, формируемой в Самаре, то, очевидно, что за 2-й Донской кавдивизией Особого корпуса резервировался № 10. Поэтому следующему соединению, сформированному в сентябре 1919 г., был присвоен № 11.

Миронов начал формирование 1-й Донской казачьей кавдивизии и пехотного полка, но 22 августа поднял мятеж, который к 14 сентября был почти бескровно подавлен. Руководителей мятежа арестовали, а рядовой состав вернули в ряды РККА. Было очевидно, что проект формирования Особого корпуса провалился, но остатки 1-й Донской кавдивизии, не участвовавшие в мятеже, какое-то время еще существовали. Поскольку № 10 в системе учета РККА освободился, то уже в октябре он был присвоен следующему сформированному соединению — кавдивизии 3-й армии, но № 8 ненадолго сохранился в системе учета и лишь в декабре был присвоен кавдивизии Червоного казачества.

Вопрос о том, за кем резервировались № 14 и 15, пока следует оставить открытым.

Таким образом, на поставленные вопросы можно дать следующие ответы.

Номер 1 был присвоен с задержкой из-за явной ошибки штабных работников, которые с запозданием почти на полтора года оформили присвоение номера, изначально задуманного центральным военным руководством. Ряд номеров планировалось присвоить различным формируемым соединениям, которые по разного рода причинам не завершили (или даже не начали) этот процесс. Так, № 3 предполагалось присвоить Тургайской (казахской) кавдивизии, № 5 — Калмыцкой, № 8 — сначала кавдивизии 12-й армии (1-го форм.), затем казачьей кавдивизии Ф. К. Миронова (в составе разных объединений и под разными названиями), № 10 — 2-й Донской казачьей кавдивизии. Вместо упраздненных соединений спустя какое-то время стали формироваться новые, которым присваивались «пропущенные» номера, поэтому они появились в нумерации «не в очередь»: 3-я Туркестанская, 5-я Туркестанская (формирование не завершила), 8-я Червоного казачества, 10-я. Точно так же номера расформированных из-за потерь 2-й и 9-й кавдивизий в начале 1920 г. получили кавдивизии М. Ф. Блинова и Е. А. Трифонова соответственно. Следует отметить, что за кавдивизиями, формирование которых планировалось или было одобрено высшим военным руководством, номера резервировались сразу (даже если они еще не были сформированы), в то время как кавдивизии, сформированные по «инициативам с мест», могли не получать номеров по несколько месяцев.

Источники и литература

- Бои и будни 1928 — Бои и будни: (краткий исторический очерк 8-й отдельной Туркестанской кавалерийской бригады) / сост. Л. А. Книжников. Мерв: Типо-лит. № 3 Узполиграфтреста в Самарканде, 1928. 44 с.
- Гражданская война 1983 — Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1983. 703 с.
- Гражданская война 1987 — Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1987. 720 с.
- Карпенко 2006 — *Карпенко В. В.* Тучи идут на ветер. М.: Вече, 2006. 480 с.
- Очиров 2017 — *Очиров У. Б.* Калмыцкая кавалерийская дивизия РККА в 1919 г. // Юг России в условиях революционных потрясений, вооруженных конфликтов и социально-политических кризисов (Ростов-н/Д, 5–6 октября 2017 г.). Ростов-н/Д: ЮНЦ РАН, 2017. С. 424–432.
- РГВА — Российский государственный военный архив.
- Сухоруков 1961 — *Сухоруков В. Т.* XI армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге (1918–1920 гг.). М.: Воениздат, 1961. 287 с.
- Тинченко 2011 — *Тинченко Я.* Гусарские части Красной армии // Старый Цейхгауз. 2011. № 4. С. 82–87.
- Тинченко 2012 — *Тинченко Я.* 1-я (Московская) кавалерийская дивизия РККА // Старый Цейхгауз. 2012. № 2. С. 100–103.
- Филипп Миронов 1997 — Филипп Миронов (Тихий Дон в 1917–1921 гг.): документы и материалы. М.: Междунар. фонд «Демократия», 1997. 792 с.

Эволюция корпуса первых секретарей Калмыцкой организации ВКП(б) в 1921–1943 гг.

*Евгения Викторовна Сартикова*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН

(д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

© КалмНЦ РАН, 2020

© Сартикова Е. В., 2020

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции ротации ответственных (первых) секретарей Калмыцкого обкома партии в 1921–1943 гг. Основными источниками послужили документы, хранящиеся в фонде Калмыцкого обкома КПСС Национального архива Республики Калмыкия. Анализ архивных материалов осуществлен на таких принципах, как объективность и историзм, позволивших исследовать проблему во взаимосвязи со сложившимися конкретно-историческими обстоятельствами. Целью данного исследования является изучение корпуса первых секретарей РКП(б) — ВКП(б) Калмыкии. В работе применялись общепринятые в научных исторических исследованиях методы (фронтальное обследование архивных источников, историческое описание, проблемно-хронологический), что дало возможность изучить исторические явления в тесной связи с исторической обстановкой. В результате исследования автор делает вывод о том, что особенностью ротаций первых секретарей Калмыцкого обкома партии было назначение на эту должность уроженцев других регионов страны. В основном, это были официальные представители, кураторы, рекомендованные ЦК РКП(б) — ВКП(б) на должности первого или второго секретарей обкома партии. Анализ характеристик корпуса первых секретарей Калмыцкого обкома партии в рассматриваемый период показал, что по социальному происхождению они являлись выходцами из бедных крестьянских семей, не имевшими высшего образования, но с достаточным партийным стажем, сочетали партийную и советскую деятельность.

Ключевые слова: номенклатура, первый секретарь, политическая элита, ротация, Калмыкия, Калмыцкий обком РКП(б) — ВКП(б)

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации АААА-А19-119011490038-5). Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной

при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Сартикова Е. В. Эволюция корпуса первых секретарей Калмыцкой организации ВКП(б) в 1921–1943 гг. // *Desertum Magnum: studia historica*. 2020. № 1. С. 42–50. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-42-50

UDC 321.74:9

DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-42-50

The Evolution of the Body of the First Secretaries of the Russian Communist Party — All-Russia Communist Party in Kalmykia in 1921–1943

*Evgeniya V. Sartikova*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS
(8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Leading Research Associate

© KalmSC RAS, 2020

© Sartikova E. S., 2020

Abstract. The article discusses the main trends in the rotation of the executive (the first) secretaries of the Kalmyk regional party committee in 1921–1943. The study is based on the documents from the fund of the Kalmyk regional committee of the USSR Communist Party kept at the National Archive of the Republic of Kalmykia. The principles of objectivism and historicism were used for the analysis of the archive materials that allowed to examine the problem in its relation to the existing specific historical circumstances. The goal of the article is to investigate the body of the first secretaries of the Russian Communist Party — All-Russia Communist Party in Kalmykia. The use of the common in the historical research methods (the broadside examination of the archive sources, historical description, chronological method) allowed to investigate the historical phenomena in the close relation to the historical situation. The author concludes that the specific feature of the rotation of the first secretaries of the Kalmyk regional party committee was the appointment of people from other regions of the country to this position. Mainly these were formal representatives, supervisors recommended by the Central Committee of the Russian Communist Party — All-Russia Communist Party for the positions of the first or second secretaries of the regional party committee. The analysis of the characteristics of the body of the first secretaries of the Kalmyk regional party in the given time period showed that all these people were from poor peasant families, without high education but with sufficient party service record who combined party and soviet activities.

Keywords: nomenclature, the first secretary, political elite, rotation, Kalmykia, Kalmyk regional committee of the Russian Communist Party — All-Russia Communist Party

Acknowledgement: The research was conducted within the scope of government grant — the project “An Integrated Research of Socio-political and Cultural Development Processes of people from the South of Russia” (state registration number AAAA-A19-119011490038-5). The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Sartikova E. S. The Evolution of the Body of the First Secretaries of the Russian Communist Party — All-Russia Communist Party in Kalmykia in 1921–1943. In: Desertum Magnum: studia historica. 2020. № 1. Pp. 42–50. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-42-50

В XX — начале XXI в. большой интерес отечественных историков, занимающихся историей КПСС, вызвала проблема формирования кадров региональных партийных организаций. Изучалась эволюция корпуса первых секретарей ВКП(б) — КПСС, социально-историческая характеристика региональной политической элиты, формирование и функционирование номенклатурных кадров органов ВКП(б) — КПСС, социальный облик коммунистов [Бичегкуев 2008; Саранцев 2009; Алексеенко 2011]. Историки и публицисты активно изучали биографии руководящих партийных деятелей союзного и регионального масштаба: И. В. Сталина, Н. С. Хрущева, Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова и др. [Павлов 2010; Денисов 2011; Медведев 2012]. В Калмыкии историки также принимали участие в разработке данной темы. Однако эти работы внесли немного в историографию проблемы. В основном это были биографические очерки, посвященные руководителям республики [Коваева 1991; Наберухин 1990; Оглаев 1982]. В начале XXI в. расширяется проблематика исследований. В статье С. А. Гладковой особое внимание уделяется формированию государственного аппарата управления [Гладкова 2005]. Заново рассматриваются персоналии, их жизненный путь, отношение к происходившим событиям. В диссертации Е. Н. Убушаева на примере Калмыкии прослежен процесс создания не только государственного, но и партийного аппарата управления, место и роль в этом процессе его руководящего состава, то есть политической элиты [Убушаев 2005].

Однако вопросы изучения корпуса первых секретарей РКП(б) — ВКП(б) Калмыкии, основных тенденций их ротации, анализа ключевых социально-демографических характеристик еще не рассматрива-

**Сартикова Е. В. Эволюция корпуса первых секретарей Калмыцкой организации ВКП(б)
в 1921–1943 гг.**

лись. Главной фигурой в политической элите региона на протяжении рассматриваемого периода являлся ответственный (первый) секретарь Калмыцкого обкома партии, игравший ключевую роль в выработке и принятии важнейших управленческих решений.

С 1921 по 1943 гг. Калмыцкую партийную организацию последовательно возглавляли: А. Ч. Чапчаев (февраль – август 1921 г.), И. Р. Марбуш-Степанов (1921–1924 гг.), Т. К. Борисов (1924–1925 гг.), И. К. Глухов (1925–1927 гг.), Х. М. Джалыков (1927–1933 гг.), А. П. Пюрбеев (1934–1935 гг.), И. Н. Карпов (1935–1939 гг.), П. В. Лаврентьев (1939–1943 гг.), А. Ф. Ликомидов (февраль–декабрь 1943 г.).

Таблица 1

Сведения о первых секретарях Калмыцкого обкома партии
РКП (б) – ВКП (б) (1921–1943 гг.)*

ФИО	Год вступления в партию РСДРП, РКП (б), ВКП (б)	Образование	Должность до назначения	Назначение после освобождения от должности
Чапчаев Араши Чапчаевич	1918 г.	Окончил учительскую семинарию	Председатель ЦИК Автономной области калмыцкого народа	Слушатель курсов марксизма-ленинизма при Коммунистической академии. Расстрелян в Сталинграде в 1938 г.
Марбуш-Степанов Иван Романович	1918 г.	Окончил Казанскую учительскую иностранческую семинарию	Представитель Наркомнаца РСФСР	Ответственный секретарь Уральского губернского комитета РКП(б)
Борисов Трофим Кузьмич	1917 г.	Учеба на филологическом факультете Петербургского университета; окончил медицинский факультет Казанского университета; аспирант Московского кожно-венерологического института им. Броннера	Заместитель председателя Комиссариата по делам вотяков при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР	Председатель Исполнительного комитета Областного Совета Вотской автономной области. Умер в Актюбинском исправительно-трудовом лагере в 1943 г.

* Таблица составлена по данным из: [Справочник по истории Коммунистической партии...].

Продолжение Таблицы 1

Глухов Иван Кузьмич	1914 г.	Слушатель курсов марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б); учеба в Институте Красной профессуры	Ответственный секретарь Карсунского уездного комитета РКП(б) (Симбирская губерния)	Ответственный секретарь Канского окружного комитета ВКП(б). Умер в Ульяновске в 1962 г.
Джалыков Хохол Манджиевич	1918 г.	Образование — домашнее, 4 г. Учился 3 месяца в политекружке пониженного типа.	Заместитель председателя Суда Автономной области калмыцкого народа по гражданским делам	Управляющий Приморским государственным рыбным трестом (Владивосток). Расстрелян в 1938 г.
Пюрбеев Анджур Пюрбеевич	1925 г.	Окончил педтехникум, 4 года.	Председатель Исполнительного комитета Областного Совета Калмыцкой автономной области	Председатель СНК Калмыцкой АССР. Расстрелян в 1938 г.
Карпов Иван Николаевич	1918 г.	Слушатель курсов марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б)	Председатель Нижне-Амурского облисполкома	Сведений нет
Лаврентьев Петр Васильевич	1925 г.	Сведений нет	Сведений нет	Член Центральной Ревизионной Комиссии ВКП(б)
Ликоимидов Александр Федорович	1926 г.	Учеба в Саратовском институте Красной профессуры (не окончил); учеба в Аграрном институте Красной профессуры	Секретарь Новосибирского областного комитета ВКП(б) по кадрам; Ответственный работник орготдела ЦК ВКП(б)	Секретарь Астраханского обкома ВКП(б)

В Калмыкии в период строительства автономии постоянно находились уполномоченные работники НКВД РСФСР (А. Н. Соколов), ВЦИК и Наркомнаца (К. Р. Герценберг и И. Р. Марбуш-Степанов). Большинство первых секретарей сочетали партийную и советскую работу, либо занимались только партийной работой.

Как отмечал К. Н. Максимов, «с первых же дней прихода к власти большевики в целях недопущения децентрализации власти и управления взяли под контроль национальные районы. Для этого на местах был создан институт партийных «надсмотрщиков», действовавших в разных регионах и принимавших различные названия» [Максимов 2002: 319].

Константин Рудольфович Герценберг, член РКП(б) с 1906 г., немало сделал для оживления партийной работы в Калмыкии. В 1919–1920 гг. он представлял ВЦИК и Наркомнац при Калмыцком исполкоме, был членом комиссии по подготовке I общекалмыцкого съезда Советов и создания автономной области калмыцкого народа. В июле 1920 г. I общекалмыцким съездом Советов К. Р. Герценберг был избран членом областного исполнительного комитета [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 8. Л. 64]. К. Р. Герценберг, который характеризовался соратниками как «убежденный коммунист-ленинец, интернационалист», стал политическим руководителем Калмыцкого исполкома и его органов и сделал много полезного для калмыцкого народа [Сангаева 1971: 32; Сартикова 2018: 61].

На I областной партийной конференции (февраль 1921 г.) были избраны областной комитет РКП(б), контрольная и ревизионная комиссии. В состав обкома вошли: Б. Акугинова, А. Чапчаев, А. Амур-Санан, А. Мещеряков, А. Маслов, У. Лавгаев, Х. Отхонов, Кононенко, Сухов и др. Всего 11 человек. Первым секретарем областного комитета партии избрали А. Ч. Чапчаева [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 8].

Араши Чапчаевич Чапчаев возглавлял областную партийную организацию недолго, в течение полугода. Затем «в целях жесткого контроля за политическим состоянием в области и строительством нового, социалистического строя» ЦК РКП(б) в начале 1922 г. «рекомендовал» секретарем Калмыцкого обкома партии И. Р. Марбуш-Степанова, год пробывшего в Калмыкии в качестве представителя Наркомнаца РСФСР [Максимов 2002: 273]. Его кандидатура была утверждена на II областной партийной конференции.

«В республиканских компартиях первые секретари ГК, РК с конца 1920-х гг. входили в номенклатуру ЦК ВКП(б). Кандидаты на эти посты подбирались в республике, но за ЦК ВКП(б) оставалось последнее слово. Их вызывали в Москву на собеседование и только после этого утверждали в должностях. Ни один работник, назначенный ЦК ВКП(б), без его решения не мог быть снят с работы, переведен на другую должность, в другой город, район и т. д. Чем больше партия узурпировала власть, тем больше номенклатурных должностей она старалась держать под своим контролем», — писала Т. Ю. Красовицкая [Красовицкая 2014: 180].

Как отмечал К. Н. Максимов, «руководители высших партийных и государственных органов автономий на местах избирались, назначались в соответствии с номенклатурным принципом («рекомендовать», «согласиться») ЦК компартии. Обеспечив таким путем руководящее положение коммунистов в автономиях, введя обкомы партии в единую структуру партийного управления, ЦК компартии осуществлял централизованное руководство их политической, государственной, экономической жизнью» [Максимов 2013: 33].

Особенностью ротаций первых секретарей Калмыцкого обкома партии в исследуемый период было назначение на эту должность уроженцев других регионов страны. Из девяти первых секретарей областного комитета партии только трое (А. Ч. Чапчаев, Х. М. Джалыков и А. П. Пюрбеев) были представителями коренной национальности, а остальные — представителями других народов.

По социальному происхождению абсолютное большинство первых лиц региона являлись выходцами из крестьянских семей. Национальный состав ответственных (первых) секретарей выглядел следующим образом: калмыки — трое, русские — шестеро.

Большинство первых секретарей Калмыцкого обкома партии вступило в партию в 1917–1918 гг., трое — во второй половине 1920-х гг. (А. П. Пюрбеев, П. В. Лаврентьев и А. Ф. Ликомидов). Единственным руководителем с дореволюционным партстажем был И. К. Глухов, который до назначения первым секретарем Калмыцкого обкома партии работал ответственным секретарем Всеукраинского революционного комитета (Харьков), председателем Полтавского уездного комитета КП(б) Украины, в Иваново-Вознесенском губернском комитете РКП(б), заведующим Агитационно-пропагандистским отделом Киргизского областного бюро партии, ответственным секретарем Кустанайского губернского комитета РКП(б), ответственным секретарем Керченского окружного комитета РКП(б), ответственным секретарем Карсунского уездного комитета РКП(б) (Симбирская губерния).

Анализ послужных списков первых секретарей Калмыцкого обкома партии свидетельствует о том, что практически все они имели опыт руководящей партийно-советской работы. Среди них были как чисто партийные работники (И. К. Глухов, А. Ф. Ликомидов), так и те, кто сочетал партийную работу с советской (А. Ч. Чапчаев, И. Р. Марбуш-Степанов, Т. К. Борисов, Х. М. Джалыков, А. П. Пюрбеев, И. Н. Карпов).

Как заметил К. Н. Максимов, «И. Р. Марбуш-Степанов, вопреки установке Наркомнаца о нецелесообразности совмещения должности уполномоченного с другой должностью в республике или области, в начале 1922 г. стал ответственным секретарем Калмобкома партии, членом президиума Калмыцкого ЦИКа. Взятие всей полноты власти в Калмыкии в свои руки он мотивировал отсутствием квалифицированного работника, который был бы хорошо осведомлен о делах области. Марбуш-Степанов несколько лукавил, в области имелись опытные, прекрасно разбирающиеся в ее проблемах люди с солидным опытом руководства. Он понимал, что, став ответственным секретарем областного комитета партии, автоматически попадал в номенклатуру ЦК РКП(б), и при благоприятных обстоятельствах обеспечивался его карьерный рост» [Максимов 2013: 34].

Изучение образовательного уровня региональных лидеров показало, что наличие высшего образования не являлось обязательным условием для назначения на должность первого секретаря обкома партии. Только двое — Т. К. Борисов и А. Ф. Ликомидов обучались в вузах. Трое партийных руководителей имели педагогическое образование (А. Ч. Чапчаев, И. Р. Марбуш-Степанов, А. П. Пюрбеев), двое закончили курсы марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б) — И. К. Глухов, И. Н. Карпов, не имел образования к моменту назначения Х. М. Джалыков.

Таким образом, корпус первых секретарей РКП(б) — ВКП(б) Калмыкии в 1921–1943 гг. представлял из себя достаточно опытных управленцев. В основном, это были официальные представители, кураторы, рекомендованные ЦК РКП(б) — ВКП(б) на должности первого или второго секретарей обкома партии. Большинство первых секретарей сочетали партийную и советскую работу, либо занимались только партийной работой.

Источники и литература

- Алексеев 2011 — *Алексеев И. А.* Социально-историческая характеристика региональной политической элиты Алтайского края: 1960-е – 1991 г.: дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2011. 202 с.
- Бичегкуев 2008 — *Бичегкуев Т. Т.* Социокультурный облик коммунистов Северной Осетии в 1920-е гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2008. 184 с.
- Гладкова 2005 — *Гладкова С. А.* Государственный аппарат Калмыцкой автономной области: бюрократизм и методы борьбы с ним (20-е годы XX в.) // Вестник Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований. 2005. Т. 2. № 2. С. 164–167.
- Денисов 2011 — *Денисов Ю. П.* Генсек Брежнев и царь Николай II: две исторические личности и две эпохи (сравнительная характеристика). Ростов н/Д.: Ростовский гос. экономич. ун-т, 2011. 391 с.
- Коваева 1991 — *Коваева Н. Х.* А. Пюрбеев: жизнь и деятельность. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 168 с.
- Красовицкая 2014 — *Красовицкая Т. Ю.* Трансформация партийной структуры и кадровых механизмов: 1921 – 1928 гг. // История Коммунистической партии Советского Союза. М.: РОССПЭН, 2014. С. 161–204.
- Максимов 2002 — *Максимов К. Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М.: Наука, 2002. 524 с.
- Максимов 2013 — *Максимов К. Н.* Калмыкия в советскую эпоху: политика и реалии. Элиста: Издат. дом «Герел», 2013. 464 с.
- Медведев 2012 — *Медведев Р. А.* Андропов. М.: Молодая гвардия, 2012. 438 с.
- Наберухин 1990 — *Наберухин А. И.* Араши Чапчаев: Краткий биографический очерк (к 100-летию со дня рождения). Элиста: Упр. статистики КАССР, 1990. 40 с.
- НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 8 (Протокол первой Калмыцкой областной партийной конференции. 18–20 февраля 1921 г.). 74 л. Машинопись.

- Оглаев 1982 — *Оглаев Ю. О.* Одна, но пламенная страсть: документальный очерк о Х. М. Джалыкове. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 117 с.
- Павлов 2010 — *Павлов М. Ю.* Анастас Микоян. Политический портрет на фоне эпохи. М.: Междунар. отношения, 2010. 414 с.
- Саранцев 2009 — *Саранцев Н. В.* Элита РКП(б) — ВКП(б) Саратовского региона, 20–30-е годы XX века: историко-социологические аспекты. Саратов: [б.и.], 2009. 233 с.
- Сангаева 1971 — Сангаева И. Э. Образование Калмыцкой областной партийной организации (1918–1921 гг.) // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. № 5. Сер.: Историко-партийная. Элиста, 1971. С. 25–69.
- Сартикова 2018 — *Сартикова Е. В.* Яндыко-Мочажная партийная организация в 1921–1925 гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2018. № 2 (36). С. 59–67.
- Справочник по истории Коммунистической партии... — Справочник по истории Коммунистической партии Советского Союза. 1898–1991 [Электронный ресурс] // URL: <http://knowbysight.info/index.asp> (дата обращения: 11.06.2020).
- Убушаев 2005 — *Убушаев Е. Н.* Советско-партийный аппарат Калмыкии: становление и развитие руководящего состава. 1917 — 30-е гг. XX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2005. 25 с.

Историография Калмыцкой организации ВЛКСМ в 20–30-е гг. XX в.

*Баатр Андреевич Оконов*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН
(д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
научный сотрудник

© КалмНЦ РАН, 2020

© Оконов Б. А., 2020

Аннотация. В статье рассматривается процесс изучения истории калмыцкой республиканской организации ВЛКСМ, выделяются основные этапы историографии, анализируется общая отечественная и региональная литература по исследуемой теме. Анализ литературы показывает, что, несмотря на ее достаточное количество, в разработке темы наряду с несомненными достижениями еще немало нерешенных проблем. Слабо изученной остается история региональных организаций комсомола. Первые небольшие по объему работы, посвященные истории комсомола Калмыкии, были опубликованы в 60–70-х гг. прошлого века. В последние десятилетия в анализе и оценке истории и деятельности комсомольских организаций наметился новый подход, лишенный сложившихся в советских условиях стереотипов и догм. При этом до сих пор нет фундаментального исследования истории комсомольского движения, охватывающего весь период — с момента зарождения в XX в. и до сегодняшнего дня. Также следует отметить, что многие вопросы деятельности областных комсомольских организаций в довоенный период требуют дополнительного научного освещения и осмысления. Во многих современных исследованиях затрагиваются различные аспекты темы, но они не рассматриваются комплексно.

Ключевые слова: Калмыцкая автономная область, советская власть, ВЛКСМ, историография, молодежное движение, довоенный период

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (регистрационный номер АААА-А19-119011490038-5). Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Оконов Б. А. Историография Калмыцкой организации ВЛКСМ в 20–30-е годы XX века // *Desertum Magnum: studia historica*. 2020. № 1. С. 51–57. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-51-57

UDC 94(47).084

DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-51-57

Historiography of the Kalmyk All-Union Leninist Young Communist League in the 20–30s of the XX Century

*Baatr A. Okonov*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Research Associate

© KalmSC, 2020

© Okonov B. A., 2020

Abstract. The article discusses the process of the study of the history of the All-Union Leninist Young Communist League in the republic of Kalmykia, points out the main stages of historiography, gives analysis of the general national and regional literature on the topic in question. The literature analysis shows that despite its fair number there are still unsolved problems in the topic research. The history of the regional Komsomol organizations is still not thoroughly investigated. The first works on the history of Komsomol in Kalmykia were published in 1960s–1970s of the last century. In the last decades there has been a new approach in the analysis and evaluation of the activities of the Komsomol organizations that is free of the stereotypes and dogmas formed in the Soviet context. However, there still is no fundamental research on the history of the Komsomol movement that covers the whole period from the moment of its establishment in XX century until now. Moreover, many aspects of the regional Komsomol organizations in the pre-war period require additional research and understanding. Most of the modern studies discuss different aspects of the given topic; however, there is not any integrated research.

Acknowledgement. The research was conducted within the scope of government grant — the project “An Integrated Research of Socio-political and Cultural Development Processes of people from the South of Russia (state registration number AAAA-A19-119011490038-5). The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Okonov B. A. Historiography of the Kalmyk All-Union Leninist Young Communist League in the 20–30s of the XX Century. In: Desertum Magnum: studia historica. 2020. № 1. Pp. 51–57. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-51-57

В настоящее время необходимо дать объективное, более глубокое и аргументированное освещение истории возникновения и развития комсомольских организаций Юга России. Изучение, анализ и обобщение опыта всероссийского коммунистического союза молодежи имеет важное значение в свете поиска наиболее оптимального решения проблем, стоящих в современном обществе.

В истории изучения рассматриваемой темы можно условно выделить два периода — советский (начало 1920-х — конец 1980-х гг.) и постсоветский (1990 г. — по настоящее время).

Историография комсомола советского довоенного периода включает в себя большое количество монографий, тематических сборников, статей и диссертационных исследований. На начало 1920 г. уже существовала, хотя и в небольшом объеме, литература, посвященная движению молодежи [Коммунистическое движение 1920; Леонтьев 1920; Владимир Д. 1920]. С образованием комиссии по изучению истории молодежного движения (истмола) регулярно стали выходить в свет тематические сборники, обзоры, мемуары, в которых отражалось немало конкретных фактов из истории комсомола [Революционное юношество 1924; Киров 1925; Левицкий 1926; Дианин 1926; Золотарев 1926; Рывкин 1933; Шацкин 1926]. Авторами являлись активные участники революционного движения юношества, организаторы и руководители комсомола О. Рывкин, Л. Шацкин, Е. Цейтлин, Н. Пеньков, И. Скоринко, С. Игнат, В. Фейгин, М. Дугачев и другие. Значительный интерес представляют работы таких профессиональных историков, как Б. Титлинов, И. Кулешов, А. Шохин [Титлинов 1924; Кулешов 1921; Шохин 1928]. Были защищены диссертационные исследования и изданы монографии такими известными историками комсомола и юношеского движения, как А. Н. Ацаркин, В. Н. Ганичев, П. С. Гусятников, В. И. Десятерик, А. П. Зиновьев, В. А. Зубков, В. И. Клюкин, В. К. Криворученко, А. Н. Латышев, К. М. Лебедев, В. Я. Лейкин, М. М. Мухамеджанов, В. В. Привалов, В. А. Сулемов, А. С. Трайнин, Н. В. Трущенко и другими [Ацаркин 1976; Гусятников 1971; Ганичев 1977; Зиновьев 1977; Лебедев 1963; Трайнин 1986; Трущенко 1966]. Нужно учитывать, что труды указанных историков были созданы на основе марксистско-ленинской методологии и в них традиционно преувеличивались классовые приоритеты пролетариата и его партии, а также критиковались непролетарские некоммунистические объединения юношества того времени.

Широкое исследование учеными и краеведами истории комсомола различных регионов СССР способствовало созданию большим коллективом авторов фундаментальной научной истории ВЛКСМ «Славный путь Ленинского комсомола» [Славный путь 1978]. Увидевшее свет в 1978 г. издание являло собой итог шестидесяти лет изучения, обобщения

ния и анализа истории и опыта деятельности молодежных организаций страны и было подготовлено лучшими научными силами того времени.

В последние десятилетия значительное количество работ по истории молодежного движения в России было подготовлено на базе Московского гуманитарного университета*. Книга В. К. Криворученко посвящена рассмотрению положения молодежи, юношеского движения в Советской России с революционного 1917 г. до Великой Отечественной войны [Криворученко 2012].

Первые научные работы, посвященные истории комсомольских организаций Калмыкии, появились лишь в 60-х гг. прошлого века — после восстановления автономии калмыцкого народа и возвращении его из депортации. Они не были объемными и публиковались в небольших брошюрах.

Начало изучению истории комсомола Калмыкии было положено выпуском сборника документов и материалов «Первые десять лет Калмыцкой областной комсомольской организации (1921–1931 гг.)», который содержал ряд фактических данных по истории комсомола и мемуары первых комсомольцев [Первые десять лет... 1963]. Следует учесть, что исследователи рассматривали историю сквозь призму марксистского учения, опирающегося на классовый подход в освещении исторических событий. Поэтому в работе освещена деятельность комсомольцев как опоры и резерва областных партийных организаций.

К 50-летию комсомола Калмыкии была опубликована коллективная монография «Верность комсомольскому знамени», в которой авторы осветили исторический путь областной организации ВЛКСМ [Матлаш 1971].

К 60-летию областной организации ВЛКСМ был выпущен новый сборник документов, подготовленный Калмыцким обкомом ВЛКСМ и партийным архивом Калмыцкого обкома КПСС совместно с учеными-историками. В сборник были включены документы и материалы, выявленные в Центральном архиве ВЛКСМ, архивах Калмыцкого и Саратовского обкомов КПСС, Центральном государственном архиве Калмыцкой АССР и государственном архиве Астраханской области [Сборник документов 1978]. Таким образом, в советский период были освещены такие направления деятельности комсомола, как участие в советском, культурном и хозяйственном строительстве, идейно-политическом воспитании молодежи.

* Данные статус и название учреждению присвоены в 2003 г., в 1944–1969 гг. это была Центральная Комсомольская Школа (ЦКШ), в 1969–1990 гг. — Высшая комсомольская школа, в 1990–2000 гг. — Институт молодежи, в 2000–2003 гг. Московская гуманитарно-социальная академия.

Текущую характеристику состояния проводимой комсомольской работы дают статьи партийных и комсомольских работников, помещенные в республиканской молодежной газете «Улан багчуд», издаваемой в 1920–1930-е гг. Изучение этих статей позволяет вовлекать в научный оборот значительный фактический материал. Необходимо отметить, что эти работы имели не столько аналитический, сколько просветительский и пропагандистский характер.

Значительный вклад в изучение истории Калмыкии внес К. Н. Максимов, который на основе многочисленных архивных материалов, статистических данных показал унифицированное развитие республики в условиях социализма и осуществления советской национальной политики. В его работах также отражено участие молодого поколения в общественно-политической жизни республики [Максимов 2002: 345–350; Максимов 2013: 36, 50].

Е. Н. Бадмаева, рассматривая социально-экономическое развитие Нижнего Поволжья в период проведения новой экономической политики, коллективизации сельского хозяйства, в том числе освещала причины и масштаб массового голода в крае в 1921 г. и 1933 г. и показала участие представителей комсомола в борьбе с этим бедствием [Бадмаева 2010: 208–210].

В работе Е. В. Сартиковой освещен процесс формирования и развития школьного образования в Калмыкии. В монографии подробно рассмотрен процесс ликвидации неграмотности населения и участие комсомольцев в проводимом культштурме [Сартикова 2008: 126–130].

Следует отметить, что, несмотря на издание большого количества литературы по рассматриваемой теме, в ее разработке наряду с несомненными достижениями еще немало нерешенных проблем. До сих пор не создано фундаментального труда по истории комсомольского движения, охватывающего весь период — с момента его зарождения в XX в. и до сегодняшнего дня. Также следует отметить, что требуют дополнительного научного освещения и осмысления многие вопросы по деятельности областных комсомольских организаций в довоенный период.

Литература

- Ацаркин 1976 — *Ацаркин А. Н.* Жизнь и борьба рабочей молодежи в России (1900 – октябрь 1917 г.). 2-е изд. М.: Мысль, 1965. 446 с.
- Бадмаева 2010 — *Бадмаева Е. Н.* Нижнее Поволжье: опыт и итоги реализации государственной политики в социально-экономической сфере. Элиста: НПП «Джангар», 2010. 544 с.
- Владимир Д. 1920 — *Владимир Д. (Дунаевский).* Октябрьская революция и движение молодежи. Тамбов: Изд-во агит.-изд. отд. Тамбов. губкоммола, 1920. 16 с.

- Ганичев 1977 — *Ганичев В. Н.* Молодежная печать: история, теория, опыт. М.: Мысль, 1976. 286 с.
- Гусятников 1971 — *Гусятников П. С.* Революционное студенческое движение в России (1893–1907 гг.). М.: Мысль, 1971. 264 с.
- Дианин 1926 — *Дианин С.* Революционная молодежь в Петербурге 1897–1917 гг. (Исторический очерк). Л.: Прибой, 1926. 244 с.
- Зиновьев 1977 — *Зиновьев А. П.* Боевой отряд интернационалистов: из истории международной деятельности ВЛКСМ (1918–1945 гг.). М.: Мол. гвардия, 1977. 238 с.
- Золотарев 1926 — *Золотарев С. А.* Четыре смены молодежи (1905–1925): из наблюдений педагога. Л.: Современник, 1926. 164 с.
- Киров 1925 — *Киров А., Далин В.* Юношеское движение в России: сб. ст. Вып. первый / сост. А. Киров, В. Далин. 2-е изд., изм. М.; Л.: Мол. гвардия. 1925. 328 с.
- Коммунистическое движение 1920 — Коммунистическое движение молодежи в России. М.: Госиздат, 1920. 72 с.
- Криворученко 2012 — *Криворученко В. К., Цветлюк Л. С.* Молодежь. Комсомол. Общество: от Октябрьской революции до Отечественной войны. М.: ВПО «Институт непрерывного образования», 2012. 438 с.
- Кулешов 1921 — *Кулешов И.* Из истории движения среди учащихся средних учебных заведений (с 90-х годов по октябрь 1917 г.). М.: ОГИЗ, Мол. гвардия. 1931. 133 с.
- Лебедев 1963 — *Лебедев К. М.* Комсомол — боевой помощник Коммунистической партии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.): автореферат дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1964. 37 с.
- Левицкий 1926 — *Левицкий Е. (В. О. Цедербаум).* За четверть века. Революционные воспоминания 1892–1917 гг. Т. 1. Часть первая: Революционная подготовка 1692–1901 гг. М.; Л.: Госиздат. 1926. 219 с.
- Леонтьев 1920 — *Леонтьев Л. А.* Пролетарское юношеское движение, его причины, характер и цели. Пг.: Госиздат, 1920. 60 с.
- Максимов 2002 — *Максимов К. Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX в.). М.: Наука, 2002. 524 с.
- Максимов 2013 — *Максимов К. Н.* Калмыкия в советскую эпоху: политика и реалии. Элиста: ИД «Герел», 2013. 464 с.
- Матлаш 1971 — *Матлаш В. С., Пинчук Б. Б., Убушаев В. Б.* Верность комсомольскому знамени. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. 248 с.
- Первые десять лет... 1963 — Первые десять лет Калмыцкой областной комсомольской организации (1921–1931 гг.): документы, статьи, воспоминания / сост. А. В. Мирошниченко, А. К. Зундугинов, А. И. Наберухин. Элиста: Калмиздат, 1963. 184 с.
- Революционное юношество из прошлого социал-демократической, учащейся и рабочей молодежи. Л.: Госиздат, 1924. 227 с.
- Рывкин 1933 — *Рывкин О.* Очерки по истории ВЛКСМ. 3-е изд. М.: Мол. гвардия, 1933. 190 с.
- Сартикова 2008 — *Сартикова Е. В.* Развитие школьного образования в Калмыкии в XX веке. Элиста: НПП «Джангар», 2008. 407 с.

**Оконов Б. А. Историография Калмыцкой организации ВЛКСМ
в 20–30-е гг. XX в.**

- Сборник документов 1978 — Сборник документов и материалов по истории калмыцкой организации ВЛКСМ / сост. З. Б. Очирова, А. О. Тапкина, А. И. Наберухин, В. Б. Убушаев, В. П. Санчилов, А. Н. Буров. Элиста: Калмиздат, 1978. 319 с.
- Славный путь 1978 — Славный путь Ленинского комсомола. История ВЛКСМ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Мол. гвардия, 1978. 588 с.
- Титлинов 1925 — *Титлинов Б. В.* Молодежь и революция. Из истории революционного движения среди учащейся молодежи духовных и средних учебных заведений. 1860–1906 гг. 2-е изд. Л.: Госиздат, 1924. 166 с.
- Трайнин 1986 — *Трайнин А. С.* Исторический опыт борьбы большевиков за революционное воспитание и организацию учащейся молодежи средних школ накануне и в период первой русской революции. М.: ВКШ, 1986. 104 с.
- Трущенко 1966 — *Трущенко Н. В.* Партия и комсомол (1918–1920 гг.). Горький: [б. и.], 1966. 233 с.
- Шацкин 1926 — *Шацкин Л.* Первые годы Коммунистического Интернационала Молодежи: сб. ст. и докл. М.; Л.: Новая Москва, 1926. 333 с.
- Шохин 1928 — *Шохин А. П.* Краткая история ВЛКСМ. М.: Мол. гвардия, 2-е изд., перераб. 1928. 187 с.

Динамика правового статуса Монголии в XX в.

*Сергей Львович Кузьмин*¹

¹ Институт востоковедения РАН

(д. 12, ул. Рождественка, 107031 Москва, Российская Федерация)

доктор исторических наук, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник

© КалмНЦ РАН, 2020

© Кузьмин С. Л., 2020

Аннотация. Цель данной статьи — выяснение статуса Монголии на основе исторических документов и оценок современников. Обсуждаются изменения правового статуса Монголии со времени коллапса империи Цин до середины XX в. Показано, что Монголия не была частью Китая, а была связана с маньчжурской династией государства Цин отношениями «вассал — сюзерен». Цинская «новая политика» китайской колонизации, нарушила эти отношения, следствием чего стало национально-освободительное движение монголов. Отречение династии и образование Китайской республики дали новое легитимное основание для независимости Монголии. Провозглашение независимости Монголии 29 декабря 1911 г. как кульминация этого движения было легитимным и не было революцией. Русско-монгольское соглашение 1912 г. может трактоваться как признание *de jure* независимости, а не автономии Монголии. Правомерное признание автономии зафиксировано в Китайско-русско-монгольском соглашении 1915 г.: Внешняя Монголия стала государством под формальным сюзеренитетом Китая и протекторатом России. Отмена автономии и оккупация Внешней Монголии Китаем в 1919 г. была незаконной. В 1921 г. барон Р. Ф. Унгерн восстановил автономию, а фактически — независимость Внешней Монголии. От захвата власти Монгольской народной партией до принятия конституции Монгольской народной республикой в 1924 г. статус страны был неопределенным. С 1924 г. до признания Китаем в 1946 г. МНР была *de facto* независимым суверенным государством с подразумеваемым (молчаливым) признанием со стороны СССР. Историческим выбором народов Внутренней Монголии и Барги было воссоединение с Внешней Монголией / МНР.

Ключевые слова: Монголия, Россия, СССР, Китай, статус, независимость, международное право

Благодарность. Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой

поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Кузьмин С. Л. Динамика правового статуса Монголии в XX веке // Desertum Magnum: studia historica. 2020. № 1. Pp. 58–67. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-58-67

UDC 94(517)

DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-58-67

Dynamics of the Legal Status of Mongolia in the 20th Century

*Sergey L. Kuzmin*¹

¹ Institute of Oriental Studies of the RAS
(12, Rozhdestvenka St., Moscow 107031, Russian Federation)
Dr. Sc (History), Cand. Sc. (Biology), Leading Research Associate

© KalmSC RAS, 2020

© Kuzmin S. L., 2020

Abstract. This article is aimed at determining Mongolia's status based on historical documents and contemporaries' evaluation. It discusses the change in the legal status of Mongolia from the collapse of Qing Empire till the mid XX century. As it is shown, Mongolia was not part of China but was in vassal — suzerain relationship with the Manchu Dynasty of Qing Empire. Qing 'new policy' of Chinese colonization destroyed this relationship which led to national liberation movement of Mongols. Dynasty abdication and the formation of the Republic of China gave new legitimate ground for independence Mongolia. Declaration of independence of Mongolia on December 29, 1911 as the culmination of this movement was legitimate and was not a revolution. The treaty signed in 1912 between Russia and Mongolia may be considered as de jure recognition of the independence but not the autonomy of Mongolia. The rightful recognition of the autonomy was recorded in the agreement of 1915 between Russia, China and Mongolia. Outer Mongolia became the state under the formal suzerainty of China and the protectorate of Russia. The abolishment of autonomy and occupation of Outer Mongolia by China in 1919 was illegal. In 1921 baron R. F. Ungern reinstated the autonomy and in fact the independence of Outer Mongolia. From the take-over of the Mongolian People's Party until adoption of constitution by the Mongolian People's Republic in 1924 the country status was undefined. From 1924 until recognition by China in 1946 the Mongolian People's Republic was de facto independent country with the implied (silent) recognition by the USSR. Reunion of Inner Mongolia and Barga with the Outer Mongolia / Mongolian People's Republic was the historical choice of their peoples.

Keywords: Mongolia, Russia, the USSR, China, status, independence, international law

Acknowledgement. The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Kuzmin S. L. Dynamics of the Legal Status of Mongolia in XX century. In: Desertum Magnum: studia historica. 2020. № 1. Pp. 58-67. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-58-67

Хотя статус Монголии в цинский период обычно обозначается сходно, есть разногласия в его детализации: колония цинского (маньчжурского) Китая, совокупность стран в империи Цин, цинские наместничества и т. д. Есть различия и в оценках статуса последующих периодов.

Широко распространено ошибочное мнение, что империя Цин — это «цинский Китай». Империя Цин была создана вне Китая и лишь позже присоединила его. Формирование, структура, социокультурные концепты, методы правления, национальная политика отличают империю Цин от Китая как государства, которым до нее была империя Мин, а затем — Китайская республика и Китайская Народная Республика. Китай, захваченный маньчжурами, стал одной из частей их империи, то есть утратил государственность. Китайские и иноземные «династии», в частности Мин и Цин, — это в действительности разные империи [Дмитриев, Кузьмин 2014].

Переход монголов в маньчжурское подданство начался еще до создания империи Цин и закончился уже после захвата ею Китая. Следовательно, Монголия не стала «частью цинского Китая». В период потери независимости Монголия представляла не единое государство, а совокупность владений с разным статусом. Эти владения вошли в подданство к маньчжурским императорам на разных основаниях — от добровольного подчинения до завоевания. Первыми подчинился ряд княжеств восточной и южной Монголии. Их первоначальные отношения союзничества перешли в вассалитет. Позже и нойоны северной Монголии стали цинскими вассалами. В отношениях «вассал — сюзерен (сеньор)» в Европе и Азии есть общие признаки: подчинение вассалов сеньорам, монархам с клятвой верности, обязательством или письменным соглашением; служба (особенно военная) вассалов сеньорам; пожалование последними вассалам земли (в том числе собственной земли вассалов), другого имущества или прав в обмен на верность и службу; одинаковое понимание обеими сторонами отношений «вассал — сеньор» [Кузьмин 2019].

В данном случае обязанности сеньора (маньчжурского императора) состояли в гарантиях безопасности, неизменности образа жизни, исключения китайской колонизации земель вассалов (монгольских нойонов).

Экспансия иностранных держав в империю Цин с XIX в. стала фактором ее дестабилизации. Для противодействия цинское руководство взяло на вооружение «новую политику». В Монголии она преследовала такие цели: ослабить влияние России и Японии; ассимилировать монголов китайцами; заменить монгольский кочевой уклад на китайский крестьянский; сделать Монголию военным плацдармом; подавить сопротивление монголов [Батсайхан 2007: 4].

«Новая политика» была колониальной, хотя проводилась под прикрытием «просвещения» и «экономического развития» монголов: это была политика заселения их земель китайцами, эксплуатации их ресурсов с использованием принуждения политическими, экономическими и военными мерами. Очевидцы обозначали ее как колониальную.

«Новая политика» стала нарушением системы «вассал — сюзерен», в рамках которой монголы признавали себя подданными маньчжурских императоров. Это нарушение стало причиной национально-освободительного движения монголов, которое, следовательно, имело легитимную основу. Следующей причиной стало отречение династии: ведь монголы подчинялись ей, а не Китаю. Есть сведения, что император Хунтайджи (Абахай) выдавал монгольским князьям указы, где говорилось, что после падения династии подчинившиеся ей монголы вернутся к своим прежним законам [Кузьмин, Батсайхан 2019], то есть вновь обретут независимость.

Провозглашение Китайской республики в 1912 г. было результатом революции, инициированной ханьскими националистами. Они, как и монголы, хотели выйти из-под власти маньчжуров. Соответственно, при коллапсе империи Цин должны были обрести самостоятельность те народы, которые признавали подданство ей так же, как его признавали ханьцы. Чтобы избежать этого, ханьские националисты разработали концепцию «республики пяти рас», по которой она объявлялась государством не только ханьцев, но и других национальностей. Монголы не имели отношения к этому.

Незадолго до отречения династии, 29 декабря 1911 г., Монголия провозгласила независимость как монархия Богдо-гэгэна Джебцзундамбахутухты VIII. Его легитимация основывалась на преемственности великоханской власти: так же, как в XVII в., монголы передали власть великого хана (Богдо-хана) монарху маньчжуров (Хунтайджи), теперь произошел «перенос империи» от маньчжуров обратно к монголам. Внутренняя Монголия и Барга присоединились к независимой Монголии. Последняя соответствовала признакам национального государства: имела постоян-

ное население, определенную территорию, правительство и способность вести международные отношения. Согласно декларативной теории государственности, этого достаточно, чтобы было государство. «В целом, политическое существование государства не зависит от признания другими государствами» [Shaw 2008: 471]. Альтернативная — конститутивная теория — требует признания другими государствами. В международном праве она менее распространена: ведь государство создает его народ, а не иностранное признание.

Как сказано выше, империя Цин не была Китаем. Китайская республика и КНР не имеют от нее исторической преемственности. Тем не менее, иностранные державы признали Китайскую республику в границах империи Цин из соображений политической и экономической целесообразности.

Первым международным актом новой Монголии стало Русско-монгольское соглашение (договор) от 3 ноября 1912 г. В его русском и монгольском текстах, имевших равную силу, есть различия. Монарх Монголии в монгольском тексте титуловался «великий хан Монголии» (*Монгол улсын хаан эзэн*), в русском — «повелитель монгольского народа». Статус Монголии в русском варианте обозначался как «автономный», а в монгольском ему соответствовали термины, которые переводятся также как «самоопределение» и «самостоятельность» (*өөртөө тогтнож өөрөө эзэрхэх*) (тексты: [Батсайхан 2011: 404–406, 610–611, 619–676]). В то время в монгольском языке не было современного оборота *тусгаар тогтнол* для обозначения независимости, для него использовались указанные выше слова [Тачибана 2013]. Оба варианта были зачитаны, сличены и лишь затем подписаны [Коростовец 2004: 233]. Они имели равную юридическую силу, так как не был оговорен приоритет какого-либо из них. Хотя в русском тексте статус Монголии обозначен как автономный, согласно международному праву того времени в международном договоре «сомнительное постановление должно быть интерпретируемо в смысле наименее отяготительном для обязанной стороны» [Мартенс 1882: 413]. Следовательно, монгольская сторона имела правовые основания утверждать, что Россия *de jure* признала Монголию как независимое государство.

11 января 1913 г. Монголия заключила договор с Тибетом — первое международное соглашение в период ее независимости в XX в. (подробнее см.: [The Centennial... 2013]). Этим обе страны признавали независимость друг друга. Поскольку Монголия к тому времени уже была признана Россией как государство, признание ею Тибета было легитимным. Следовательно, Тибет стал независимым государством *de facto* и *de jure*.

5 ноября 1913 г. Россия и Китай подписали декларацию, согласно которой Внешняя Монголия признавалась автономной частью Китая, а

правительство последнего — ее сюзереном. Монголия не признала данную декларацию [Батсайхан 2011: 384] правомерно, так как, будучи уже признана независимым государством, не участвовала в ее подписании.

Под давлением Китая Россия вступила в длительные переговоры, закончившиеся Китайско-русско-монгольским соглашением в Кяхте от 7 июня 1915 г. В частности, Внешняя Монголия признавалась автономией в составе Китая на основе его сюзеренитета, титул ее монарху должен был жаловать президент Китая, за Монголией признавалось исключительное право ведать внутренними делами и заключать международные договоры по торговле и промышленности, Россия и Китай обязывались не вмешиваться в ее внутреннее управление и строй (тексты: [Батсайхан 2011: 631–676]). Это соглашение означало фиксацию автономного статуса, не допускавшую иных толкований. Внешняя Монголия была теперь отделена от Внутренней Монголии и от Барги, которые были «оставлены» Китаю.

Б. Э. Нольде, один из ведущих российских специалистов по международному праву и директор юридической секции МИД России, разъяснил новый статус Монголии. В частности, он указал, что в XIX в. формула сюзеренитета была «пересажена» из европейского средневекового права и с ее помощью осуществлялся процесс «расчленения Турции и рождения новых государств Ближнего Востока». Внешняя Монголия с правовой точки зрения — «государство под сюзеренитетом Китая и под протекторатом России», сюзеренитет здесь — «чисто формальное и лишнее самостоятельного содержания» положение [Нольде 1915].

6 ноября 1915 г. было подписано отдельное Русско-китайское соглашение по Барге. Оно отделяло Баргу от Внешней и Внутренней Монголии. Барга стала особой областью, подчиненной непосредственно центральному правительству Китая. Хотя из текста соглашения следовал автономный статус Барги, уровень его был ниже, чем у Внешней Монголии, а сам термин «автономия» не использовался. Внутренняя Монголия, Кукунор и монгольские (ойратские) территории Синьцзяна не получили автономных прав.

Итак, с 1915 г. статус бывших цинских вассалов стал существенно различаться: Внешняя Монголия стала автономным государством под сюзеренитетом Китая, Барга — особой областью Китая, остальные монгольские земли — его обычными частями.

25 июля 1919 г. совнарком РСФСР в обращении к китайскому народу и его правительству объявил об отказе от «завоеваний, которые сделало царское правительство, отобрав от Китая Маньчжурию и другие области. Пусть народы, обитающие в этих областях, сами решат, в границах какого государства они желают быть и какой образ правления они желают установить у себя дома» [Документы... 1958]. На следующий день

НКВД РСФСР объявил монгольскому народу, что советское правительство «уничтожило все тайные договоры... которыми царское правительство в свое время, под видом автономии Монголии, отняло Монголию у Китая <...> Русский народ отказался от всех договоров с японским и китайским правительством относительно Монголии.<...> В отмену соглашения 1915 г. Монголия, как независимая страна, имеет право сноситься со всеми другими народами без всякой опеки со стороны Пекина или Петрограда» [Российско-монгольское... 2008: 22].

Формально это означало признание права монголов на самоопределение, но оно сопровождалось отказом от Кяхтинского соглашения 1915 г. Однако советское правительство не было в то время единственной легитимной властью в России. Не менее легитимное белое «Омское» правительство продолжало придерживаться царских соглашений по Монголии.

Пользуясь слабостью России из-за двух революций и Гражданской войны, в 1919 г. Китай нарушил соглашения по Внешней Монголии и Барге, отменил их автономию и приравнял к своим провинциям. Но юридически их статус в этом случае должен был измениться иначе. Как отмечал Б. Э. Нольде [Нольде 1915: 2168], «если бы... почему-либо отпала сила пекинского [1913 г.] и кяхтинского [1915 г.] актов, то положение Монголии стало бы вновь определяться с формальной точки зрения ургинским политическим договором [1912 г.]». А этот договор фиксировал независимость или автономию Монголии (см. выше). Поэтому действия Китая, сопровождавшиеся вводом войск, являлись оккупацией.

В 1921 г. барон Р. Ф. Унгерн освободил Внешнюю Монголию, восстановил ее государственность и монархию Джебцзундамбахутухты. Считается, что это было восстановлением автономии. Однако Р. Ф. Унгерн заявлял о Монголии под властью маньчжурского хана, которого еще предстояло восстановить на троне, а не под властью Китайской республики. Фактически он восстановил независимость, а не автономию.

В телеграмме заместителя народного комиссара иностранных дел РСФСР Л. М. Карахана от 27 апреля 1921 г. говорилось, что «положение дела в Монголии... направлено к отторжению Монголии от Китая, созданию независимого государства под фактическим господством Японии... Народно-революционная партия... хочет создать автономную Монголию, независимую от Японии, но входящую в Китайскую республику и находящуюся под суверенитетом Китая» [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 3]. Это не соответствовало действительности в части МНП и Японии.

В 1921 г. в результате действий Красной Армии Р. Ф. Унгерн потерпел поражение. Власть во Внешней Монголии с советской помощью захватила МНП. Уже 14 сентября 1921 г. правительство МНП направило ноту всем иностранным государствам, где заявило, что «сюзеренитет

Китая не будет больше признаваться» [Революционные... 1960: 137]. 5 ноября 1921 г. было подписано Советско-монгольское соглашение, по которому правительство РСФСР признавало единственным законным правительством Монголии Народное правительство, а последнее признавало единственной законной властью России правительство РСФСР [РГАСПИ. Ф. 495]. Международный статус самой Внешней Монголии в этом соглашении не был определен: в советском руководстве были как сторонники его подписания, так и противники, боявшиеся оттолкнуть Китай [Батунаев 2015: 126].

31 мая 1924 г., вскоре после смерти Богдо-хана, было подписано Советско-китайское соглашение, которое признало Внешнюю Монголию частью Китая под его суверенитетом [Кузьмин 2015]. Нарком иностранных дел Г. В. Чичерин на заседании 3-й сессии ЦИК СССР в Тифлисе 3 марта 1925 г. разъяснил советскую позицию: СССР признает республику Монголия частью Китайской республики, но признает и автономию монгольского государства, «настолько широкую, что Монголия не только не допускает никакого вмешательства со стороны Китая в свою внутреннюю жизнь, но и ведет независимо свою внешнюю политику» [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 6]. Эта трактовка была в целом сходна с трактовкой, которую дал Б. Э. Нольде для соглашения 1915 г. Хотя СССР признал китайский суверенитет (не сюзеренитет), разъяснение Чичерина можно трактовать как более широкую автономию, чем по соглашению 1915 г.

В ноябре 1924 г. I Великий народный хурал принял конституцию, где сказано: «Монголия объявляется независимой народной республикой» [Ваксберг 1925: 41]. Итак, монгольское правительство не признало Советско-китайское соглашение. Проект конституции МНР был разработан советником монгольского правительства П. В. Всесвятским, затем доработан и принят на хурале, проходившем под советским контролем. Следовательно, советское руководство не возражало против этого непризнания. Правительство МНР и позже не признавало суверенитет Китая и подтверждало независимость (например, в конституции 1940 г.).

СССР не заявлял о выходе из Советско-китайского соглашения 1925 г. в части статуса Монголии, но при этом поддерживал с МНР активные дипломатические, экономические, политические и культурные отношения независимо от Китая. Эти отношения означали подразумеваемое (молчаливое) признание МНР. Плебисцит в МНР в 1945 г. и признание Китаем ее независимости 5 января 1946 г. стали основанием для ее широкого международного признания и вступления в международные организации [Учрал 2011]. Этот статус государства Монголия остается общепризнанным (если не считать некоторых кругов Китая).

Что касается остальных монгольских территорий, то Китай присоединил их путем завоевания или получая согласие их правителей под давлением. Такие методы противоречат современному международному праву. Последняя попытка Внутренней Монголии и Барги воссоединиться с МНР после Второй мировой войны была пресечена И. В. Сталиным, потребовавшим их вхождения в Китай. В настоящее время они составляют автономный район Внутренняя Монголия КНР. Руководство этого района назначается извне — Всекитайским собранием народных представителей, от которого зависит местное законодательство. Внутренняя Монголия колонизирована ханьцами (около 80 % населения), использующими ее как источник сырья, военный плацдарм и жизненное пространство.

Источники и литература

- АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 3. — Архив внешней политики Российской империи, Ф. «Резидентура по Монголии». Оп. 3. Пор. № 14. Папка105а. Л. 10.
- АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 6. — Архив внешней политики Российской империи, Ф. «Резидентура по Монголии». Оп. 6. Пор. № 30. П. 113. Л. 83–84, 216.
- Батсайхан 2007 — *Батсайхан О.* Монголын тусгаар тогтнол ба Хятад, Орос Монгол гурван улсын 1915 оны Хиагтын гэрээ (1911–1916). Улаанбаатар: Адмон, 2007. 317 с.
- Батсайхан 2011 — *Батсайхан О.* Монголын сүүлчийн эзэн хаан VIII Богд Жавзандамба. Улаанбаатар: Адмон, 2011. 707 с.
- Батунаев 2015 — *Батунаев Э. В.* Борьба за независимость Монгольского государства (1911–1921 гг.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2015. 160 с.
- Ваксберг 1925 — *Ваксберг М. А.* Конституция революционной Монголии. Иркутск: Иркутск. секция науч. работников Рабпроса, 1925. 52 с.
- Документы внешней политики СССР — Документы внешней политики СССР. М.: Госполитиздат, 1958. Т. 2. 807 с. [электронный ресурс] // URL: http://www.1000dokumente.de/?c=dokument_ru&dokument=0015_kar&object=translation&l=ru (дата обращения: 01.06.2020).
- Дмитриев, Кузьмин 2014 — *Дмитриев С. В., Кузьмин С. Л.* Империя Цин как Китай: анатомия исторического мифа // Восток. 2014. № 1. С. 5–17.
- Коростовец 2004 — *Коростовец И. Я.* От Чингис хана до Советской республики: краткая история Монголии с особым учетом новейшего времени. Улан-Батор: Эмгэнт, 2004. 560 с.
- Кузьмин 2015 — *Кузьмин С. Л.* Советско-китайские отношения и проблема статуса Монголии в 1920-х гг. // Россия и Монголия в первой половине XX в. Кн. 5. Улан-Батор; Иркутск: БГУЭП. 2015. С. 247–255.
- Кузьмин 2019 — *Кузьмин С. Л.* Вассалитет на Западе и Востоке: проблема отношений империи Цин с Монголией и Тибетом // Восток. 2019. № 1. С. 39–54.
- Кузьмин, Батсайхан 2019 — *Кузьмин С. Л., Батсайхан О.* Об указе императора Хунтайджи (Абахая) о восстановлении независимости монголов после падения Цинской династии // Восток. 2019. № 5. С. 200–217.

- Мартенс 1882 — *Мартенс Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. СПб.: Тип. Мин-ва путей сообщ., 1882. 445 с.
- Нольде 1915 — *Нольде Б. Э.* Международное положение Монголии // *Право.* 1915. № 34. С. 2153–2168; № 35. С. 2217–2231.
- РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 495. Оп. 152. Д. 11. Л. 66–67.
- Революционные мероприятия народного правительства Монголии в 1921–1924 гг. Документы. М.: Вост. лит., 1960. 211 с.
- Российско-монгольское... 2008 — Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946): сб. док.: в 2 ч. Ч. 1. М.; Улан-Удэ: ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. 349 с.
- Тачибана 2013 — *Тачибана М.* 1912 оны Орос-монголын найрамдлын гэрээ ба олон улсын эрх зүй // *Монгол-оросын 1912 оны гэрээ ба И. Я. Коростовец.* Улаанбаатар: ШУА СХ, 2013. X. 94–104.
- Учрал 2011 — *Учрал Н.* Международное признание независимого статуса Монголии // *Власть.* 2011. № 8. С. 102–104.
- Shaw 2008 — *Shaw M. N.* *International Law.* Ed. 6. Cambridge Univ. Press. 2008. Pp. 1708.
- The Centennial of the Tibeto-Mongol Treaty: 1913–2013 // *Lungta.* 2013. V. 17. Dharamsala. Pp. 108.

Проблема независимости Монгольской Народной Республики в современной китайской историографии

Цыден Солбонович Очиров¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(д. 6, ул. Сахьяновой, 670041 Улан-Удэ, Российская Федерация)
аспирант, лаборант-исследователь

© КалмНЦ РАН, 2020

© Очиров Ц. С., 2020

Аннотация. Статус государственности Монголии, несмотря на его нынешнюю незыблемость и полное признание мировым сообществом, продолжает вызывать неоднозначную реакцию у ряда китайских авторов. Целью статьи является анализ отдельных работ, в которых рассматриваются вопросы независимости Монголии в XX в. Задачи исследования включают в себя: 1) выявление работ китайских авторов, затрагивающих проблематику исследования; 2) выборочный перевод и анализ текстов, содержащих основные положения авторов относительно проблемы независимости Монголии. В результате исследования выяснено: 1) некоторые китайские историки продолжают использовать по отношению к современной Монголии устаревший термин «Внешняя Монголия»; 2) во многих китайских работах проводится мысль о независимости Монголии в первой половине XX в. как о претворении в жизнь давних планов царской (советской) России в отношении ослабшего Китая.

Ключевые слова: Монголия, Монгольская народная революция, КНР, китайская историография, движение за независимость, СССР

Благодарность. Исследование проведено в рамках проекта РФФИ — Министерства образования, культуры и науки (Монголия), № 19-59-44004 «Монгольская революция 1921 г. в зеркале транснациональной истории монгольского мира» (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.) (номер госрегистрации АААА-А20-120021490062-5). Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Очиров Ц. С. Проблема независимости Монгольской Народной Республики в современной китайской историографии // *Desertum Magnum: studia historica*. 2020. № 1. С. 68–73. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-68-73

UDC 930.2

DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-68-73

The Problem of the Independence of the Mongolian People's Republic in Modern Chinese Historiography

*Tsyden S. Ochirov*¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (6, Sakhyanovoy st., Ulan-Ude 6670041, Russian Federation)

Postgraduate Student, Research Laboratory Assistant

© KalmSC RAS, 2020

© Ochirov Ts. S., 2020

Abstract. Mongolia nationhood status despite its present stability and full recognition by the world community has still ambiguous reaction among some Chinese authors. The goal of the article is to analyze the works on the problems of independence of Mongolia in XX century. The study aims at, first of all, identifying the works of Chinese researchers on the topic; secondly, random selection and analysis of the texts that contain the fundamental principles of the problems of independence of Mongolia. The analysis showed that some Chinese historians still use the archaic term “Outer Mongolia” in regard to the modern Mongolia; in the most Chinese works there is an idea that the independence of Mongolia in the first half of the XX century was the result of long-held plans of the Tsarist (Soviet) Russia towards effete China.

Keywords: Mongolia, Mongolian People's Republic, People's Republic of China, Chinese historiography, independence movement, USSR

Acknowledgement. The study is conducted under the scope of the project of RFBR and the Ministry of Education, Culture and Science (Mongolia), № 19-59-44004 “The Mongolian Revolution in the mirror of transnational history of the Mongolian world” (to the 100th anniversary of the Mongolian revolution of 1921) (state registration number AAAA-A20-120021490062-5). The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Ochirov Ts. S. The Problem of the Independence of the Mongolian People's Republic in Modern Chinese Historiography. In: *Desertum Magnum: studia historica*. 2020. № 1. Pp. 68–73. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-68-73

Проблема независимости Монгольской Народной Республики (далее — МНР) была и остается одной из основных причин разногласий Монголии и КНР. К тому же монгольский вектор является весьма специфическим направлением китайской геополитики, имеющим целый ряд щепетильных исторических, политических, психологических аспектов, влияющих не только на китайско-монгольские отношения, но, без всякого преувеличения, и на геополитику Китайской Народной Республики (КНР) в целом [Бабаян 2015: 53].

Китайские авторы отмечают, что после распада СССР и улучшения отношений между КНР и Российской Федерацией, у них появилась уникальная возможность исследовать российские архивные документы, которые позволяют дать более объективную оценку событиям монгольского национального движения начала XX в., процессу получения независимости Монголии от Китая. В данной работе проанализированы некоторые работы современных китайских авторов, рассматривающих указанную проблематику.

Лан Яньчжи в работе «Развитие Монголии после 100 лет независимости» отмечает, что в Китае принято МНР называть Внешней Монголией, так как долгое время она была частью Китая. Считается, что после падения династии Цин иностранные державы, прежде всего царская (Советская) Россия, воспользовавшись шатким положением тогдашнего Китая и недееспособностью его лидеров в укреплении целостности страны, способствовали процессу построения независимой Внешней Монголии. Автор подчеркивает, что Монголия после Казахстана вторая по величине из стран, не имеющих выхода к морю. Она очень богата полезными ресурсами. На ее территории имеется более 80 видов минеральных ресурсов, из которых выделяются запасы меди, угля, природного газа и нефти. Монголия — это малочисленная страна с огромным потенциалом для быстрого развития. Монголия, находясь под влиянием СССР большую часть времени в своей новейшей истории, не смогла реализовать свои возможности» [Лан Яньчжи 2018].

Развитие дружественных отношений между Россией и Китаем положило начало совместным научно-исследовательским проектам и партнерству. Это способствовало появлению первых работ китайских историков, рассматривающих вопрос участия СССР в борьбе за независимость в Монголии в начале XX в., которые базировались на раскритикованных российских архивах. К таким трудам относятся статьи Гу Цзюкуня «Исследование политики, проводимой Советской Россией по отношению к Внешней Монголии (1918–1921 гг.)» и «Об изменении политики Советского Союза в отношении феодалов Внешней Монголии (1921–1932 гг.)». Так, в статье «Исследование политики, проводимой Советской Россией по отношению к Внешней Монголии (1918–

1921 г.)» автор пишет, что после Октябрьской революции Советская Россия начала поддерживать Монгольскую народную партию во главе с Сухэ-Батором и Чойбалсаном. В результате их деятельности и при помощи Красной Армии в 1921 г. были изгнаны китайские войска. После этого для Китая начался период, когда Монголия стала использоваться Советским Союзом как буферная зона по сдерживанию Поднебесной. Цзикунь особо подчеркивает, что Монголия до сих пор является большой утратой для КНР [Гу Цзикунь 2018].

В статье «Об изменении политики Советского Союза в отношении феодалов Внешней Монголии (1921–1932 гг.)» автор рассказывает о трансформации политики СССР по отношению к Внешней Монголии в 1920-х гг. Изначально, как пишет Цзикунь, Советская Россия понимала острую необходимость в объединении монголов всех социальных слоев. Поэтому 21 декабря 1920 г. Советской Россией было проведено совместное совещание с представителями феодальной знати о создании «национального единого фронта во Внешней Монголии» и скорейшей доставке оружия, снаряжения и средств для продвижения национально-освободительного движения монголов. В дальнейшем, после победы Монгольской народной революции в 1921 г., СССР начал резко менять свою политику по отношению к монгольским феодалам и ламам, которые составляли 16–18 % всего населения Монголии, и которым принадлежали тогда почти 60–70 % всего национального богатства. Поэтому Коминтерн разработал программу по конфискации земель и имущества монгольской феодальной и религиозной знати. Началась «чистка рядов» Монгольской народной партии, которая коснулась почти 30 % ее членов. Такое «устранение» феодального слоя позволило усилить контроль Советского Союза над Внешней Монголией, т. е. политическая деятельность СССР во Внешней Монголии в 20-е годы XX в. характеризовалась борьбой со старым классом, у представителей которого прослеживалось антисоветские и даже прокитайские настроения [Гу Цзикунь 2019].

Проблема национального движения монголов в первой половине XX в. рассматривается в работах Кань Цзианя «Монголия — большой шрам для территориальных владений Китая», Сяобяня «Движение за независимость Внешней Монголии» и Цинсюй «Провозглашение независимости Внешней Монголии в 1921 году». Как считает Кань Цзиань, деятельность ведущих держав того времени, прежде всего царской России, послужила главным фактором движения за независимость Внешней Монголии. В качестве подтверждения своей мысли он приводит доктрину Желтороссии, сформулированную еще во времена правления Николая II. Главной задачей России, согласно указанной доктрине, как считает Цзиань, было ослабление позиций Китая и усиление своего влияния в азиатском регионе. Первыми шагами к осуществлению этой

задачи стало подписание ряда неравноправных договоров с Цинским правительством для получения доступа к добыче полезных ископаемых и обретения других привилегий в Монголии. Ситуация в Китае в начале XX в. все более ухудшалась. Этим воспользовалась царская Россия, при поддержке которой монгольские князья объявили о своей независимости в 1911 г. [Кань Цзиань 2017].

Другой китайский исследователь Цинсуй пишет, что царская Россия в продвижении своего влияния в азиатском регионе не ограничилась только Внешней Монголией, но и пыталась распространить его на Внутреннюю Монголию, в результате чего в 1911 г. Хулун-Буир также объявил о своей независимости [Цинсуй 2005]. Сяобянь в своей работе «Движение за независимость Внешней Монголии» подчеркивает, что царское правительство еще после падения династии Мин захватила большую часть территории Северного Китая. Поэтому дальнейшая экспансия России во Внешнюю Монголию — это осуществление ее давних планов по расширению своих владений в восточном направлении [Сяобянь 2020].

С другой стороны, некоторые китайские авторы революционное движение монголов за независимость связывают с классовой борьбой. К таковым можно отнести Лю Динаня, который в статье «Внешняя Монголия в 1920-е и 1930-е годы» характеризует революционное движение монголов и Монгольскую народную революцию с положительной стороны, рассматривая их в рамках всеобщей революционной борьбы монгольского и ханьского простого народа против феодального строя [Лю Динань 2013: 79].

Особого внимания заслуживает работа Луань Лина «История, покрытая пылью: утрата Внешней Монголии». Луань Лин утверждает, что именно 27 октября 1961 г. Китай полностью потерял Внешнюю Монголию после принятия Монголии в ООН. Автор пишет, что «после образования Монгольской народной республики в 1924 г. официально правительство Китайской республики продолжало не признавать независимость Монголии, так как данная территория была и остается частью исторического владения Китая. КПК была вынуждена официально признать независимость Монголии в декабре 1949 г. во время визита Мао Цзэдуна в Москву. К принятию этого решения КПК подвигли уступки Сталина в отношении КВЖД, порта Далянь. Но независимость Монголии продолжало не признавать правительство Китайской республики во главе Чан Кайши и западными державами» [Луан Лин 2018: 3].

В целом можно отметить, что в рассмотренных нами работах китайских авторов, посвященных проблематике независимости МНР от КНР, присутствует настрой, который отражает понимание ситуации как утраты Китаем своих «исторических владений». Также многие китайские

историки отмечают определяющую роль СССР в становлении независимой МНР. В этом смысле СССР воспринимается ими как государство с имперскими амбициями, преследующее свои цели и интересы.

Литература

- Бабаян 2015 — *Бабаян Д.* Монгольский вектор китайской геополитики: исторические, политические и психологические аспекты // 21-й ВЕК. 2015. № 2 (35). С. 53–74.
- Гу Цзикунь 2018 — *Гу Цзикунь.* Исследование политики, проводимой Советской Россией по отношению к Внешней Монголии (1918–1921 гг.) // Исследование Китайской республики: [электронный журнал]. 2018. № 33. URL: <https://new.qq.com/rain/a/20180611A171GY00> (дата обращения: 06.08.2020). На кит. яз.
- Гу Цзикунь 2019 — *Гу Цзикунь.* Об изменении политики Советского Союза в отношении феодалов Внешней Монголии (1921–1932): историческое исследование, основанное на рассекреченных российских архивах // Исторические исследования и преподавание [электронный журнал]. 2019. № 1. URL: <http://gb.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?filename=LSJX201901014&dbcode=CJFD&dbname=CJFDTEMP> (дата обращения: 06.08.2020). На кит. яз.
- Кань Цзиань 2017 — *Кань Цзиань.* Монголия — большой шрам для территориальных владений Китая // Сэгэн: [электронный журнал]. 2017. URL: http://www.sohu.com/a/126989235_439623 (дата обращения: 29.07.2020). На кит. яз.
- Лан Яньчжи 2018 — *Лан Яньчжи.* Развитие Монголии после 100 лет независимости // Чжиху: [электронный ресурс]. URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/43296427> (дата обращения: 29.07.2020). На кит. яз.
- Луань Лин 2018 — *Луань Лин.* История, покрытая пылью: утрата Внешней Монголии // Довэйсиньвэнь: [электронный журнал]. 2018. № 32. URL: <https://duoweicn.dwnews.com/zh/CN-2018%E5%B9%B432%E6%9C%9F/10006277.html> (дата обращения: 05.08.2020). На кит. яз.
- Лю Динань 2013 — *Лю Динань.* Внешняя Монголия в 1920-е и 1930-е годы // Новая Монголия: [электронный журнал]. 2013. Т. 5. № 77. С. 77–83. URL: <https://fh.pku.edu.cn/docs/2018-11/20181115234451087345.pdf> (дата обращения: 25.07.2020). На кит. яз.
- Сяобянь 2020 — *Сяобянь.* Движение за независимость Внешней Монголии // Каньдянь куайбао: [электронный ресурс]. URL: <https://kuaibao.qq.com/media/18323584?refer=spider> (дата обращения: 26.07.2020). На кит. яз.
- Цинсюй 2005 — *Цинсюй.* Провозглашение независимости Внешней Монголии в 1921 году // Босюнь: [электронный журнал]. 2005. URL: https://boxun.com/news/gb/z_special/2005/07/200507110640.shtml (дата обращения: 28.07.2020). На кит. яз.

«Антирелигиозная политика в Монголии нужна и возможна...»: по материалам сборника «Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.)»

*Кеемя Владимировна Орлова*¹

¹ Институт востоковедения РАН

(д. 12, ул. Рождественка, 107031 Москва, Российская Федерация)

доктор исторических наук, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник

© КалмНЦ РАН, 2020

© Орлова К. В., 2020

Аннотация. В статье рассмотрена антирелигиозная политика монгольской партии и правительства в 20–30-е гг. XX в. В начале 1920-х гг. отношение к религии и духовенству со стороны партийного и государственного руководства страны было лояльным, но начиная с 1926 г., с принятием Закона об отделении религии от государства, начался период постепенного его ужесточения. Наступление на монастыри проявилось в лишении их экономической самостоятельности, обложении налогами, насильственном переводе лам в светское состояние, развернувшейся кампании «поголовной конфискации имущества лам и монастырей». Вполне естественно, что мероприятия партии и правительства вызывали протест со стороны духовенства и церкви, которые выливались в восстания и мятежи. В этой связи несомненный интерес представляет запись беседы члена президиума ЦИК СССР С. Е. Чуцкаева и заведующего орготделом ЦК МНРП Д. Лувсаншарава, бывшего ламы. Работа основана, главным образом, на архивных материалах о буддийском духовенстве и церкви, представленных в сборнике «Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.)». Из 163 документов, вошедших в сборник, ламству и религии Монголии посвящены 35, в них представлен широкий круг вопросов.

Ключевые слова: Монголия, буддийское духовенство, документы, архив ФСБ России, антирелигиозная политика, монастыри, Монгольская народно-революционная партия

Благодарность. Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Орлова К. В. «Антирелигиозная политика в Монголии нужна и возможна...»: по материалам сборника «Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.)» // Desertum Magnum: studia historica. 2020. № 1. С. 74–85. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-74-85

UDC 94 (517)

DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-74-85

«The Antireligious Policy in Mongolia is Needed and is Possible...» (based on materials from the collection of documents «Mongolia in documents from the archives of the Federal Security Service of Russia (1922–1936)»)

*Keemya V. Orlova*¹

¹ Institute of Oriental Studies of the RAS
(12, Rozhdestvenka St., Moscow 107031, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

© KalmSC RAS, 2020

© Orlova K. V., 2020

Abstract. The article analyzes the antireligious policy of the Mongolian Party and government in 1920s–1930s of the XX century. At the beginning of the 1920s the party and state authorities' attitude towards religion and clergy was loyal, but from the beginning of 1926 with the adoption of the law about separation of religion from the state, the time of its gradual tightening up began. The attacks on the monasteries manifested in deprivation of their economic independence, taxation, forced conversion of the lamas to laymen, open campaign for “total confiscation of possessions of lamas and monasteries”. These actions of the party and the government obviously aroused protests from the clergy and church that lead to uprising and rebellions. In relation to this the recording of the conversation of the USSR Central Executive Committee presidium member S. E. Chutskaev with the head of the organizational department of the Central Committee of Mongolian People's Revolutionary Party D. Luvsansharav, former lama, is of great interest. The study is based on the archive materials about Buddhist clergy and church that are presented in the collection of documents “Mongolia in documents from the archives of the Federal Security Service of Russia (1922–1936)”. Out of 163 documents, included into the book, 35 documents are about lamas and the clergy, they introduce a wide range of problems.

Keywords: Mongolia, Buddhist clergy, documents, archive of the Federal Security Service of Russia, antireligious policy, monasteries, Mongolian People's Revolutionary Party

Acknowledgement. The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Orlova K. V., “The Antireligious Policy in Mongolia is Needed and is Possible...” (based on materials from the collection of documents “Mongolia in documents from the archives of the Federal Security Service of Russia (1922–1936)”). In: Desertum Magnum: studia historica. 2020. № 1. Pp. 74–85. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-74-85

В качестве заголовка статьи взята цитата из «Записки представителя ИККИ* С. Е. Чуцкаева о взглядах монгольского партийного деятеля Д. Лувсаншарава по ламскому вопросу» (далее — «Записка») [Монголия в документах 2019: 270–275]. Она принадлежит С. Е. Чуцкаеву, который имел встречу с Д. Лувсаншаравом, бывшим ламой, во время своего пребывания в Монголии (с января по май 1930 г.).

В опубликованном в 2019 г. сборнике «Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.)» представлен широкий круг архивных материалов, относящихся к разным аспектам и фактам монгольской истории 20–30-х гг. XX в., в том числе о положении буддийской церкви и духовенства (35 архивных источников из 163) в Монголии в указанный период. В них аккумулировалась общая информация по «ламскому» вопросу (№ 61, 62, 67, 113, 115), основное внимание уделялось: состоянию и настроениям лам, их восприятию и отношению к репрессивной политике партийных и государственных органов (№ 102, 104, 112, 123, 124, 125), борьбе с ламаизмом (№ 56, 115); переводам лам в светское состояние (№ 109), красношапочникам Монголии (№ 77, прил. 2); движению лам за реставрацию власти Богдо-гэгэна VIII и их арестам в связи с этим движением, деятельности Агвана Доржиева за признание нового перерождения Богдо-гэгэна (№ 80, 82, 86, 95, 100, 103) и отправки при его содействии монгольских лам в Тибет (№ 85); попыткам создания ламской либерально-клерикальной партии (№ 93); некоторым значимым буддийским священнослужителям и отдельно священнослужителям главного монастыря Монголии Гандантэгчинлина (№ 68, 98, 102, 103, 112, 113, 116, 117, 119) и др. Часть документов посвящена ламским мятежам и восстаниям (№ 83, 110, 120, 126).

Остановимся на рассмотрении некоторых документов. Неслучайно значительный пласт документов посвящен настроениям ламства. Если в начале 1920-х гг. отношение к нему со стороны руководства страны и

* ИККИ — Исполнительный комитет Коммунистического интернационала.

партии было терпимым, то после принятия Закона об отделении религии от государства в 1926 г. начался период постепенного его ужесточения. Однако даже с принятием данного закона позиция монгольского руководства к религии и духовенству еще некоторое время оставалась мягкой и лояльной, поскольку «население Монголии религиозно» [Монголия в документах 2019: 272], в том числе религиозны были и представители партии. В «Краткой сводке по Монголии по материалам за апрель — сентябрь 1927 г.» отдельная рубрика названа «Ламство», в ней среди главных положений следует выделить апелляцию высшего буддийского руководства к правительству о бедственном положении монастырей, необходимости иметь главу буддийской церкви Монголии — Богдо-гэгэна*, расходовании средств на нужды** «авантюрных» действий ламства, как то: «получение высшего сана за определенную плату... агитации молодых лам за соби́рание средств для посылки делегации к Панчен-Богдо с целью приглашения его в МНР... деятельности хубилганов, выражающейся в их усиленных разъездах по Монголии, сеянии различных слухов» [Монголия в документах 2019: 136–137].

После VII съезда Монгольской народной революционной партии (далее — МНРП) (октябрь — декабрь 1928 г.) борьба с ламством стала определяющей в деятельности партии и правительства. Предписывалось препятствовать консолидации лам, «вовлекать низы в борьбу против верхов, соблюдать принцип отделения церкви от государства» [Роцин 1999: 223; Монголия в документах 2019: 250, 251]. Согласно стенограмме совещания в Восточном секретариате ИККИ по монгольскому вопросу (7 января 1929 г.), ламство «составляло 12 % населения, а удельный вес его богатств 16,5–17 %, т. е. при сокращении ламства численно имеется процесс концентрации их капиталов» [Монголия в документах Коминтерна 2012, Ч. I: 426]. На этом же заседании выступил уполномоченный Коминтерна М. И. Амагаев, подробно изложивший направления партийной работы по разложению и ослаблению влияния ламства на широкие слои населения. В частности, духовенство рассматривалось

* В 1924 г. скончался Богдо-гэгэн VIII, несколько дней о его кончине не объявляли народу, опасаясь волнений. По решению V Великого народного хурала МНР (1928–1929 гг.) активные поиски его нового перерождения были прекращены.

** По данным за 1928 г., монастыри Улан-Батора испытывали недостаток средств по содержанию жертвенных принадлежностей: «вместо горевших ранее двух вечных дзоло (лампадок) установлена одна. По священным обычаям гашение вечной лампы считается большим святотатством, но неумолимый закон экономики вынуждает современных служителей вступить на путь нарушения святых традиций. Расходы по другим храмам также уменьшаются, например, из 1000 т[угриков] до 500, из 200 т[угриков] до 100 и т. д.» [Монголия в документах 2019: 142].

не «как единая социальная категория, а как целый комплекс, где имеют место три основные группы: верхушечное ламство, или та группа, которая занимает верхушечные посты буддийской иерархии, это высшие духовные владетели; среднее ламство, состоящее, главным образом, из ученых лам, и, наконец, низшее ламство, находящееся в подчинении не только в духовном, но и административном, и экономическом верхушечному ламству» [Монголия в документах Коминтерна 2012, Ч. I: 402]. Поэтому прежде всего необходимо переманить и «добиться активного сочувствия... беднейших слоев ламства, составляющих большинство», а также выработать «радикальную программу», на основе которой не только вести борьбу «с верхушечной контрреволюционной частью буддийской церкви», но и вовлекать в свою орбиту и население страны [Монголия в документах Коминтерна 2012, Ч. I: 402]. В правительстве и партийных кругах прекрасно понимали, что высшие ламы работают со своей паствой, оповещая их о борьбе, которая ведется собственно с религией, и о том, что эта борьба «направлена своим острием в ламское сердце» [Монголия в документах 2019: 200].

В сентябре 1929 г. началась широкая кампания «поголовной конфискации имущества лам и монастырей». Так, например, в Манджушри хийде представители власти с четырьмя цириками* реквизируют все имущество Манджушри хутухты, оставив ему «только зимнюю одежду» [Монголия в документах 2019: 205, 219, 226]. По сообщению заведующего орготделом ЦК МНРП Д. Лувсаншарава, он лично принимал участие в изъятии «вплоть до чулок» имущества двух хутухт (не указаны их имена) [Монголия в документах 2019: 279]. Среди лам монастыря Гандантэгчинлина циркулировали разговоры о том, что за конфискацией имущества высших лам последует изъятие «монастырских ценностей и уничтожение религии». Дэд-хамбо** монастыря Гандантэгчинлин прямо указывал: после лам высокого ранга экспроприации подвергнутся середняки и «...ламы будут влачить жалкое существование», инициатива экспроприации принадлежит коммунистам, то есть «все, что делается в данное время в Монголии проводится по указаниям коммунистической России, которая через находящегося „представителя Коминтерна“ (уполномоченный Коминтерна М. И. Амагаев. — К. О.) проводит свои директивы». Однако были и те, кто приветствовал и одобрял эту кампанию, как, например, «прогрессивная ламская молодежь Гандана (...свыше 2000 человек)» [Монголия в документах 2019: 205, 206, 226].

Согласно постановлению правительства, было введено обязательное обучение монгольской грамоте послушников вне монастырей представителями партии, которые должны были «стараться вдолбить в головы

* Цирик (монг. *цэрэг*) — воин, солдат, боец.

** Дэд-хамбо — заместитель настоятеля монастыря.

хуvaraков идеи невыгодности посвящения в духовное звание», монастырский скот изымался и передавался бедным, монастыри облагались непосильными налогами, лам обязывали к военной службе [Монголия в документах 2019: 207, 227, 231, 236]. Особое внимание уделялось работе по расслоению ламства. Для этого, в частности, в отношении лам Улан-Батора (далее распространено на остальные монастыри Монголии), решением 2-го пленума ЦК партии (лето 1929 г.) были проведены конкретные мероприятия: предоставлена возможность низшим ламам с 18 лет избирать и быть избранными для управления духовными делами монастырей, где они были приписаны; запрещено использовать звания, титулы и прочие отличия высших лам, их уравнивали с остальным духовенством в получении «паев при раздаче приношений и подаче пищи во время богослужений»; отменены телесные наказания и «разорительные приношения при производстве в ученые звания» [Монголия в документах 2019: 245]. Все эти правительственные и партийные действия вызывали возмущение и протест со стороны высшего ламства, распространялись антиправительственные листовки, что в конечном счете приводило к восстаниям и мятежам. Так, в листовке, вывешенной на дверях Улангомского монастыря, говорилось: «аратская власть есть власть проклятых судьбой, стремящаяся опозорить людей, одаренных судьбой, и разрушить устои религии», в листовке из монастыря Хан-Тайширского аймака «приводится неприкрытый призыв к свержению аратской власти» [Монголия в документах 2019: 244] и др.

В 1930 г. состоялся VIII съезд МНРП, на котором, наряду с политическими, экономическими и другими проблемами рассматривались и вопросы в отношении буддийского духовенства*, в результате была продолжена политика на расслоение ламства, привлечения его на свою сторону, конфискации собственности высших лам. Тогда же началась джасская кампания (передача монастырского скота на выпас аратам). Видимо, не случайной оказалась встреча представителя ИККИ С. Е. Чуцкаева** с заведующим орготделом ЦК МНРП Д. Лувсаншаравом. С. Е. Чуцкаев возглавлял комиссию народного комиссариата рабоче-крестьянской ин-

* Ганданский дэд-хамбо считал, что после VIII съезда продолжится «нажим на ламство», другой ганданский лама выразился более резко и прозорливо: «Амагаев заложил фундамент для ликвидации ламства, а другой, который будет назначен, ... форсированным темпом будет проводить эту ликвидацию в жизнь» [Монголия в документах 2019: 239]. С декабря 1929 г. новым представителем ИККИ был назначен В. Н. Кучумов, «который затмил Амагаева своей решительностью и „революционностью“» [Рошин 1999: 231].

** В документе С. Е. Чуцкаев (1876–1944/46) указан как представитель ИККИ, вероятно, в этом качестве он принимал участие в VIII съезде МНРП от Коминтерна. В этот период он был председателем бюджетной комиссии ЦИК СССР (в 1929–1933 гг. и в 1935 г.), членом президиума ЦИК.

спекции (в состав комиссии входили начальник управления заграничных операций Наркомторга СССР И. И. Шлейфер и инструктор ИККИ Г. Б. Скалов), которая находилась в Улан-Баторе с января по май 1930 г. для разработки перспективного народнохозяйственного плана, хотя полномочия комиссии были гораздо шире: изучить на месте экономические взаимоотношения стран, вопрос использования природных богатств, а также провести «негласную проверку работы полпредства и советских организаций в Монголии» [Рошин 1999: 233]. В зависимости от результатов расследования комиссии поручалось «переработать проект инструкции советникам и инструкторам СССР в МНР» [Протокол № 108...].

Разговор в форме вопросов (18) С. Е. Чуцкаева и ответов на них Д. Лувсаншарава состоялся 16 апреля 1930 г., а «Записка», в которой С. Е. Чуцкаев критикует высказывания заведующего орготделом ЦК МНРП по ламскому вопросу, — 21 мая 1930 г. [Монголия в документах 2019: 270–283]. Выбор Д. Лувсаншарава в качестве собеседника не случаен: по его (Д. Лувсаншарава) собственному утверждению, он около 20 лет провел в Мурэнском монастыре, то есть был сведущим в проблемах ламства [Монголия в документах 2019: 270, 275]. Произошедшие восстания в Чандманьульском (ныне — Увс) аймаке в 1925 г. и 1930 г. и зарождающиеся волнения лам в Хубсугульском, Архангайском и других аймаках Монголии, несомненно, актуализировали встречу с бывшим ламой.

Основное внимание на встрече С. Е. Чуцкаев уделит джасам, отношению низшего ламства к обогащению высших, возможным восстаниям аратов в связи с конфискациями джас и пр.

Как видно из «Записки», подготовленной С. Е. Чуцкаевым после разговора с Лувсаншаравом, у него возникли сомнения в компетентности бывшего ламы [Монголия в документах 2019: 270], а ныне заведующего орготделом ЦК МНРП: «...он (Д. Лувсаншарав. — К. О.) говорит словно о каком-то исключении, что в Мурэн-Хурэ в имущество джасы входит „даже“ (подчеркнуто мною. — К. О.) 1 000 кирпичей чая». Далее С. Е. Чуцкаев добавляет, что чай как «минимальнейшая функция всякой джасы» не является особенностью данного монастыря и используется для питья лам во время хуралов. Д. Лувсаншарав действительно упомянул о 1 000 кирпичях чая как одним из компонентов джасы в Мурэнском монастыре. Действительно, о чае как составной части джасы отмечал А. М. Позднеев во время своего путешествия по Монголии в 1876–1879 гг.: каждый шабинар, владевший 20 овцами, «ежегодно в пользу монастыря обязан отдать одну овцу»; владевший менее 20 овцами — «хлеб, чай (здесь и далее курсив мой. — К. О.), или наконец деньгами»; с 10 овец, или двух коров, — «от пяти до шести котлов проса, от

четырёх до пяти *кирпичей чая*, или же от двух до двух с половиною лан серебра; ...с пяти овец, или одной коровы, ...вносится три котла проса, два *кирпича чая*...». И эти налоги были обязательны и «одинаковы» для всех монгольских монастырей [Позднеев 1993: 5]. Однако С. Е. Чуцкаев «забыл» в своей «Записке» продолжить речь Д. Лувсаншарава, который сказал, что «во время недостатка чая Мурэн-хит (хийд. — К. О.) нажил большие деньги, пустив джасовский чай в продажу арадам по повышенным ценам», то есть монастырь, по его словам, попросту занимался «спекуляцией» [Монголия в документах 2019: 282]. А если принять во внимание, что дело происходило в 1930 г., когда широко развернулась антирелигиозная кампания (насильственная конфискация имущества монастырей, ограничение численности лам в монастырях, принудительный перевод их в светское состояние), то становится понятным, почему джасовский чай пускали на продажу по завышенным ценам — надо было элементарно выживать и «изыскивать средства для содержания монастырей» [Монголия в документах 2019: 136, 271]. Можно предположить, что Д. Лувсаншарав располагал достоверными данными, поскольку он провел в Мурэнском монастыре около 20 лет, а брат его в том же монастыре был «высшим ламой» (либо занимал один из высших постов в монастыре, либо по уровню образования. — К. О.) [Монголия в документах 2019: 277]. И упрек С. Е. Чуцкаева, сделанный Д. Лувсаншараву в незнании «такой мелочи, но показательной», по крайней мере, несостоятелен [Монголия в документах 2019: 274]. В Монголии в качестве «денежной единицы имелось много ее эквивалентов», одним из них, помимо овцы, являлся чай*: «кирпич зеленого чая „дзузан“ имел то преимущество перед овцой, что был всегда более или менее одинаков и, не требуя никакого ухода, мог сохраняться продолжительное время» [Майский 1959: 157].

Следующий вопрос С. Е. Чуцкаева касался джасы по назначению и по содержанию имущества. Очень короткий ответ бывшего ламы: «Назначение джас в сущности идет на пользу лам[ам]. Основной смысл джас — это содержание имеющихся в монастыре школ — их (джас. — К. О.) пять. 1) Сокчин-джаса, она предназначена для содержания школы молодых лам, где они обучаются грамоте и первоначальным знаниям. 2) Цанид-джаса — предназначена на содержание школы по первоначальной философии. 3) Жуд-джаса — [на] содержание школы высшей философии. 4) Манба-джаса — для содержания медицинской школы. 5) Дзурхай-джаса — [на] содержание астрологической школы» [Монголия в документах 2019: 280–281].

* По сведениям академика Б. Ширендыба, в 1900 г. 838 (кирпичей) чая приравнивались по стоимости одному барану [Ширендыб 1963: 51].

С. Е. Чучкаев считает, что сведения Д. Лувсаншарав «о монастырских школах и их джасах более чем не точны». Так, «он (Д. Лувсаншарав. — К. О.) определяет сокчин как школу для ламской молодежи, и на вопрос, есть ли общий дацан кроме тех, в которых помещаются школы, отвечает: „Нет, общим дацаном является обычно тот, где находится сокчин“». И так выходит, что общего дацана, собственно говоря, нет, а что он просто пользуется помещением „школы молодежи“. На самом деле слово сокчин означает „большое собрание“, это есть именно соборный храм для всего монастыря, в этом его неотъемлемая функция (кстати сказать, из того, что он соборный храм, еще не вытекает, что его джаса может быть названа общемонастырской джасой), а то, что сокчин наблюдает за обучением грамоте (вернее, правильному чтению вслух) молодых лам, ... является его побочной функцией. Далее будто бы имеется цанид-джаса, предназначенная для изучения „низшей философии“. Это неверно, так как в Гандане имеются целых три цанид-дацана, каждый из которых представляет собою законченную философскую школу со своей особой джасой, далее, цанид не есть „низшая“ философия, а есть практическая мистика. Джуд-дацан вообще не школа, а только храм» [Монголия в документах 2019: 271].

Необходимо отметить, что неточности присутствуют и в ответах бывшего ламы, и в их критике советским деятелем. Джаса — монастырское хозяйство, принадлежавшее общине лам и управлявшееся нирбами*, состояло из джасы дацана и джасы лам и хуvaraков. Хозяйства могли быть большими, маленькими, средними, куда входили земельные угодья, скот, финансы и прочее движимое и недвижимое имущество. Джаса лам и хуvaraков распределялась среди духовенства из доходов дацана [Ламаизм в Бурятии 1983: 65]. В отношении сокчина (цогчена) Д. Лувсаншарав резонно определяет его как храм, в котором собираются все ламы на «общее моление», в том числе в службах принимали участие и молодые ламы [Монголия в документах 2019: 282]. Так, А. М. Позднеев определяет сокчин так: «для соборных служений лам всех аймаков в монастырях устраивается особый храм, который носит название „цогчин“, т. е. соборного храма» [Позднеев 1993: 18]. По свидетельству Г. Ц. Цыбикова, вся монастырская община составляет цогчэн («большие собрания»), в которых ежегодно в течение 45 дней проводится чтение молитв, в исключительных случаях — службы по «особому заказу» [Цыбиков 1981. Т. 1: 154, 156]. По поводу цаннид-джасы, изучающей «низшую» философию, следует отметить, что в школах цаннид** изучали буддийскую философию; по А. М. Позднееву цаннид — высшее богословие, по Г. Ц. Цыбикову — богословие [Позднеев 1993: 18; Цыбиков 1981, Т. 1:

* Нирб (монг. *нярав*) — монастырский казначей, управитель, смотритель.

** Букв. пер. истинное свойство.

154, 156]. Кроме цаннид дацанов существуют дацаны, основная специальность которых — изучение тантр, один называется «„чжюд-мад“, т. е. нижний или основной Чжюд, другой — „чжюд-дод“, т. е. верхний Чжюд (верхний — добавочный, второй)» [Цыбиков 1981, Т. 1: 160]. Неясно, о каком именно джуд-дацане говорил Д. Лувсаншарав.

Нарекания С. Е. Чуцкаева на сообщаемые Д. Лувсаншаравом «неточные сведения», а в некоторых вопросах неточные в «значительной степени», упреки в малом его знакомстве с ламскими делами и бытом, в основном, не обоснованы. Да, неточности присутствуют в ответах Лувсаншарава на вопросы, но могу предположить, что бывший лама не до конца был откровенен, а давал только ту информацию, которую считал нужным озвучить. Согласился Чуцкаев лишь с мнением Лувсаншарава о сопротивлениях лам на конфискацию монастырского имущества. Уверенность председателя бюджетной комиссии ЦИК СССР, члена президиума ЦИК в собственной непогрешимости и правоте, а также категоричность в суждениях относительно члена президиума ЦК партии (а возможно, и в отношении к другим монгольским деятелям) как-то: «виляет, путается, противоречит себе и говорит чересчур явные нелепости» [Монголия в документах 2019: 272] по крайней мере обескураживает.

Возвращаясь к названию статьи «Антирелигиозная политика в Монголии нужна и возможна...», отмечу, что политика партийных и государственных органов Монголии по отношению к буддийскому духовенству и церкви постепенно менялась: от лояльной к радикально жесткой, репрессивной. Руководство Советского Союза и Монголии прекрасно понимало, что «ламство представляло собой самую крупную силу» [Монголия в документах 2019: 379], все население страны глубоко религиозно, и скоропалительность и решительность их действий по отношению к религии и церкви пока не актуальна. В 1924 г. на заседании Великого народного хурала была принята Конституция страны, согласно которой объявлялась свобода вероисповедания, церковь отделялась от государства. С принятием в сентябре 1926 г. Закона об отделении дел религии от государства буддийская церковь была лишена права вмешиваться в государственные и гражданские дела, обязывалась «неукоснительно соблюдать государственные законы» [Ванчикова 2019: 67–77]. Именно с этого времени актуализируется ламский вопрос, ламство как крупный собственник* и внушительная сила адекватно противостояло государственной антирелигиозной политике. Последовали

* По свидетельству И. М. Майского, по переписи 1918 г. количество монастырей и храмов, принадлежавших четырем (Дзасагтуханскому, Тушетуханскому, Цэцэнханскому, Сайнноёнханскому) аймакам Монголии составляло 2 645, численность монахов — 207 227, скота — 1 754 513 голов [Майский 1921, прил. 8: 50–53; прил. 4: 26–29].

экономические санкции, монастыри облагались непосильными налогами, монастырский скот изымался и передавался бедным аратам, лам фактически заставляли переходить в светское состояние и обязывали к военной службе. В активную фазу вступила джасская кампания, ламам оставляли скот и имущество не более 100 хувь*. Все эти мероприятия вызывали недовольство ламства, что в конечном счете приводило к восстаниям и мятежам. В 1925 г. произошли антиправительственные выступления в Улангомском монастыре (Увс аймак). В 1932 г. восстаниями были охвачены Хубсугульский, Архангайский, затем Убурхангайский и Завханский аймаки. Все они были жестко подавлены. Карательные меры предпринимались по отношению не только к простым ламам, но и крупнейшим буддийским деятелям, государственным и партийным лидерам Монголии, репрессии затронули практически все слои монгольского населения. С 1938 по 1944 г. в стране не осталось ни одного действующего монастыря, ламство перестало существовать [Ванчикова 2019: 103; История Монголии 2007: 103]. Антирелигиозная политика, к сожалению, оказалась действительно возможной.

Литература

Ванчикова 2019 — *Ванчикова Ц. П.* Буддизм в Монголии: история, духовенство, монастыри / отв. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2019. 292 с.

История Монголии 2007 — История Монголии. XX век. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с.

Ламаизм в Бурятии 1983 — Ламаизм в Бурятии XVIII — начала XX века. Структура и социальная роль культовой практики. Новосибирск: Наука, 1983. 235 с.

Майский 1921 — *Майский И. М.* Современная Монголия: отчет Монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Всероссийского центрального союза потребительских обществ «Центросоюз». Иркутск: Гос. изд-во, Иркутск. отделение, 1921. 333 с.

Майский 1959 — *Майский И. М.* Монголия накануне революции. М.: Вост. лит., 1959. 310 с.

Монголия в документах 2019 — Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.): сб. док. / науч. ред. В. В. Наумкин; отв. ред. К. В. Орлова, В. В. Грайворонский. М.: ИВ РАН, 2019. 528 с.

Монголия в документах Коминтерна 2012, Ч. I — Монголия в документах Коминтерна (1919–1934): в 2 ч. Ч. I (1919–1929) / науч. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 527 с.

Позднеев 1993 — *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Изд. репр. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 512 с.

* Хувь — учетная счетная налоговая единица, доля, пай. Один хувь равнялся 30 тугрикам, когда речь шла о скоте, и 90 тугрикам — о недвижимом имуществе.

Орлова К. В. «Антирелигиозная политика в Монголии нужна и возможна...»: по материалам сборника «Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.)»

Протокол № 108... — Протокол № 108 заседания ЦК ВКП(б) от 5 декабря 1929 г. (п. 5. О Монголии) // Исторические материалы [электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/60451> (дата обращения 16.08.2020).

Роцин 1999 — *Роцин С. К.* Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М.: ИВ РАН, 1999. 327 с.

Цыбиков 1981. Т. I — *Цыбиков Г. Ц.* Избранные труды в 2-х томах. Т. I. Буддист-паломник у святынь Тибета. Новосибирск: Наука, 1981. 265 с.

Ширендыб 1963 — *Ширендыб Б.* Монголия на рубеже XIX–XX веков: история социально-экономического развития. Улан-Батор: Ком. по делам печати, 1963. 518 с.

Халхин-Гол — объединяющий фактор истории России и Монголии

*Лариса Будаевна Жабеева*¹

¹ Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления (стр. 1, д. 40 В, ул. Ключевская, 670013 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор

© КалмНЦ РАН, 2020

© Жабеева Л. Б., 2020

Аннотация. Цель статьи — дать характеристику развития российско-монгольского сотрудничества в такой важной сфере, как военная, развернувшегося в 1930-е гг. в условиях осложнения международной обстановки, вызванных открытой агрессией со стороны милитаристской Японии. Работа основана на данных сборников документов и материалах Российского государственного архива социально-политической истории. Показано, что в результате резкого обострения международной обстановки на Дальнем Востоке в начале 1930-х гг. из-за японской агрессии в Китае, создания на границах России и Монголии марионеточного государства Маньчжоу-Го и возникновения прямой угрозы для Монголии и советских территорий активизировалась политическая и военная интеграция обеих стран. В степях Монголии в сражениях на Халхин-Голе за свободу монгольского народа происходило становление Г. К. Жукова как великого полководца, под единым командованием которого осуществлялось эффективное взаимодействие советско-монгольской воинских частей, был обретен ценный опыт боевых действий войск коалиционного состава.

Ключевые слова: международная напряженность, агрессия Японии, СССР, Монголия, военное сотрудничество, Халхин-Гол, Г. К. Жуков, военные советники

Благодарность. Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Жабеева Л. Б. Халхин-Гол — объединяющий фактор истории России и Монголии // Desertum Magnum: studia historica. 2020. № 1. С. 86–95. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-86-95

UDC 355.48

DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-86-95

Khalkhin Gol — a Unifying Factor in the History of Russia and Mongolia

*Larisa B. Zhabaeva*¹

¹ East Siberia State University of Technology and Management
(build. 1, 40 V, Klyuchevskaya str., Ulan-Ude 670013, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor

© KalmSC RAS, 2020

© Zhabaeva L. B., 2020

Abstract. The goal of the article is to define the development of the Russian-Mongolian collaboration in such an important sector as military that started in 1930s amidst the complication of the international situation brought about by the open aggression of the military Japan. The study is based on data from collection of documents and the materials of the Russian State Archive of Social-Political History. The research showed that the political and military integration was activated as a result of the marked aggravation of the international situation in the Far East at the beginning of the 1930s due to the Japanese aggression in China, the establishment of the marionette state Mandzhou-Go at the borders of Russia and Mongolia and the emergence of the direct threat to Mongolia and the Soviet territories. It was in the Mongolian steppes, in the Khalkhin-Gol battles for freedom of the Mongolian people where the becoming of the general G.K. Zhukov occurred. Under his command there was an effective interaction of Soviet-Mongolian military units that led to gaining a valuable experience in the allied forces combat.

Keywords: international tension, Japanese aggression, USSR, Mongolia, military collaboration, Khalkhin-Gol, G.K. Zhukov, military adviser

Acknowledgement. The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Zhabaeva L. B. Khalkhin Gol — a Unifying Factor in the History of Russia and Mongolia. In: Desertum Magnum: studia historica. 2020. № 1. Pp. 86–95. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-86-95

В начале 1930-х гг. международная ситуация на Дальнем Востоке резко обострилась в связи с агрессивными действиями со стороны милитаристской Японии, оккупацией ею значительной части территории Китая, создания марионеточного государства Маньчжоу-Го, просуществовавшего с марта 1932 г. по август 1945 г., куда вошли часть земель Внутренней Монголии, Барга и Маньчжурия. Доминирование Японии в Восточной Азии создало реальную опасность для Монголии, дальневосточных территорий советской державы, что привело к сближению внешнеполитических интересов обеих стран, установлению более глубоких, разносторонних и тесных связей в советско-монгольском сотрудничестве. Надежды Монголии на сохранение своего статуса как самостоятельного государства были связаны с Россией. Советское руководство предпринимало шаги к всестороннему развитию Монгольской народной республики (далее — МНР), особую значимость приобретали меры по улучшению обороноспособности страны: укреплению монгольской армии вооружением, снаряжением, военно-хозяйственным имуществом, ускорению процесса подготовки военных кадров.

Военные действия, развернувшиеся в степях Монголии в мае – сентябре 1939 г., когда СССР и Монголия совместными усилиями отразили нападение милитаристской Японии, отстаивали независимость страны, целостность территории, спасли монгольский народ от угрозы японского порабощения, являются чрезвычайно важными в истории наших стран. Такие сражения, когда народы воюют в составе коалиции, отстаивая независимость той или иной страны, не только остаются в народной памяти, но и вызывают повышенный интерес у потомков. Особенно важно говорить и писать об этих событиях в настоящее время, когда происходят попытки искажения истории, подмены ценностных ориентиров.

Суровым испытанием для СССР в XX в. стала Великая Отечественная война, которой предшествовало военное столкновение в степях Монголии на Халхин-Голе с империалистической Японией, проходившее с 11 мая по 16 сентября 1939 г. Сильный, хорошо подготовленный противник напал на дружественную Монголию; ее государственность, целостность территории оказались под реальной угрозой. В зарубежной историографии события на Халхин-Голе либо вообще не фигурируют (замалчиваются), либо скупно формулируются как «инцидент у Номон-хан» (по названию приграничной горы) [Юрковский, Сараев 2019: 204]. В ряде источников в западной литературе фигурирует категория «изолированная военная акция» [Юрковский, Сараев 2019: 204]. В Японии с самого начала после разгрома на Халхин-Голе «существовала попытка снизить значение этой битвы, не признать ее результатов, списать на авантюризм военных клик. Ведь уже в сентябре 1939 г. вышли приказы

японского командования, пытающегося представить события как недо-
разумение» [Базаров 2009: 5].

Отметим, что еще в 1920-е гг. военное ведомство Японии изучало территорию региона, вело в Монголии разведывательные работы под видом научных, торговых и других дел. К примеру, 17 мая 1925 г. на территории МНР пограничным постом была задержана группа из 13 членов экспедиции и 15 рабочих-китайцев под руководством Енде-Жуген, командированного обществом Южно-Маньчжурской железной дороги, также в числе задержанных были два человека, командированные японскими военными властями: первый — Такасита, командированный Главным Штабом Военного министерства Японии из Токио и второй — Окояма, направленный Штабом дивизии, расположенным в г. Порт-Артуре [Монголия в документах 2019: 97–98]. По изъятым документам и показаниям самих членов экспедиции были установлены ее задачи по обследованию таких территорий, как Китай, Внутренняя и Внешняя Монголия, Маньчжурия. По МНР группа должна была собрать информацию по 24 вопросам. Первый вопрос был сформулирован следующим образом: «Обследовать местность Монголии и сличить имеющиеся у экспедиции географические карты с действительностью» [Монголия в документах 2019: 98]. Как видим, Квантунская армия строила планы относительно монгольских территорий, перед экспедицией было поставлено много вопросов, связанных с социально-экономическим состоянием страны. При этом японцев интересовало все, они стремились «выяснить торгово-промышленное состояние Монголии... количество имеющихся фирм... богатство Монгольской Республики... через какие местности проходит железная дорога, состояние дороги и складов на ней... экономический быт монгольского народа... состояние транспорта для передвижения грузов... какие имеются фабрики и заводы... площадь посевов... количество населения... лесные богатства... горные богатства... общее количество скота... рыбное богатство... состояние городов» [Монголия в документах 2019: 98–99]. Также группа должна была получить и доставить информацию о структуре государственных органов МНР, существующих законах, о том, какие деньги, векселя, акции имеют хождение на территории республики, каково состояние бывших привилегированных слоев и их влияние на общество, о климатических условиях, иностранном влиянии, международных отношениях страны. Как видим, военные силы собирали подробную, всестороннюю информация о МНР.

В 1931 г. Квантунская армия вторглась в Северо-Восточный Китай, где в 1932 г. было образовано марионеточное государство Маньчжоу-Го. Именно здесь происходило быстрое усиление военной мощи, была создана система укрепленных районов. В 1937 г. японская агрессия распространилась на другие районы Китая.

Появление у границ Монголии СССР сильного, экономически развитого, тщательно подготовленного противника, пытающего реализовать широкомасштабные, далеко идущие экспансионистские цели в отношении СССР и МНР, создало напряженность. Агрессивные действия Японии имели целью не только проверить крепость монгольской границы, силу оружия и слаженность взаимодействия советских и монгольских войск, но в дальнейшем, с захватом монгольской территории, овладеть Забайкальем и Дальним Востоком. «В начале 1930-х гг. по данным советской военной разведки, против Забайкалья, на Благовещенском направлении, против Приморья, в Южной Маньчжурии, Жэхэ и Корею, японцы сосредоточили 4 пехотных дивизии, 1 пехотную и 2 кавалерийские бригады общей численностью 94 тыс. человек» [Шагов 2019: 185].

Монгольское правительство укрепляло свои вооруженные силы, увеличивало бюджет, расходуемый на армию, осознавая, что это является зоной жизненно важных интересов страны, направленной на защиту национальной безопасности. При этом правительство понимало отчаянные обстоятельства существования своего государства: ни одна страна, кроме СССР, не признавала МНР как самостоятельное государство, правительство было заинтересовано в поддержке со стороны советской страны. Отметим, что военная мощь, ресурсные, экономические, технологические, кадровые возможности СССР эффективно развивались, что позволяло монголам возлагать серьезные надежды на помощь со стороны Советского Союза в сохранении своей государственности.

Советско-монгольские отношения в 1930-е гг. переходили в разряд особо важных. На заседаниях Политбюро регулярно обсуждались вопросы, связанные с Монголией, анализировались возможности более тесного сотрудничества в области безопасности, разворачивалась более тесная политическая и военная интеграция, принимались программы практических действий. Руководство СССР реалистично оценивало военно-экономический потенциал Монголии. Постановлением Политбюро ЦК ВКП (б) от 8 марта 1933 г. были приняты решения по обеспечению Монгольской народной революционной армии (далее — МНРА) вооружением, снаряжением, товарами широкого потребления и продовольствием, горючим и военными кадрами [Российско-монгольское военное сотрудничество 2008: 287].

С июля по ноябрь 1935 г. на станции Маньчжурия проходила монголо-японо-маньчжурская конференция, на которой обсуждались территориальные претензии со стороны Маньчжоу-Го к Монголии, было проведено несколько раундов переговоров (21 заседание). В целом конференция не дала положительных результатов [История Монголии. 2007: 101]. Напряженность нарастала: в приграничных обсуждаемых зонах появлялись вооруженные отряды. Японское командование стягивало крупные

силы — пехотные, кавалерийские дивизии, авиационные, артиллерийские, танковые части — к границам МНР.

Осенью 1937 г. в Монголию были введены советские войска в составе 57-го Особого корпуса Красной армии под командованием Н. В. Фекленко, в соответствии с Протоколом о взаимной помощи между Монголией и СССР от 12 марта 1936 г. Присутствие вооруженных сил СССР, жизненно важного партнера, было гарантом безопасности Монголии.

11 мая 1939 г. японо-маньчжурские части вторглись на территорию МНР, атаковали монгольскую пограничную заставу в районе реки Халхин-Гол и продвинулись вглубь территории на несколько километров. Этот плацдарм был удобен японцам в транспортном отношении для переброски и обеспечения своих войск всем необходимым, так как ближайшая железнодорожная станция была удалена всего на 60 километров, рядом была близость двух маньчжурских железнодорожных линий, грунтовых дорог, идущих со стороны Хайлара.

Завязались бои. Так начались боевые действия, которые продлились более четырех месяцев. К концу мая совместными действиями 57-го Особого корпуса Красной армии и частей Монгольской народно-революционной армии враг был отброшен к границе, но напряженность не спала. Надо сказать, что к началу боевых действий сколько-нибудь значительных сил монгольской армии вблизи границы не было. Не было здесь и находившихся в Монголии советских войск, которые дислоцировались от Халхин-Гола на расстоянии от 150 до 1 200 километров. [Ежов 2019: 66]. Природные условия данного участка были невероятно сложны: голые, безлюдные и безводные степи, сыпучие пески, котловины и барханы, отсутствие путей сообщения, топливных ресурсов, удаленность от железнодорожной магистрали — ближайшая станция Борзя находилась от Халхин-Гола в 750 километров.

Наркоматом обороны СССР в район боевых действий был командирован комдив Г. К. Жуков. По его мнению, «все говорило о том, что это не пограничный конфликт, что японцы не отказались от своих агрессивных целей в отношении Советского Дальнего Востока и МНР и что надо ждать в ближайшее время действий более широкого масштаба» [Жуков 1988: 193]. При этом «теми силами, которыми располагал наш 57-й Особый корпус в МНР, пресечь японскую военную авантюру будет невозможно, особенно если начнутся одновременно активные действия в других районах и с других направлений» [Жуков 1988: 193, 194]. Г. К. Жуков считал необходимым «прочно удерживать плацдарм на правом берегу Халхин-Гола и одновременно подготовить контрудар» [Жуков 1988: 194] по неприятелю, предварительно значительно укрепив группировку советских войск, о чем он сообщил в донесении наркому

обороны К. Е. Ворошилову, который согласился с намеченными действиями и назначил его командующим 57-м Особым корпусом. Именно здесь в монгольских степях, в боях за свободу и независимость монгольского народа происходило становление выдающегося полководца. Суть его выдающегося полководческого дара состояла «в творчестве, новаторстве, оригинальности, а, следовательно, в неожиданности решений и действий для противника» [Гареев 2010: 10]. «В течение двух-трех недель ему удалось коренным образом изменить положение дел в войсках, навести порядок, повысить организованность и дисциплину, исполнительность» [Ежов 2019: 69].

Решением Политбюро ЦК ВКП (б) от 14 июля 1939 г. были утверждены штаты инструкторов РККА в частях МНРА, ассигнованы денежные средства в сумме 2 464 669 руб. 80 коп. (1 875 700 тугриков) для выплаты содержания инструкторов РККА в 1939 г. [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 25. Л. 107].

Таблица 1. Штат инструкторов и специалистов Рабоче-крестьянской Красной Армии, работающих в Монгольской народной революционной армии [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 25. Л. 129]

№ п/п	Наименование должности	Число людей
1.	Военный советник	1
2.	Инструктор штаба армии, корпуса, отделов штаба армии, дивизии, штаба дивизии, полков, бронедивизионов, бр[оне]бригады, родов войск, служб и ОВУ*	71
3.	Инструктор штаба полка, эскадрона	230
4.	Инструктор взвода (мл[адший] начсостав срочной и сверхсрочной службы)	416
Политсостав		
5.	Главный инструктор ПУРа**	1
6.	Политинструктор ПУРа, ОВУ, дивизии, полка, дивизиона	44
7.	Политинструктор эскадрона, мастерской, инструктор политпросветимущества	138
Адмхозсостав		
8.	Инструктор снабжения армии, инструктор отд[ела] Управления снабжения, инструктор снабжения дивизии, бригады, ОВУ	11
	Инструктор — снабжения полка	17
	Инструктор — повар	19

* ОВУ — Объединенное военное училище.

** ПУР — Политическое управление.

Продолжение таблицы 1

	Медсостав	
11.	Врач дивизии, полка, госпитальный врач	39
12.	Лекарский помощник	17
	Ветсостав	
13.	Вет[еринарный] врач дивизии, полка, школы лаборатории	10
14.	Вет[еринарный] фельдшер	22
	Техсостав	
15.	Инженер по эксплуатации мастерских, авиаполка, бр[оне] бригады	8
16.	Авиатехники, автотехники, метеорологи, техник по вооружению, техник мастерской	56
17.	Младшие специалисты	19
18.	Вольнонаемные: портные, электромонтеры, слесаря, плотники, сапожники, шорники	16

Данные таблицы свидетельствуют, что численность советского инструкторского состава в Монгольской народно-революционной армии составляла в 1939 г. 718 человек. Инструкторы участвовали в повышении боеспособности монгольской армии, подготовке командных кадров, помогали военнослужащим в овладении боевой техникой. Их содержание брала на себя советская сторона, как и остальных специалистов, которых насчитывалось 417 человек: 183 политработника, 47 специалистов административно-хозяйственной части, 56 представителей медицинской и 32 — ветеринарной служб, 99 работников технических служб.

В ходе военных действий на Халхин-Голе был накоплен ценный опыт взаимодействия РККА и МНРА. Части монгольской армии принимали участие во всех боях. «Монгольские войска, действовавшие в районе реки Хилхин-Гол, хорошо взаимодействовали с советскими войсками» [Жуков 1988: 215]. Хотя, конечно, не просто было кочевникам-скотоводам, не воевавшим несколько столетий, стать современными воинами, владеющими боевой техникой.

В середине июля 57-й Особый корпус был развернут в 1-ю армейскую группу, под командованием Г. К. Жукова находилось «57 тыс. человек, 542 орудия и миномета, около 500 танков, 385 бронемашин, с воздуха их прикрывали 515 самолетов» [Божедомов 2019: 47]. Монголия выдвинула три кавалерийские дивизии (4 800 человек) под командованием Х. Чойбалсана [Божедомов 2019: 47]. Отметим, что маршал Х. Чойбалсан выезжал на фронт дважды: в июне и августе, непосредственное оперативное командование осуществляли в мае – июне заместитель главкома Ц. Лувсандоной (арестован 1 июля), а в июле и август-

те — заместитель главкома Ж. Лхагвасурэн [Рошин 2005: 115], который проводил «большую творческую работу» [Жуков 1988: 216].

Японские войска к 10 августа были сведены в 6-ю армию под командованием генерала О. Риппо (75 тысяч человек, 500 орудий, 182 танка), которую поддерживали свыше 300 самолетов [Божедомов 2019: 47]. Цифры свидетельствуют, что на советской стороне было обеспечено преимущество в танках, самолетах. 20 августа 1939 г. Г. К. Жуков организовал мощный удар всеми родами войск, что обеспечило полный разгром Квантунской армии к концу месяца.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в обострение в начале 1930-х гг. международной обстановки на Дальнем Востоке, вызванное агрессивной политикой милитаристской Японии, появление у границ Монголии, СССР мощного противника, открытая военная экспансия японского милитаризма обусловили сближение внешнеполитических интересов СССР и МНР. Советский Союз занял мудрую и твердую позицию — помочь дружественной Монголии, которая приняла ключевое решение связать свою судьбу с Россией, к этому подвигали интересы ее национальной безопасности, историческая память, практика сложившихся дружественных отношений. СССР, уважая независимый статус Монголии как национального государства, оказывал ей политическую поддержку, финансовое содействие. Обе страны все более активно и тесно взаимодействовали в военно-политической области.

В соответствии с Протоколом о взаимной помощи, подписанном СССР и МНР 12 марта 1936 г., в Монголию был введен ограниченный контингент советских войск. Присутствие вооруженных сил СССР, жизненно важного партнера, являлось гарантом безопасности Монголии. Отражение агрессии японских империалистов советскими и монгольскими войсками на Халхин-Голе в 1939 г., буквально накануне второй мировой войны, имел глубокие последствия, заставил Японию считаться с военной мощью СССР на Дальнем Востоке, оказал прямое воздействие на стратегические и тактические шаги японского правительства.

Совместная победа — чрезвычайно важная страница в истории межгосударственного сотрудничества России и Монголии, свидетельство дружбы, братской поддержки России в трудный период отстаивания суверенитета, территориальной целостности монгольского государства. Российско-монгольское боевое содружество показало всему миру сплоченность группировки войск коалиционного состава, умение согласованно вести сложные боевые действия с массированным применением современной техники (танков, самолетов, бронемашин, моторизованной пехоты, артиллерии), умение вести наступательные операции в трудных условиях пустынно-степной местности. Опыт коалиционного взаимодействия советских и монгольских войск под руководством Г. К. Жукова

был также успешно использован в августе 1945 г. при разгроме общего врага — Квантунской армии.

Источники и литература

Базаров 2009 — *Базаров Б. В.* Битва на реке Халхин-Гол: исторический опыт и уроки 1930-х годов // Бурятия. 2009. 27 авг. С. 5.

Божедомов 2019 — *Божедомов Б. А.* Особенности военного искусства Красной Армии в вооруженном конфликте на реке Халхин-Гол // Халхын Голын дайн — 80 жил. Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын эмхэтгэл (= Боям на Халхин-голе — 80 лет: мат-лы междунар. науч. конф.). Улаанбаатар: УБХИС-ийн хэвлэх үйлдвэрт хэвлэв, 2019. С. 46–51.

Гареев 2010 — *Гареев М. А.* Военное искусство маршала Жукова // Монголия сегодня. 2010. 5 мая. С. 10.

Ежов 2019 — *Ежов О. В.* Г. К. Жуков во главе группировки советско-монгольских войск в период вооруженного конфликта в районе реки Халхин-Гол. Рождение полководца // Халхын Голын дайн — 80 жил. Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын эмхэтгэл (= Боям на Халхин-голе — 80 лет: мат-лы междунар. науч. конф.). Улаанбаатар: УБХИС-ийн хэвлэх үйлдвэрт хэвлэв, 2019. С. 66–78.

Жуков 1988 — *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: в 3 т. Т. 1. 9-е изд. М.: Изд-во Агенства печати Новости, 1988. 303 с.

История Монголии 2007 — История Монголии. XX век. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с.

Монголия в документах 2019 — Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.): сб. док. / науч. ред. В. В. Наумкин; отв. ред. К. В. Орлова, В. В. Грайворонский. М.: ИВ РАН, 2019. 528 с.

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.

Российско-монгольское военное сотрудничество 2008 — Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946): сб. док.: в 2 ч. Ч. I. М.; Улан-Удэ: ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. 349 с.

Роцин 2005 — *Роцин С. К.* Маршал Монголии Х. Чойбалсан. Штрихи биографии. М.: ИВ РАН, 2005. 160 с.

Шагов 2019 — *Шагов А. Е.* Исторический опыт формирования и укрепления советско-монгольского военно-политического сотрудничества и боевого содружества накануне второй мировой войны // Халхын Голын дайн — 80 жил. Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын эмхэтгэл (= Боям на Халхин-голе — 80 лет: мат-лы междунар. науч. конф.). Улаанбаатар: УБХИС-ийн хэвлэх үйлдвэрт хэвлэв, 2019. С. 182–188.

Юрковский, Сараев 2019 — *Юрковский А. В., Сараев А. В.* Халхин-Гол как урок истории в условиях мировой глобализации: политико-правовой анализ // Халхын Голын дайн — 80 жил. Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын эмхэтгэл (= Боям на Халхин-голе — 80 лет: мат-лы междунар. науч. конф.). Улаанбаатар: УБХИС-ийн хэвлэх үйлдвэрт хэвлэв, 2019. С. 203–207.

Халх голын дайнд оролцсон халимаг дайчид (О калмыцких военных — участниках событий на Халхин-Голе)

*Наранжаргал Норовсамбуу*¹

¹Центр по изучению языка, истории и культуры ойратов «Тод номын гэрэл»
(8, район Сухбаатар, ул. Бага тойруу, 210646 Улан-Батор, Монголия)
научный сотрудник

© КалмНЦ РАН, 2020

© Норовсамбуу Наранжаргал, 2020

Аннотация. Автор на основе архивных материалов, публикаций в СМИ, воспоминаний участников событий и исследований раскрывает страницы истории военного сотрудничества монголов и калмыков, их участие в сражениях на Халхин-Голе в 1939 г. Монгольско-калмыцкое сотрудничество, в котором наблюдался всплеск в начале 1920-х гг., к 1925 г. было свернуто, большинство калмыцких военных специалистов покинуло Монголию. Военные события, развернувшиеся летом 1939 г. на реке Халхин-Гол, привели к тому, что в Монголию вновь были направлены калмыцкие военные специалисты и младший комсостав, принявшие участие в боевых сражениях. Среди участников этих событий М. Т. Бимбаев, Л. С. Эрендженев, М. Калыков и многие другие, удостоенные боевых наград. Многие из них в последующем оказались в депортации, а после возвращения из Сибири трудились в Калмыкии. Ярким свидетельством гордости калмыков о своих соотечественниках, сражавшихся за независимость Монголии, является улица Халхин-Гола в г. Элисте, названная в честь славной победы.

Ключевые слова: Халхин-Гол, Монголия, военные советники, калмыки, воспоминания, депортация

Благодарность. Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Наранжаргал Н. Халх голын дайнд оролцсон халимаг дайчид // Desertum Magnum: studia historica. 2020. № 1. С. 96–103. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-1-1-96-103

UDC 355.48

DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-96-103

Kalmyk Militaries — Participants of Khalkhin-Gol Battle

*Naranzhargal Norovsambuu*¹

¹ “Tod nomin gerel” Center for the Study of the Oirat Language, History and Culture (8, Sukhbaatar district, st. Baga Toyruu, Ulan Bator 210646, Mongolia) Research Associate

© KalmSC, 2020

© Naranzhargal Norovsambuu, 2020

Abstract. The author describes the history of the military collaboration of the Kalmyks and Mongols and their participation in the battles of Khalkhin-Gol in 1939 based on the archive materials, mass media publications, memoirs of the participants and researchers. Mongol-Kalmyk collaboration hiked in 1920s and was wound down by 1925 and most of the Kalmyk military experts left Mongolia. In the summer of 1939 the military events at the river Khalkhin-Gol caused sending the Kalmyk military experts and junior commanders back to Mongolia where they took part in the battles. Among the participants of that event were M. T. Bimbaev, L. S.Erendzhenov, M. Kalykov and many others who were honored with military awards. Many of them were deported later and after coming back from Siberia worked in Kalmykia. The clear illustration of Kalmyks being proud of their compatriots who fought for the independence of Mongolia is naming one of the streets in Elista Khalkhin-Gol – in honor of the great victory.

Keywords: Khalkin-Gol, Mongolia, military advisors, memoirs, deportation

Acknowledgement. The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Naranzhargal Norovsambuu. Kalmyk Militaries — Participants of Khalkhin-Gol Battle. In: Desertum Magnum: studia historica. 2020. № 1. Pp. 96–103. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-96-103

1920-иод оны эхээр идэвхтэй хөгжиж эхэлсэн Монгол-Халимагийн харилцаа 1924 он гэхэд эрс суларчээ. 1921 оны хувьсгалын гол дайн байлдаанд халимаг дайчид оролцож, дараагаар Халимагаас олон тооны сургагч ирж Монголын шинэ бүтээн байгуулалтад оролцсон, Халимагийн нутагт болсон ган гачигийн улмаас халимагууд өлсгөлөнд нэрвэгдэхэд Монголын ард түмэн, Засгийн газраас тусламж үзүүлсэн гээд харилцаа маш идэвхтэй өрнөж байсан юм. Монгол улсын Засгийн газраас халимагуудыг бүгдийг нь болон хэсэгчилсэн байдлаар Монгол улсад нүүлгэн ирүүлэх тогтоол гарах хэмжээний ихээхэн амжилт олж байсан харилцаа ЗОУ-ын бодлоготой үл нийцэх болсноор бүх талын харилцаа эрс суларч Монголд байсан халимаг сургагч нарын ахлагчийг нь баривчлан, сургагч нарыг цэргээс халан нутагт нь буцааснаар нэг үе дуусчээ.

1930-аад оны дунд үеэс Монголын дорнод хилийн байдал тогтворгүй болсноор ЗХУ-ын зүгээс цэргийн талаар Монголтой харилцах харилцаагаа идэвхжүүлж, 1936 онд хэн нэгэнд нь гуравдагч этгээд халдан довтолбол харилцан туслалцах албан ёсны гэрээг байгуулж [Монгол улсын түүх 2004: 216], Монголд ажиллах цэргийн мэргэжилтэн сургагч нарынхаа тоог нэмэгдүүлсэн байна. Ингэхдээ урьд Монголд ажиллаж байсан туршлагатай хүмүүс, монголчуудтай шууд харилцаж чаддаг халимагуудыг дахин ашиглах болов. Эдгээр халимагуудын нэг болох М. Т. Бимбаевыг 1936 онд дахин Монголд ирүүлсэн бөгөөд тэрээр Халх голын дайнд Монголын морин цэргийн 6-р морьт дивизийн штабын зөвлөхөөр оролцоод дайны дараа 1939 онд нутаг буцжээ [Бимбаев 1983: 62–71].

М. Т. Бимбаев нь энэ үед Монголд ажиллаж байхдаа Монголын нисэх хүчний үндэс суурь болсон Буянт-Ухаагийн нисэх онгоцны буудал болон говийн аймгуудын нисэх онгоцны буудал байгуулах судалгааг гаргасан ба тэрхүү судалгаан дээр нь үндэслэн нисэх онгоцны буудал байгуулсан гэх аман мэдээ байдаг.

1939 онд дайн дэгдэх нь нэгэнт тодорхой болсноор Монголын армийг бэхжүүлэх чадваржуулах үүднээс тэдэнтэй ажиллахад хэл ус, сэтгэлгээний талаар арай илүү дөхөм байж болох Зөвлөлтийн армид алба хааж байсан халимаг бага дарга нарыг Монгол руу томилон явуулах болов.

1939 онд Халх голын дайнд оролцсон ахмад дайчин С. Ш. Улакчинов энэ тухай «<...> 1939.1.2 нд Белорусын цэргийн тойргийн Самарын 7-р морьт дивизийн Астарханы 37-р морьт хороонд алба хааж байхад нь халимаг угсаатай бага дарга нарыг яаралтай цуглуулан өөр газар ажиллуулах тухай тушаал ирснээр С. Б. Бюрюев, Д. Я. Голдунов,

Б. С. Мухаев, М. С. Омадыков, Б. Л. Тюрбеев, М. Улюмджиев, Б. Шамаев, С. Ш. Улакчинов нарыг В. Ф. Романовд захируулан Москва руу явуулсан. Москвад очоод Ставрополь хотын Астарханы морьт хорооноос ирсэн Ц. А. Доржиев, С. Корсиков, Д. Молотков, Т. С. Онкаев, О. Уланов, И. Эрдниев, О. Амбушев, Андрушкаев нарын бага дарга нартай нийлэн 17 хүн 1939 оны 7 сард Монголд ирж, Монголын Хувьсгалт Цэргийн Армид мэргэжилтнээр ажиллах болсон» хэмээн дурссан байдаг [Улакчинов 1981: 56–80]. Тэрээр Монголын цэргийн анги болон Ерөнхий штаб, Армийн улс төрийн Ерөнхий хороонд 5 жил ажиллаад 1944 оны 5 сард нутаг буцсан. Зөвлөлтөд буцаж ирснийхээ дараа 1949 он хүртэл тэрээр Москвад сурч байсан монголын цэргийнхэнд багшилсан байна. Москва дахь түүний анхны сонсогч нар нь Дашпунцагийн Самбуудорж, Дашжавын Намсрай, Дарийн Чулуун, Дэжидийн Юндэн, Сономын Батсүх, Чимидийн Ишцэнд, Шагдарын Дугарсүрэн, Шаравын Мягмар, Шадавын Шархүү, Дугарсүрэн зэрэг 10 хүн байжээ.

С. Ш. Улакчинов оролцсон уг бүлэг 1939 оны 8 сарын 3нд Улаанбаатарт ирсэн ба 1939 оны 11 сараас М. С. Омандыковыг Говийн 34-р морьт хорооны 10-р морин дивизийн орчуулагчаар 1940 оны 5 сар хүртэл ажиллуулаад 34-р морин хорооны 8-р морин дивиз руу шилжүүлжээ. Түүнтэй хамт тус хороонд нь Халимагаас хамт ирсэн В. Ф. Романов, И. Л. Эрдниев нар ажиллаж байсан аж. Тэрээр 1940 онд амралтаараа Улаанбаатарт ирэхэд халимаг сургагч олон байсан тухай дурссан байдаг. 1944 оны 1 сараас түүнийг МАХА-ын 5-р морин дивизэд шилжүүлсэн. Тус хороонд түүнээс гадна халимаг Д. Я. Годунов, А. С. Молотов, Б. Тюрбеев нар орчуулагчаар ажиллаж байжээ [Омадыков 1981: 80–100]. Эдгээрээс гадна тухайн үед Монголд ажиллаж байсан Николай Лиджиев нь Халх голын дайны үед тагнуулын группэд болон Х. Чойбалсангийн хувийн хамгаалалтад ажиллаж байв. Түүнийг тагнуулын үүргээ маш сайн биелүүлсэн тул Монгол улсын «Хүндэт чекист» цол олгосон байна. Мөн Убуша Андриюшкеев Монгол улсын Дотоодыг хамгаалах газрын улсыг аюулаас хамгаалах төв газрын захиргаанд орчуулагч, нарийн бичгээр, Никита Миронович Бадиев Зөвлөлтийн элчин сайдын газар болон тагнуулд ажиллаж байв [Годаев 2004].

Эдгээр бага дарга нарыг Белорусын цэргийн тойргийн Самарын морин цэргийн дивизийн Астархан дахь морин цэргийн 7-р хороо болон Ставрополь хотод байсан Хойд Кавказын цэргийн тойргийн Халимагийн морин цэргийн хорооноос авчирсан байна. Эдгээр бага дарга нар Монголын дотоодыг хамгаалах газар, сөрөг тагнуулд цэргийн сургагч, орчуулагч зэрэг ажлуудыг хийж байсан.

*Зураг №1. 1939 онд Халхын голын дайны үед Халимагаас Монгол ардын
армид ажиллаж байсан халимаг сургагч нар*

Нэгдүгээр эгнээний баруун гар талаас:

1. Эрендженов Лиджи Санджиевич. 1918 онд төрсөн. Монголын «Алтан гадас» одонгоор шагнагдсан бөгөөд Сибирийн цөллөгний дараа Ики бухас тосгонд 1962–1969 онуудад «Красносельский» хамтралын даргаар ажилласан. 1973 онд нас барсан.
2. Нэр нь тодорхойгүй

Хоёр дугаар эгнээнд сууж байгаа, баруун гар талаас:

1. Буздаев Мутул
2. Маштаков Степан
3. Андрушкиев Убуш
4. Мулаев Эрдни Ностаевич. 1911 онд төрсөн. Сибирийн цөллөгний дараа Сарпинск районы Садовое нэгдэлд ажиллаж байсан. 1999 онд нас барсан.
5. Табунов Наран.

Гуравдугаар эгнээнд, баруун гар талаас:

1. Дорджиев Лиджи
2. Манджиев Бамба Менкцеренович. 1915 онд төрсөн. Сибирийн цөллөгний дараа «Красносельский» хамтралд ажиллаж байгаад 1964 онд нас барсан. Бага дөрвөдийн Унгн Тёрячи тосгоны хүн.

3. Нэр нь тодорхойгүй
4. Болданов Дорджи
5. Назаров Санджи Кондратьевич. 1912 онд төрсөн. Халимагийн хууль сахиулах газарт ажиллаж байгаад 1963 онд нас барсан.
6. Нэр нь тодорхойгүй
7. Босхомджиев Бова Довукаевич. 1913 онд төрсөн. Сибирийн цөллөгийн дараа Бага дөрвөдөд нягтлан бодогч хийж байгаад 1973 онд нас барсан. Бага дөрвөдийн Хончнур тосгоны хүн.
8. Яванов Эрдни

Дөрөвдүгээр эгнээнд зогсож байгаа, баруун гар талаас:

1. Балдуев Никита
2. К. Ностаев
3. Лиджиев Николай
4. Тюмидов Бадма-Церен
5. Телеев Анджа
6. Манджиев Гудун Манджиевич. 1913 онд төрсөн. 1944 онд Монголоос шууд Новосибирск-д цөллөгдөөд 1950 онд нас барсан. Бага дөрвөдийн Хончнур тосгоны хүн.
7. Анджаев Манджи Цебекович. 1910 онд төрсөн. 1983 онд нас барсан. Сарпин районы Шин тосгоны хүн. Халх голын дайн эхлэхээс өмнө Монголд ирсэн.
8. Джуринов Нимгир
9. Манджиев Мутул [Эрдниев 2012].

Халх голын дайнд оролцсон Халимаг сургагч нарын бүртгэлийг 1976 онд Халимагийн сайд нарын зөвлөлөөс гаргасан. Уг бүртгэлээр Халхын голын дайнд оролцсон ахмад дайчид Сарпин районд 9, Юстник районд 5, Лагань районд 11, Яшалта районд 2, Бага дөрвөдөд 1, Яшкуль районд 7, Приозерн районд 4, Целинн районд 8, Прютенск районд 1, Ики бурул районд 1 нийт 49 хүн амьд сэрүүн байжээ [НА РК. Р-309. Оп. 1].

Халхын гол дайнд оролцоод шагнагдсан халимаг дайчид олон бий.

Халимагийн Бага чонос тосгоны Мутул Калыков Халх голын дайнд БТ маркын танкны механик жолоочоор оролцон тулалдсан бөгөөд тэрээр дэлхийн II дайны түүхэнд 2 удаа танкаар танк мөргөн устгасан хүн юм. Энэхүү гавьяаг нь үнэлэн «Алтан гадас» одонгоос гадна армийн командлагчийн шийдвэрээр «Байлдааны гавьяаны улаан тугийн одон»-гоор шагнагджээ [Илишкин 1995]. Түүнээс гадна Манжиев Бова Бухаев [НА РК. Р-309. Оп. 1], Т. Б. Митруев, М. Манджиев, Л. С. Эрендженов, Бова Гаряев, Очир Петькиев нарыг «Улаан тугийн одон»-гоор, Мутул Калыков, Лиджи Санджиевич Эрендженов, Н. Ш. Леджиев, Манжи Анжаев, Т. Б. Митруев, М. Манжиев, Л. Эренженев нарыг «Алтан гадас

одон»-гоор шагнасан байна. Мөн М. С. Омадыковыг Халх голын ялалтын 30 жилийн ойн медалиар шагнажээ [Омадыков 1981: 80–100].

Халх голын дайнд оролцсон ахмад дайчид
Мутул Калыко

Мацак Бимбаев

Угсаа гарал нэгтэй монгол ах дүү нарынхаа тусгаар тогтнол, бүрэн бүтэн байдлын төлөө тулалдаж явсан эдгээр халимаг дайчдаас Оргакин аймгийн уугуул Бакаев Доди (Дорж) Хомонович (Халимович) 1939 оны 4-р сарын 26-ны өдрийн тулалдаанд амь үрэгдсэнийг цэргийн ёсоор оршуулсан байна.

Халимагууд энэхүү Монголын тусгаар тогтнолын төлөө тулалдсан халимаг дайчдаа дурсан эх орноо харийн түрэмгийлэгчдээс хамгаалан тэмцсэн Монголчуудын их тэмцэл — Халх голын дайны агуу ялалтаар бахархан Элиста хотын нэгэн гудамжийг «Халхын гол» хэмээн нэрлэсэн байдаг.

Дүгнэлт

Монголын армид сургагчаар ажиллаж байсан халимаг сургагч нарыг 1925 онд Монголоос гаргаснаар Монгол-Халимагийн харилцаа суларч цэргийн хэргээр цөөн тооны хүмүүс Монголд ажиллаж үлджээ. 1939 оны Халх голын дайнтай холбоотойгоор Улаан армид алба хааж байсан халимаг бага дарга нарыг Монгол руу томилон явуулах болсноор тодорхой тооны халимаг бага дарга, сургагч нар дахин Монголд ирж, Халх голын дайнд оролцон Монголын цэргийн анги болон улс төрийн газруудад

ажиллах болжээ. Халх голын дайны дараа дээрх халимаг сургагч бага дарга нарын ихэнхийг нутаг буцаасан бөгөөд цөөн тооны бага дарга нарыг тухайн үеийн нөхцөл байдал, арми улс төрийн үйл ажиллагааны боловсон хүчний шаардлага зэргийг харгалзан үзэж Монголд үлдээн ажиллуулсан байна. Гэвч 1943 онд халимагуудыг цөллөгт явуулахтай холбогдуулан Монгол нутгаас буцаан татаж цөллөгөнд илгээжээ. 1945 оны чөлөөлөх дайнд Монголд ажиллаж байсан цөөн тооны халимаг цэргийн мэргэжилтэн болон Улаан армийн эгнээнд цөллөгөнд яваагүй байсан халимаг цэргүүд оролцжээ.

Халимагуудыг Сибирьд цөлсөн асуудлаас болоод тухайн үед өрнөж байсан Монгол-Халимагийн харилцаа тасарчээ. Тухайн үед Монгол улс нь ЗХУ-аас олон талын тусламж дэмжлэг авч байсан учраас ЗХУ-ын бодлогыг сөрөн халимагуудыг өмгөөлөн хамгаалах, харилцах боломжгүй байлаа.

Ном зүй

- Бимбаев 1983 — *Бимбаев М. Т.* Судьба моя военная. (воспоминания о друзьях-однополчанах). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 156 с.
- Годаев 2004 — *Годаев П.* Помнит Монголия, помнит Россия... // Элистинская панорама. 2004. 6 мая.
- Илишкин 1995 — *Илишкин Н.* Незабвенные наши фронтовики. Элиста: Джангар, 1995. 160 с.
- Монгол улсын түүх 2004 — Монгол улсын түүх. V боть / ред. Ж. Болдбаатар, М. Санждорж, Б. Ширэндэв. Улан-Баатор, 2004.
- НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.
- Омадыков 1981 — *Омадыков М. С.* Шесть лет в Монгольской народной армии // В бою — в одном экипаже, в труде — в одной бригаде: сб. / сост. Ю. О. Оглаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981. С. 80–100.
- Улакчинов 1981 — *Улакчинов С. Ш.* Молодые крылья Монголии // В бою — в одном экипаже, в труде — в одной бригаде: сб. / сост. Ю. О. Оглаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981. С. 56–80.
- Эрдниев 2012 — *Эрдниев Е.* Верные интернациональному долгу // Степная новь — Шинрсн тег. 2012. 2 июня. С. 3.

Ц.-Д. Номинханов и И. К. Илишкин в Хакасии в годы депортации

*Владимир Алексеевич Кышпанакоев*¹

¹ Институт экономики и управления Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (д. 90, пр. Ленина, 655017 Абакан, Республика Хакасия)

кандидат экономических наук, доцент, доктор исторических наук, профессор

© КалмНЦ РАН, 2020

© Кышпанакоев В. А., 2020

Аннотация. Целью данной работы является освещение малоизвестных фактов из научной жизни калмыцких ученых — филологов и языковедов Ц.-Д. Номинханова и И. К. Илишкина, реконструкция некоторых, особенно значимых эпизодов их работы, проводимой в 1944–1949 гг., в период депортации калмыцкого народа, пришедшийся на последние годы Великой Отечественной войны и послевоенные, когда ученые находились в ссылке в Хакасской автономной области. В качестве источников для исследования служили материалы фондов Национального архива Республики Хакасия, рукописного фонда Хакасского НИИЯЛИ, периодической печати тех лет, в том числе газеты «Советская Хакасия», главного печатного органа области. Методом сплошной выборки в библиографической базе данных Национальной библиотеки им. Н. Г. Доможакова были просмотрены все номера газет за исследуемый период, выбраны статьи, опубликованные Ц.-Д. Номинхановым, а также материалы, содержащие критические высказывания в адрес ученых в период гонений на них. В работе использованы фото из личного архива местного краеведа Л. И. Белоусовой. Сделан акцент на вовлечение в научный оборот большого количества фотографий, приказов и выписок из личного дела Ц.-Д. Номинханова. Они публикуются впервые. Приведенные материалы, несмотря на их ограниченное количество, позволяют полнее осветить научную жизнь Ц.-Д. Номинханова и И. К. Илишкина в годы депортации, оценить научное наследие, которое они оставили после себя для последующих поколений учащихся и ученых Хакасии.

Ключевые слова: Ц.-Д. Номинханов, И. К. Илишкин, депортация, спецпереселенцы, Хакасия, Хакасский НИИЯЛИ, Абаканский пединститут, букварь, учебник, словари, фотографии

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00323 «Население Хакасии в XX–XXI вв.: историко-демографическое исследование». Материалы статьи

апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монговедение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: КышпанакOV. A. Ц.-Д. Номинханов и И. К. Илишкин в Хакасии в годы депортации // Desertum Magnum: studia historica. 2020. № 1. С. 104–126. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-104-126

UDC 325.254.6

DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-104-126

Ts.-D. Nominkhanov and I. K. Ilishkin in Khakassia during the years Deportation

*Vladimir A. Kyshpanakov*¹

¹ The Institute of Economics and Management of the N. F. Katanov Khakass State University (90, Lenin Avenue, Abakan 655017, Republic of Khakassia) Cand. Sc. (Economics), Assistant Professor, Dr. Sc. (History), Professor

© KalmSC, 2020

© Kyshpanakov V. A., 2020

Abstract. The goal of this study is to highlight the little known facts about scientific life of Kalmyk scholars — philologists Ts. D. Nominkhanov and I. K. Ilishkin, restoration of some significant episodes of their work conducted in 1944–1949 during the deportation of the Kalmyk people that fell on the last years of the Great Patriotic War and postwar period when the scholars were in exile in Khakass autonomous region. The study is based on the materials of the National Archive of the Republic of Khakassia funds, the manuscript fund of the Khakass Research Institute of Language, Literature and History, the periodical press of that time, specifically the newspaper “Sovetskaya Khakassia”, the main print newspaper in the region. In the bibliographic database of the N. G. Domozhakov National Library all the newspapers for the given time period were analyzed by the method of continuous sampling and the articles written by Ts. D. Nominkhanov and also materials containing critical remarks against the scholars in the times of their persecution were selected. Photos from the personal archive of the regional ethnographer L. I. Belousova were also used for the article. The author emphasized the introduction of a lot of photos, decrees and extracts from Ts. D. Nominkhanov’s personal file. They are published for the first time. The given materials despite their limited quantity enable us to provide more information on the scientific life of Ts. D. Nominkhanov and I. K. Ilishkin during deportation, evaluate the scientific heritage that they left for further generations of students and scholars of Khakassia.

Keywords: Ts. D. Nominkhanov, I. K. Ilishkin, deportation, special settlers, Khakassia, Khakass Research Institute of Language Literature and History, Abakan Pedagogical Institute, primer, coursebook, dictionaries, photos

Acknowledgement. The study was funded by RFBR under the scope of the research project № 20-09-00323 “Khakassia Heritage in XX–XXI centuries: historic and demographic research”. The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Kyshpanakov V. A. Ts.-D. Nominkhanov and I. K. Ilishkin in Khakassia during the years deportation. In: Desertum Magnum: studia historica. 2020. № 1. Pp. 104-126. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-104-126

Входе операции «Улусы», начавшейся 28 декабря 1943 г., с территории Калмыцкой АССР были насильственно выселены практически все представители калмыцкой национальности. Так сталинский режим возложил на всех калмыков, многие из которых мужественно воевали в рядах Красной Армии, сражаясь с немецко-фашистскими захватчиками, вину за сотрудничество незначительной части местных коллаборационистов. Депортации подверглись и другие народы СССР: чеченцы, ингуши, карачаевцы, немцы Поволжья, крымские татары и др. Маленькая Хакасская автономная область, территория которой накануне войны составляла всего 57 тысяч кв. километров [Колобков, Протопопов 1949: 67], на долгие годы стала не только второй родиной для многих спецпереселенцев, но и последним пристанищем.

Злодеяния сталинского режима, связанные с насильственными переселениями, депортациями целых народов не имеют аналогов в мировой истории ни по своей жестокости, ни по масштабам. Эти события всегда привлекали внимание историков, других исследователей, но доступ к необходимым источникам долгое время был запрещен, поэтому отечественные ученые опирались на работы западных исследователей (Р. Конквест и др.) и собирали буквально по крупицам косвенные данные о «наказанных» народах в СССР. Лишь в условиях перестройки открылись двери спецхранов для общественности и ученых-историков. К настоящему времени в отечественной историографии накопилось большое количество публикаций, освещающих вопросы депортации народов в годы Великой Отечественной войны. Что же касается истории депортации калмыцкого народа, то прежде всего следует выделить работы калмыцких историков В. Н. Авлиева, К. Н. Максимова, В. Б. Убушаева, К. В. Убушаева и др. [Авлиев, Убушаев 2014; Максимов 2004; Максимов 2009; Убушаев 1991; Убушаев 2003].

В хакасской историографии тема депортации народов долгое время не привлекала внимания исследователей. В годы перестройки все усилия местных историков были брошены на создание коллективного труда — «Очерков истории Хакасской областной партийной организации КПСС», ставшей своего рода продолжением «Очерков истории Хакасии советского периода. 1917–1961 гг.» [Очерки истории Хакасской... 1987; Очерки истории Хакасии... 1961]. Тема этнических депортаций в Хакасию получила развитие в конце 1980 – начале 1990-х гг., прежде всего, усилиями Хакасского республиканского общества «Мемориал» и его руководителя Н. С. Абдина, под руководством которого были изданы три тома «Книги Памяти жертв политических репрессий». В третьем томе этого издания приводятся данные о тех депортированных народах, которые были сосланы в Хакасию, в том числе и о калмыках, опубликованы воспоминания некоторых спецпереселенцев о трагических событиях тех лет [Книга Памяти жертв... 2006]. Письма и воспоминания многих бывших спецпереселенцев из числа депортированных советских немцев, финнов также приводятся в фондах национального архива Республики Хакасия. Но ни в архиве, ни в Книге памяти, к сожалению, нет, ни одного воспоминания о пережитом кого-либо из калмыцких спецпереселенцев. В свое время Н. С. Абдин обращался к С. С. Зунгруеву, который до депортации в 1943 г. был заместителем наркома земледелия Калмыцкой АССР и в 1944–1957 гг., находясь на спецпоселении в Хакасии, трудился на разных должностях в сельском хозяйстве, с письмом о том, чтобы получить информацию о калмыках, которые отбывали ссылку в этих местах, о том, кто и где похоронен, их воспоминания и т. д. [НА РХ. Ф. 911. Оп. 1. Д. 25. Л. 4]. Однако в силу ряда обстоятельств получить эти сведения так и не удалось. Впервые тема депортированных народов в Хакасию в региональной научной литературе была поднята В. А. Кышпанаковым [Кышпанаков 1995]. Позднее тему политических репрессий и депортации народов стали разрабатывать М. Г. Степанов [Степанов 2005; Степанов 2009] и другие исследователи [Тугужекова, Степанов, Карлов 2018]. В работах исследователей находили отражение различные аспекты жизни спецпереселенцев в Хакасии [Кышпанаков 2017; Кышпанаков 2019; Кышпанаков, Исупов 2020]. В последние годы внимание исследователей обратилось в сторону персонализации калмыцких спецпереселенцев. Так, в данной статье речь идет о представителях интеллигенции, которые внесли свой вклад в становление науки и образования в Хакасии в годы Великой Отечественной войны — Церен-Доржи Номинханове (1898–1967) и Иване Кузнецовиче Илишкине (1908–1983). Жизнь и научная деятельность Ц.-Д. Номинханова больше отражена в работах хакасских историков [Ултургашев 1970: 7; Ултургашев 1996: 30, 39; Артамонова 2000: 218; Тугужекова 2008; Кызласов 2018: 85–87; Ученые

Хакасского... 2019; и др.]. Гораздо менее изучена жизнь и деятельность И. К. Илишкина. О нем имеется лишь несколько упоминаний в работе С. П. Ултургашева «Был всегда нацелен на будущее», написанной к 50-летию Абаканского государственного пединститута [Ултургашев: 1996: 29, 39]. Есть также упоминание о нем в период его проживания в Хакасии в воспоминаниях Э. Х. Мутляева [Шантаев 2010: 99].

При этом все упомянутые выше работы хакасских историков, языковедов основываются лишь на одном источнике (за исключением косвенных, архивных) — личном деле Ц.-Д. Номинханова, хранящегося в рукописном фонде Хакасского научно-исследовательского института языка, истории и литературы (далее — Хакасского НИИЯЛИ), где он работал с 1944 г. по 1949 г., и, по сути, представляют собой изложение его автобиографии, написанной им собственноручно. Архивных же источников об И. К. Илишкине, его работе в Абаканском пединституте не сохранилось. В настоящей статье впервые приводятся некоторые фотокопии личного дела Ц.-Д. Номинханова и комментарии к ним. Они позволяют прочувствовать дух того сурового времени, в котором жили, работали, создали многие тысячи в массе своей безвестных и безвинно наказанных людей — представителей депортированных народов. Также вводятся в научный оборот некоторые, доселе не упоминаемые материалы из местной периодической печати, характеризующие работу Хакасского НИИЯЛИ в те годы.

ЦЕРЕН-ДОРЖИ НОМИНХАНОВ

Как указывал в своей автобиографии Церен-Доржи Номинханов, в Хакасию он прибыл в январе 1944 г. По прибытии, пройдя медицинский и сортировочный контроль, он как специалист-языковед, владевший многими восточными языками, а также немецким и английским, устроился на работу в неполную школу в совхозе «Ужур» в Ужурском районе Красноярского края, где и проработал до июля 1944 г. [РФ ХакНИИЯЛИ. Личное дело Ц.-Д. Номинханова. Л. 18]. Незадолго до депортации (в апреле 1943 г.) Ц.-Д. Номинханов защитил кандидатскую диссертацию в Институте востоковедения АН СССР на тему: «Монгольские административно-политические и военные термины в XIII–XV вв., сохранившиеся в узбекском языке». Очевидно, так и пришлось бы работать Ц.-Д. Номинханову в совхозной школе, имея очень скромную зарплату учителя немецкого языка, все годы депортации, если бы не одно событие, во многом изменившее судьбу калмыцкого спецпереселенца.

В суровые годы Великой Отечественной войны в Хакасской автономной области, как и в других национальных районах СССР, был образован научный центр — Хакасский НИИ языка, литературы и истории. В постановлении Совнаркома РСФСО за № 1786-р от 31 июля 1944 г.

за подписью А. Н. Косыгина говорилось: «Разрешить Хакасскому облисполкому организовать с 1 августа 1944 года Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории и израсходовать на его содержание в 1944 году 50 тыс. рублей (без зарплаты) из средств бюджета области» [Записки...1954: 160–161]. Узнав об этом, Ц.-Д. Номинханов обращается в Хакасский обком ВКП (б) с просьбой о назначении его ученым секретарем вновь образованного института. Несмотря на то, что он был спецпереселенцем и, соответственно, ограничен в гражданских в правах, его ходатайство было удовлетворено — ведь кадров необходимой квалификации в годы войны в тылу катастрофически не хватало. Следует отметить, что параллельно в Абакане был учрежден Абаканский государственный педагогический институт, в котором ситуация с кадрами сложилась аналогичная. Ц.-Д. Номинханов был принят преподавателем и в этот институт.

В первые годы работы Хакасского НИИЯЛИ его коллектив составляли всего 14 человек сотрудников и истопник с уборщицей, учреждению был отведен небольшой деревянный дом, сохранившийся до сих пор. Многие преподаватели были приезжими. Они-то и заложили тот фундамент, который позволил Хакасскому НИИЯЛИ на долгие годы стать кузницей научных кадров в Хакасии и определять пути развития нового направления в науке — хакасоведения. В своей книге об истории Абаканского пединститута, его ректор (1977–1994 гг.) С. П. Ултургашев писал о самых первых годах работы Хакасского НИИЯЛИ: «Недостаток квалифицированных кадров возмещался энтузиазмом первого директора, ныне кандидата филологических наук (к моменту написания статьи, то есть на 1970 г. — В. К.), доцента Абаканского пединститута, члена Союза советских писателей Доможакова Н. Г., первых научных сотрудников Исхакова Ф. Г., Шептаева Л. Г., Хайтуна Д. Е., **Номинханова Ц. Д.** (выделено мной. — В. К.) и других» [Ултургашев 1970: 7].

Приказом директора института Н. Г. Доможакова от 1 октября 1994 г. Ц.-Д. Номинханов был назначен на должность первого ученого секретаря

Церен-Доржи Номинханов.
Фото из личного дела.
Не позднее 1944 г.

75

Форма № 9

Личный листок по учету кадров

Фамилия Номинханов
 Имя Цеден-Дорж отчество _____
 Пол Муж 2. Год и м-ц рождения 1898, 8/ix 3. Место рождения (по существующ. администр. делению) Рословская уездная, Самарский район, д. Иление Кинжубаев, Подольск.
 Национальность Калмык 5. Соц. происхождение: _____
 бывш. сословие (звание) родителей _____
 основное занятие родителей до Октябрьской революции _____
 _____, после Октябрьской революции _____
 _____ 6. Основная профессия (занятие) _____
 _____ 7. Основное место вступления в партию _____
 _____ (стаж по этой профессии) _____
 8. Партийное положение _____
 _____ 9. Какой организацией принят в члены ВКП(б) 2^й Калининский каб. комсом.
 _____ 10. Паргстаж 1921 № партбилета 1377952 или № к/карт. _____

 11. Стаж пребывания в ВККСМ с _____ по _____ 12. Состоял ли в других партиях (каких, где, с какого и по какое время) _____
 _____ 13. Состоял ли ранее в ВКП(б) Нет с какого и по какое время _____ да, нет _____
 _____ и причины исключения или выбытия _____
 _____ 14. Были ли колебания в проведении линии партии и участвовал ли в оппозициях (каких, когда,) _____

 15. Членом какого профсоюза состоит и с какого года Всесоюз. союза и партии писем. и телеграф.
 16. Образование Высшее

№	Полное название учебного заведения (вуза, туза, техникума, комвуза, школы и проч.) и его местонахождение	Название факультета или отделения	Дата (м-ц, год)			Если не окончил, то с какого курса ушел	Какую (узкую) специальность получил в результате окончания учебного заведения
			Вступления	Окончания или ухода	Окончил или нет		
Общее и специальное	<u>Инстит. Воспитан. Ин-т Аспирантура Партия. школы. Ин-т Фронт.</u>	<u>Математика</u>	<u>1923</u>	<u>1930</u>	<u>оконч.</u>	<u>нет</u>	<u>инженер-механик</u>
	<u>Аспирантура Математика</u>	<u>Математика</u>	<u>1931</u>	<u>1932</u>	<u>нет</u>	<u>нет</u>	<u>инженер.</u>
	<u>Аспирантура Математика</u>	<u>Математика</u>	<u>1932</u>	<u>1935</u>	<u>оконч.</u>	<u>нет</u>	<u>инженер-механик</u>
	<u>нет</u>						
Партийно-политическое							

17. Ученая степень (звание) доктор, кандидат филологич. наук 18. Имеет ли научные труды и изобретения да (перечень научных трудов и изобретений с указанием, по каким вопросам и где опубликованы, необходимо дать в приложении).
 _____ да, нет _____

Абакан тип. завод № 1

Страница из личного дела Ц.-Д. Номинханова

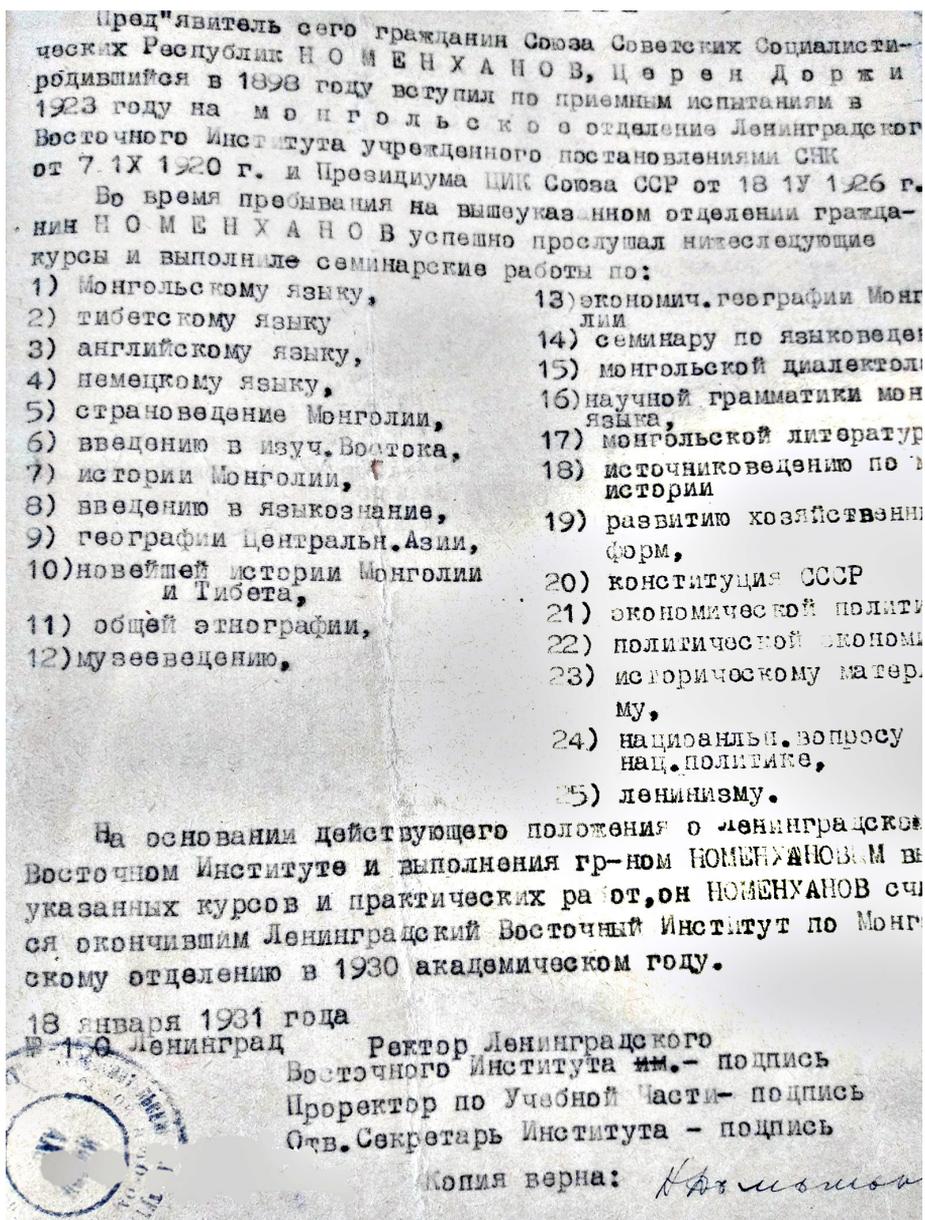
Автобиография Номинханова издана в 1944 г. в семье Сергея Камыкова. Она написана по памяти у книгозащитника Попова на приютах р. Маньга в Саянском округе Рудневской (б. области Монго-Даринской). В мае 1944 г. работал табунщиком, затем конюхом револьверных у книгозащитника Карамыкова Ив. Яковл. на территории вынужденного совхоза "Гигант" в Ю.-О. области.

81. отец Терекочеван в уез. Панди, Градеевский Саянского округа Джиргой области. На юбилейной одае продолжал служить по найму, оставив уез. Панди, у конюховодки Мелкина Зрды, Алек. уезд в 1906 г., а мать Зрды в 1917 г. В 1909 г. уезд в 1912 г. с 1910 г. в свободное время от уезда, с 1907 г. года летом, а зимой и зимой с 1918 г. в ка. уезде по найму у богатых камыков, с некоторыми уезда в уез. Юликовской уезд, на народном уезде.

82. все территории Саянского округа, в том числе уезд Панди, была дана в войскам белых и особенно была проведена мобилизация военнопленных граждан в 1897 и 1898 г. По этому призыву как мобилизованным в сибирскую Великококшарскую, ныне Иркутскую, где в промеж медосмотра и был направлен к военной службе. На военной службе был в 3^{ей} Камыковской полк, в его несоблюдение сначала переписанном Номинханов Камыков, а потом хорунжий командир полка.

83. в 1907 г. во время отсутствия полка на Кавказ в уезде Красной Армии. Служил в 2ой Камыковской полка в качестве писаря полка, затем адъютанта полка в 1921 г. группа командиров - камыков 2ой Камыковской вызвана в г. Москву в распоряжение Реваксовской и в составе двух командиров был и в. Реваксовской.

Первая страница автобиографии Ц.-Д. Номинханова, написанной им собственноручно. Дата составления – не позднее 1944 г.

Копия справки об окончании Ц.-Д. Номинхановым Ленинградского Восточного института в 1930 г.

Выписка
из протокола № 5 от 16 апреля 1943 г
заседания Ученого Совета Института Востоковедения
Академии Наук СССР.

Или

Гостановили

диссертации на сое-
зельной степени канди-
датов филологических наук
у: Монгольские адми-
нистративно-политические и
термины в XIII-XV вв.
сохранившиеся в "Узбекском
языке"

Номинханова Ц.Д.

Присудить тов. Номинханову
Церем-Доржиеву ученую
степень кандидата фило-
логических наук на основании
защиты диссертации на
"Монгольские административно-
политические и термины
XIII-XV вв.
сохранившиеся в Узбекском
языке"

и.п. Председатель Ученого Совета
института востоковедения, академик;

В.В. Струве.

Ученый секретарь Совета

Д.И. Сухомов.

Копия верна: *И. Илишкин*

Копия выписки из протокола заседания ученого совета Института востоковедения АН СССР о присуждении Ц.-Д. Номинханову ученой степени кандидата филологических наук в 1943 г.

13

2257
16/15

В Обком обком (б) Хакассии
Зав. отд. Культуры и пропаганды

От Колмижанова Церен-Доржи,
доцент, кандидата филологических
Наук, жена обком (б) с 1921г.

Заявление

Прошу принять меня на должность
ученого секретаря Научно-исследовательского
института Хакассии. Документы оформлены
приезде в г. Абакан.

На мои иждивенки находятся: Анастасия
Колмижанова, 1900г., жена; Демислав, 1926г., сын;
Ирина, 1937г., дочь. Необходимо Ваше содей-
ствие перед Утурекским РО НКВД через
НКВД в г. Абакане о выдаче мне пропуска
на проезд с семьей в г. Абакан.

Надеюсь, что квартирой и топливом
будете обеспокоены.

9 сентября 1944г. *Ц. Колмижанов*
Мой адрес: Красноярский край, Утурекский р-н,
совхоз "Утур", 10 км леве.

Заявление в Хакасский обком ВКП (б) с просьбой об устройстве на должность
ученого секретаря Хакасского научно-исследовательского института

Здание Хакасского научно-исследовательского института

В этом здании с 1944 г. по 1969 г. находился Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

Хакасская топонимика

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории имеет в плане своей работы тему: «Языковая принадлежность древнего населения Хакасии по данным топонимике».

Эта тема весьма актуальна в разработке истории и этногенеза хакасского народа.

Топонимика может сохранить до наших дней данные языка от тех народов, которые жили на территории Хакасии в далеком прошлом. Трудно представить, что народы, которые жили здесь до прихода хакасов, могли исчезнуть бесследно или укорчевать куда-нибудь, не передав что-либо из своей материальной и духовной культуры новым насельникам—хакасам.

Со времен глубокой древности люди, проживая в той или иной местности, давали названия окружающему ландшафту—горам, рекам, озерам, долинам, отдельным скалам, а позже также и населенным пунктам, где они жили.

Названия могли даваться на основании каких-либо признаков, присущих этим объектам. Эти признаки должны были выделит данный объект от окружающих ему. При смене народов и человеческих поколений названия могли меняться или оставаться без изменений, являясь как бы, представителями языков, может быть, давно исчезнувших народов.

Выражение, что названия оставались «без изменения», крайне условное. Первоначальные названия мест с течением времени могли впитывать в себя все новые и новые элементы языков, пришедших сюда или прошедших здесь народов, подобно тому, как на территории Хакасии слова—«речка» на русском и «чуга» на хакасском встречаются еще в том же значении «оки» на тунгусском и «гол» на монгольском.

До сих пор точно мы не знаем, какие же народности жили на территории Хакасии. Археологи говорят, что здесь с 2.000 лет до нашей эры жила динилин, кото-

рые потом сменялись с монголо-тюрками и образовали хакасскую народность.

Есть упоминание о том, что здесь жили самоедские племена: моторчи и якуты. Назвод бывали и даде, может быть, жили монголы. Мы встречаем на территории Хакасии географические названия чисто монгольского происхождения. Например, ключ (родник, источник)—«осути гол»—речка с водой или ключ под названием «водная река», ключ и населенный пункт «Кутень булак» (по-монгольски: «Кутень», кутён — холод, стужа, холодный источник и другие названия. Наконец, жили здесь и китаицы. Об этих народностях говорят писаная история и данные археологии.

О тех народах, которые жили в доисторические времена, нам не известно. О них и о последующих народностях земля нам дать материал топонимика.

В топонимике Хакасии особо выделяются некоторые географические названия:

1-я группа—Азас, Узас, Айзас, Тайзас, Кымзас, Кайзас, Солон-

зас и т. д.—речки, Тараас—гора, Базаас—узус и т. д. Все они оканчиваются на «зас», их много.

2-я группа: Бей, Тея, Сей, Оя—все реки. Они оканчиваются на «я».

Не исключена возможность, что окончание «зас» является элементом типа «чуд», «сон», «гол» и т. д. не известного нам языка. Географические названия с окончанием на «я», возможно, тунгусского происхождения, так как река Подкаменная Тунгуска в Эвенкии имеет приток—реку Тея, и там же—населенный пункт Тея.

Хакасский научно-исследовательский институт ставит себе целью собрать побольше географических названий Хакасии и на основании собранного материала установить их языковую принадлежность.

Мы просим всех директоров школ Хакасии присылать по адресу Института географические названия окружающих их местностей.

Ц. Номинханов,
ученый секретарь Института,
доцент, кандидат филологических наук.

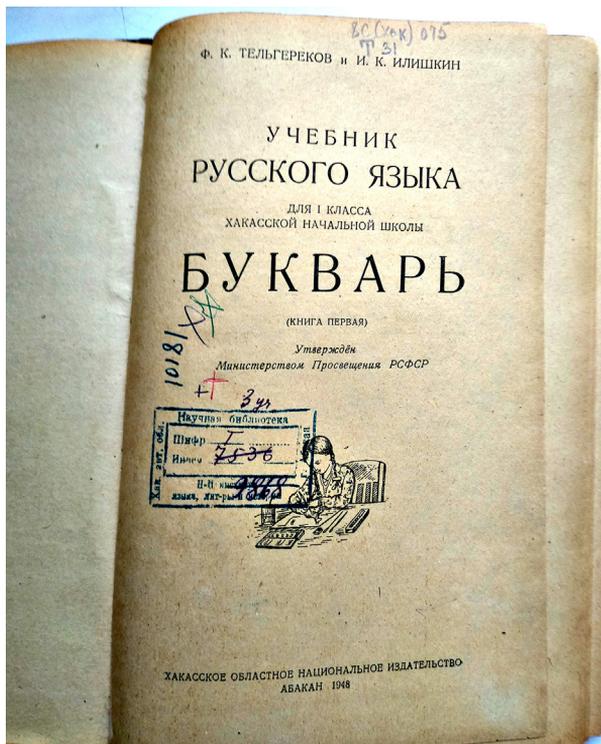
Статья Ц.-Д. Номинханова «Хакасская топонимика», опубликованная в газете «Советская Хакасия» (1945 г., № 213)

Хакасского НИИЯЛИ и одновременно на должность старшего научного сотрудника сектора языка и письменности, которым заведовал известный лингвист-тюрколог Ф. Г. Исхаков (1901–1959). Были определены основные направления научных исследований, среди которых важное место занимали диалекты хакасского языка и хакасская топонимика. Церен-Доржи с головой окунулся в научную работу.

С 24 марта по 1 апреля 1945 г. в пединституте проходила первая итоговая научная конференция преподавателей. Среди других участников выступил и доцент Ц.-Д. Номинханов с докладом о хакасской топонимике как источнике по истории хакасского народа [Ултургашев 1996: 30]. Летом того же года он отправился в первую диалектологическую экспедицию по изучению диалектов хакасского языка, а также языка русских старожилов с. Иудино в Хакасии. Экспедицию возглавлял заведующий сектором языка и письменности Ф. Г. Исхаков. Экспедиция состояла из 20 человек и работала в течение 15 дней в 20 населенных пунктах Аскизского, Таштыпского, Ширинского, Саралинского, Шарыповского, Усть-Абаканского и Алтайского районов области, то есть практически по всей Хакасии. Члены экспедиции собрали 74 сказки и легенды, 228 пословиц, 564 загадки, произвели запись живой речи носителей диалектов хакасского языка, собрали словник на 938 слов [Записки 1951: 144]. В октябре 1945 г. в областной газете «Советская Хакассия» (до 1954 г. слово «Хакассия» писалось с двумя «с». — В. К.) были опубликованы две статьи Ц.-Д. Номинханова, в которых он подводил итоги работы экспедиции и говорил о важности изучения хакасской топонимики для разработки истории и этногенезиса хакасского народа. О том, как Ц.-Д. Номинханов работал с информантами и инструктировал участников экспедиции, свидетельствуют его отчеты, хранящиеся в рукописном фонде Хакасского НИИЯЛИ. Так, 15–16 августа 1945 г. он лично вместе с информантом А. Казанакowym из с. Половинки пешком отправился в с. Чебаки (бывший райцентр бывшего Чебаковского, а ныне Ширинского района. — В. К.). Там он встретился с другими информантами, составил им и А. Казанакovu план работы, а 17 августа он уже был в улусе (аале) Трошкин, где встретился с другим информантом — Е. Коковой, отметил ее плодотворную работу по записям устного народного творчества и наметил ей план дальнейшей работы [Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Ф. 243. С. 1; Тугужекова 2008: 127]. Между Половинки и Чебаки пролегал не один десяток километров. Про таких исследователей говорят: «Он пешком всю Хакасию (Туву, Алтай и др.) исходил». Права В. Н. Тугужекова, говоря о том, что современным молодым исследователям надо брать пример с Ц.-Д. Номинханова и других ученых того времени в их самоотверженном труде и отношении к своему делу [Тугужекова 2008: 127]. Надо отметить, что в составе экспедиции в количестве 20 человек были учителя

Словари и учебник
русского языка,
изданные в Хакасии
в 1948 г. при участии
Ц.-Д. Номинханова и
И. К. Илишкина

ля районных национальных школ, методисты, студенты хакасского отделения пединститута, т. е. вполне подготовленные и квалифицированные люди. Информанта А. Т. Казанакова, с которым Ц.-Д. Номинханов прошел немало дорог по Хакасии, известный лингвист-тюрколог СССР профессор Н. А. Баскаков называл «одним из крупнейших специалистов по хакасскому языку и одним из создателей хакасской письменности» [Баскаков 1951: 101]. Еще в 1939 г. А. Казанаковым был издан «Букварь» для начальной школы, а в 1946 г. — уже второе издание этого учебника. После открытия Хакасского НИИЯЛИ А. Т. Казанаков работал в секторе языка, им была проделана большая работа по сбору диалектного материала [Ученые Хакасского... 2019: 42]. Думается, что содружество и общение с этим ученым не могло пройти бесследно для такого пытливого исследователя, как Ц.-Д. Номинханов. В результате кропотливой работы калмыцкого ученого, начатой в описываемый период, в 1948 г. увидели свет подготовленный лично Ц.-Д. Номинхановым «Русско-хакасский словарь» и в соавторстве с Д. Ф. Коковой два двуязычных словаря для хакасских начальных школ (см.: [Баскаков, Инкижекова-Грекул 1953: 4]).

Последующие 1946–1948 гг. были не менее плодотворными для Ц.-Д. Номинханова. Как свидетельствуют приказы по институту, ученому от имени директора института выносились благодарности за «честный и добросовестный труд», повышалась зарплата, как и другим научным работникам (по постановлению правительства). 1 мая 1946 г. Ц.-Д. Номинханов был назначен заведующим сектором языка Хакасского НИИЯЛИ [РФ ХакНИИЯЛИ. Личное дело Ц.-Д. Номинханова. Л. 13]. Об этом свидетельствует также выписка из приказа № 87 по Хакасскому НИИЯЛИ:

На основании постановления СНК СССР от 5.03.1946 г. за № 514 с 1.04.1946 г. повысить зарплату научным сотрудникам: Номинханову Ц. Д., кандидату филологических наук, зав. сектором языка — 2 400 руб. в месяц с 1.05.1946 г.

Директор института Н. Доможаков

Выписка верна: Л. Алябьева

[РФ ХакНИИЯЛИ. Личное дело Ц.-Д. Номинханова. Л. 18]

Ц.-Д. Номинханов продолжал работать над подготовкой к изданию «Русско-хакасского словаря», о котором говорилось выше, и большого «Хакасско-русского словаря» — совместно с Д. Ф. Коковой, впоследствии Патачаковой, заведующей сектором языка и ученым секретарем Хакасского НИИЯЛИ в 1970-х гг. Именно о них, как об «известных лингвистах-специалистах» писал в своей статье Н. А. Баскаков, отмечая их работу [Баскаков 1951: 100].

В 1947 г., в связи с празднованием 30-летия Октябрьской революции, директор института Н. Г. Доможаков издал приказ № 168 по Хакасскому НИИЯЛИ от 6 ноября 1947 г., в котором говорилось [РФ ХакНИИЯЛИ. Личное дело Ц.-Д. Номинханова. Л. 6]:

*В день 30-й годовщины Октября отмечаю честный труд всего коллектива института. Особо отмечаю **честный и добросовестный труд** (выделено мною. — В. К.) сотрудников: Номинханова Ц. Д. (далее следует перечень фамилий. — В. К.) и объявляю им благодарность.*

Директор института Н.Г. Доможаков

Выписка верна:

Ученый секретарь Алябьева

[РФ ХакНИИЯЛИ. Личное дело Ц.-Д. Номинханова. Л. 6]

В следующем, 1948 г., директор Н. Г. Доможаков в очередном приказе, к 31-й годовщине Октябрьской революции, поздравил весь коллектив института и вынес «персональную благодарность заведующему сектором языка Ц. Д. Номинханову» [РФ ХакНИИЯЛИ. Личное дело Ц.-Д. Номинханова. Л. 15].

Однако в 1949 г. ситуация кардинально изменилась. В СССР началась борьба с «космополитизмом» и «марризмом». Идеологические догмы пронизывали всю научную жизнь страны. Начались гонения на ученых. Это не могло не отразиться на Ц.-Д. Номинханове как на спецпереселенце, представителе «изгнанного» народа. Еще в январе 1947 г., выступая на научной конференции с докладом: «Н. Ф. Катанов — первый хакасский ученый», Н. Г. Доможаков, говоря о заслугах Н. Ф. Катанова, отметил также, что «научное наследие Катанова нуждается в критической оценке, так как многие его взгляды **антинаучны и даже вредны** (выделено мною. — В. К.)» [Записки 1951: 139]. Следует заметить, что сегодня Н. Ф. Катанов является символом и знаменем хакасоведения, его имя носит Хакасский государственный университет, национальная гимназия, а в далекие уже 1990-е гг. «шоковой терапии», когда экономика России трещала по швам и регионы задыхались от нехватки денег, в Хакасии были выпущены денежные расчетные средства с изображением Н. Ф. Катанова, прозванные в народе «катановками».

В конце того же 1947 г. «первым звоночком» прозвучала критика и в адрес Ц.-Д. Номинханова. В газете «Советская Хакассия» от 27 декабря 1947 г. № 255 в заметке: «Сессия Хакасского научно-исследовательского института» (посвященная 30-летию Великой Октябрьской революции) за авторством некоего В. Желтова критиковался доклад заведующего сектором языка Ц.-Д. Номинханова на тему «Советская власть дала хакасам письменность». Далее в газете предоставлялось слово заместителю заведующего отделом пропаганды и агитации Хакасского обкома

ВКП (б) В. Анюшину (впоследствии заведующему Хакасским областным отделом народного образования. — *В. К.*), который раскритиковал доклад П. И. Каралькина (заведующего сектором истории Хакасского НИИЯЛИ — *В. К.*) «Хозяйственные и культурные достижения Хакасии за годы Советской власти». Несмотря на то, что доклады, судя по заголовкам, были выдержаны вполне в духе времени (да и как же могло быть иначе?), они были раскритикованы главным идеологическим отделом обкома партии. Это имело далеко идущие последствия не только для Ц.-Д. Номинханова, но и некоторых других сотрудников НИИЯЛИ и также преподавателей Абаканского пединститута.

Несмотря на то, что 1948 год, казалось, для Ц.-Д. Номинханова закончился вполне успешно (очередная «персональная» благодарность), уже 1 марта 1949 г. появился приказ по Хакасскому НИИЯЛИ за № 14, в котором ученый обвинялся в том, что «на протяжении работы в институте с октября 1944 года, как кандидат наук, имея солидный стаж научной работы[,] в области исследования вопросов хакасского языка **ничего не сделал** (выделено мною. — *В. К.*). В имеющихся его работах (рукописях) имеют место серьезные ошибки» [РФ ХакНИИЯЛИ. Личное дело Ц.-Д. Номинханова. Л. 1]. На основании этих совершенно надуманных обвинений Ц.-Д. Номинханов был уволен из института. Так завершилась его научная карьера в Хакасии.

Надо отметить то, что ни в одной из публикаций, посвященной научной деятельности Ц.-Д. Номинханова в Хакасии [Артамонова 2000; Тугужекова 2008; Кызласов 2018; и др.] авторы не обратили внимания на три важные детали. Первая заключалась в том, что в первом параграфе упомянутого выше приказа № 14 говорится об **отстранении** (выделено мною. — *В. К.*) Ц.-Д. Номинханова от работы в институте. С юридической точки зрения даже трудовому законодательству указанного времени это не означало увольнения. Тем не менее, в третьем параграфе того же приказа дается распоряжение бухгалтеру «произвести полный расчет с т. Номинхановым по существующему законоположению». То есть налицо юридический казус, однако во времена очередной «охоты на ведьм» в СССР, когда гражданско-правовая защита фактически отсутствовала, это уже не обсуждалось. Следует учитывать также, что статус спецпереселенца Ц.-Д. Номинханова, как и всех калмыков, не был снят и, всего несколько месяцев назад, 24 ноября 1948 г., было принято печально известное постановление Правительства СССР, обрекавшее депортированные народы на пожизненную ссылку.

Второе, на что не обратили внимания авторы публикаций, это то, что приказ был подписан не Н. Г. Доможаквым, директором Хакасского НИИЯЛИ, основателем хакасской литературы, автором первого хакасского романа «В далеком аале», а его однофамильцем В. И. До-

можаковым (возможно, родственником, ведь хакасский народ состоит из родов — сеоков, объединившихся между собой после Октябрьской революции. — *В. К.*), в то время исполнявшим обязанности директора института и ученого секретаря. Причины того, почему Николай Георгиевич «самоустранился» от подписания такого приказа и возложил тяжелый в моральном плане «груз ответственности» на В. И. Доможакова, неизвестны. Наверное, потому, что сам хорошо понимал необоснованность и идеологическую подоплеку такого приказа.

И, наконец, следующее. В приказе говорится о том, что Ц.-Д. Номинханов за годы работы в институте, «ничего не сделал». В действительности, если прочитать имеющийся в деле список его научных работ, то последняя работа под номером 31 — это «Русско-хакасские школьные словари» в рукописном варианте (как и предыдущие работы) в объеме 213 страниц, датирована рукопись 1946 г. [РФ ХакНИИЯЛИ. Личное дело Ц.-Д. Номинханова. Л. 28]. Всего же только за 1945–1946 гг. Ц.-Д. Номинханов подготовил три работы: «Хакасская топонимика как источник истории хакасского народа» (45 страниц); «К вопросу о развитии долгих гласных в хакасском языке» (35 страниц) и вышеупомянутые словари. Последующие 1947–1948 гг. ушли, скорее всего, на подготовку к изданию словарей, которые и вышли в свет в Хакасском издательстве в 1948 году. Поэтому надуманность такого «обвинения» представляется вполне очевидной.

Как было принято в те годы, все хорошее, что сделал тот или иной человек, быстро забывалось, вымарывалось, имя его не упоминалось. Не стал исключением и Ц.-Д. Номинханов. В 1951 г. вышли в свет «Записки» Хакасского НИИЯЛИ (позднее они стали называться «Учеными записками» и публиковались разными сериями. Первые «Записки» увидели свет в 1948 г., однако они были полностью посвящены археологической теме. — *В. К.*). Во втором выпуске «Записок» ответственный секретарь редколлегии Л. Алябьева, визирующая подпись которой стоит на всех приказах по Хакасскому НИИЯЛИ первых лет его деятельности, в разделе «Хроника» дает отчет о работе института со дня его организации [Алябьева 1951]. В отчете хронологически точно освещаются все научные мероприятия института за прошедшие годы: конференции, экспедиции, указываются участники этих мероприятий, однако **нигде и ни разу** (выделено мною. — *В. К.*) не упоминается имя первого ученого секретаря Хакасского НИИЯЛИ Ц.-Д. Номинханова, хотя, как известно, он в них участвовал. Даже в разделе «Издания» Л. А. Алябьева, перечисляя опубликованные труды института за минувшие семь лет, не приводит работы Ц.-Д. Номинханова. В этом списке указывается «Хакасско-русский словарь» для начальной школы, изданный в 1948 г. Ц.-Д. Номинхановым в соавторстве с Д. Ф. Коковой, одним из ведущих специали-

стов по хакасскому языку. Автором издания названа одна лишь Дарья Федоровна Кокова, а фамилия Ц.-Д. Номинханова не упомянута. Лишь много лет спустя (в 1996 г.) С. П. Ултургашев правильно сформулировал причину увольнения Ц.-Д. Номинханова — «по идейным мотивам» [Ултургашев 1996: 39]. Таковы были реалии того времени. И только много лет спустя имя Церен-Доржи Номинханова было возвращено из неза заслуженного забвения и вписано в историю Хакасского НИИЯЛИ [Ученые Хакасского... 2019: 83–85].

ИВАН КУЗНЕЦОВИЧ ИЛИШКИН

Имя другого калмыцкого спецпереселенца, ученого, первого директора Калмыцкого НИИЯЛИ, также как и Ц.-Д. Номинханова, волею судьбы и НКВД попавшего в Хакасию, менее известно хакасской научной общественности. Но его чтут и помнят на родине — в Республике Калмыкия, где перед Калмыцким научным центром РАН установлен его бюст и его именем названа улица, на которой находится здание центра калмыцкой науки.

Так же, как и многие другие калмыки, И. К. Илишкин был депортирован в Сибирь, в Красноярский край. Часть из них была направлена в Хакасию, куда в начале 1944 г. прибыло эшелонами 4 391 человек [НА РХ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 14. Л. 23, 24]. Вместе с Иваном Кузнецовичем прибыл и его старший брат — Улан (1900 г. р.), который умер в 1945 г. в ссылке и похоронен в г. Абакане [Солдаты Победы 2015: 124].

О годах ссылки И. К. Илишкина в Хакасии упоминает Н. Г. Очирова. Она отмечает, что в ссылке опыт и знания И. К. Илишкина были востребованы и «в отличие от многих других представителей калмыцкой интеллигенции ему удалось трудиться по специальности. Так, в 1944–1947 гг. он работает в Хакасии учителем, зав. кафедрой русского языка Хакасского пединститута (правильно: Абаканского государственного пединститута. — В. К.)» [Очирова 2020: 45].

В хакасской историографии калмыцких спецпереселенцев имя И. К. Илишкина впервые упоминается в работе С. П. Ултургашева «Был всегда нацелен на будущее», написанной им к 50-летию Абаканского государственного педагогического института, так же, как и Хакасский НИИЯЛИ, образованном в годы Великой Отечественной войны (1944 г.). Пединститут был образован не как самостоятельное образовательное учреждение на базе учительского института. До момента закрытия Абаканского государственного учительского института в 1954 г. оба вуза в течение 15 лет существовали как одно целое. Даже руководитель у них был один — директор учительского института А. Н. Пархоменко одновременно был назначен директором педагогического института [Ултургашев 1996: 28].

На базе кафедр учительского института были сформированы единые кафедры для двух институтов, в том числе и кафедра языка, руководить которой был назначен кандидат филологических наук И. К. Илишкин. Педагогический коллектив только что образованного пединститута составил в 1944 г. всего 29 человек [Ултургашев 1996: 39].

Второй раз о И. К. Илишкине С. П. Ултургашев упоминает уже по случаю его увольнения «по идейным мотивам» (как и Ц.-Д. Номинханова, Д. Е. Хайтуна — заместителя директора по научной работе) [Ултургашев 1996: 39]. При этом в обоих случаях в фамилии И. К. Илишкина допущена опечатка: Илюшкин. В 1947 г. Министерство высшего образования СССР направило Ивана Кузнецовича в г. Наманган Узбекской ССР, где он на протяжении десяти лет преподавал в местном пединституте. Н. Г. Очирова не указывает причину перевода И. К. Илишкина, но очевидно, что она была аналогична причине увольнения Ц.-Д. Номинханова.

К сожалению, в архиве Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова — преемнике Абаканского пединститута не сохранилось личного дела И. К. Илишкина. Нет никаких сведений о нем и в Хакасском НИИЯЛИ, хотя оба института тесно сотрудничали и преподаватели Абаканского государственного педагогического института в первые годы составляли «основной костяк научных сотрудников Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории», работая в нем по совместительству. И, наоборот, Ц.-Д. Номинханов также преподавал в пединституте на такой же основе. Вероятно, поэтому С. П. Ултургашев и называет его фамилию среди уволенных из пединститута в период борьбы с «космополитизмом».

О работе И. К. Илишкина в Хакасии упоминает Э. Х. Мутляев, описывая встречу с ученым: «На перроне станции Ачинск увидел мужчину, похожего на калмыка, в черном драповом пальто с каракулевым воротником и в каракулевой шапке, в белых валенках. Поздоровались, разговорились. Выяснилось, что едет из г. Абакан, везет 13-летнего внука его родителям на станцию Боготол. Моего знакомого звали Иван Кузнецович Илишкин. Он работал преподавателем в Абаканском пединституте. Оказалось, что он пропустил уже несколько поездов, так как проводники не компостировали его билет, ссылаясь на отсутствие мест. Это было в феврале 1947 года. Следующая наша встреча произошла в Элисте в 1957 году, когда я приехал на курсы в облоно» [Шантаев 2010: 99].

* * *

Депортация народов СССР является тягчайшим преступлением сталинского режима в годы Великой Отечественной войны. Тема депортации калмыцкого народа в отечественной историографии по значимости,

по масштабам исследований, по общественному восприятию является, и это очевидно, второй после депортации немцев Поволжья, но, наверное, первой по трагедийности события. В Калмыкии бережно хранят память о трагических страницах истории своего народа. Продолжается поиск безвестно и безвинно пропавших в местах ссылки. Но вряд ли уже можно найти безымянные могилы захороненных по дороге к своему последнему восхождению к Вечности.

И, тем не менее, многие из числа депортированных калмыков нашли в себе силы не только для выживания, но более того — для ударного труда в тяжелых условиях ссылки [Кышпанакоев 2019]. Многие из них были отмечены почетными грамотами, награждены орденами и медалями СССР. Среди всех депортированных калмыцких спецпереселенцев в Хакасии наибольшую память о себе оставили двое: Церен-Доржи Номинханов и Иван Кузнецович Илишкин. Согласно архивным материалам, калмыцких спецпереселенцев после восстановления автономии Калмыкии провожали из Хакасии с прощальными речами, плакатами [НА РХ. Ф. 911. Оп. 1. Д. 19. Л. 29]. Ц.-Д. Номинханову и И. К. Илишкину не дано было вернуться на свою малую родину из Хакасии. Попав под опалу в мрачные послевоенные годы гонений на ученых, они вынуждены были покинуть этот край, быть может, не сделав многого из того, что было задумано. Но они сумели оставить после себя след. Потому, что трудились на самой благодатной ниве — ниве образования. Потому, что созданные ими научные работы, учебники, буквари для учащихся школ, память, которую они оставили в умах и сердцах студентов навсегда остались в истории науки и образования Хакасии.

Источники

НА РХ — Национальный архив Республики Хакасия.

РФ ХакНИИЯЛИ — Рукописный фонд Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории.

Советская Хакасия — Электронная база данных газеты «Советская Хакасия».

Литература

Авлиев, Убушаев 2014 — Авлиев В. Н., Убушаев В. Н. Депортация калмыков по опубликованным источникам // Вестник Калмыцкого университета. 2014. № 4 (24). С. 6–12.

Алябьева 1951 — Алябьева Л. А. Работа института // Записки / Хакас. НИИЯЛИ. Вып. II. Абакан: Хакас. обл. гос. изд-во, 1951. С. 135–150.

Артамонова 2000 — Артамонова Н. Я. Интеллигенция Восточной Сибири: опыт формирования и деятельности (конец XIX — середина XX вв.). М.: Прометей, 2000. 237 с.

Баскаков 1951 — Баскаков Н. А. К истории изучения хакасского языка // Записки / Хакас. НИИЯЛИ. Вып. II. Абакан: Хакас. обл. гос. изд-во, 1951. С. 85–104.

- Баскаков, Инкижекова-Грекул — *Баскаков Н. А., Инкижекова-Грекул А. И.* Хакасско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953. 358 с.
- Записки 1951 — Записки / Хакас. НИИЯЛИ. Вып. II. Абакан: Хакас. обл. гос. изд-во, 1951. 155 с.
- Записки 1954 — Записки / Хакас. НИИЯЛИ. Вып. III. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1954. 167 с.
- Книга Памяти жертв... — Книга Памяти жертв политических репрессий Республики Хакасия: в 3 т. Т. 3 / под ред. Н. С. Абдина. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2006. 355 с.
- Колобков, Протопопов 1949 — *Колобков М. Н., Протопопов Н. Н.* Хакасская автономная область. Новосибирск: [б. и.], 1949. 141 с.
- Кызласов 2018 — *Кызласов А. С.* Цырен-Доржи Номинханов — исследователь хакасского языка: к 120 летию со дня рождения // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 3 (23). 2018. Сер. филол. С. 85–87.
- Кышпанаков 1995 — *Кышпанаков В. А.* Население Хакасии. 1917–1990-е гг. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 1995. 348 с.
- Кышпанаков 2017 — *Кышпанаков В. А.* Калмыцкие спецпереселенцы в Хакасии // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 35 (3). С. 40–47.
- Кышпанаков 2019 — *Кышпанаков В. А.* Калмыцкие спецпереселенцы на трудовом фронте в Хакасии в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время // Вестник Калмыцкого университета. 2019. № 1 (41). С. 44–54.
- Кышпанаков 2020 — *Кышпанаков В. А., Исупов В. А.* К вопросу о сохранении национальной идентификации депортированных народов в Хакасию в годы Великой Отечественной войны // Вестник Калмыцкого университета. 2020. 2 (46). С. 34–41.
- Максимов 2004 — *Максимов К. Н.* Трагедия народа: репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы. М.: Наука, 2004. 311 с.
- Максимов 2009 — *Максимов К. Н.* Возвращение калмыцкого народа и восстановление автономии // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 2. Элиста: ИД «Герел», 2009. С. 610–641.
- Очерки истории Хакасии... 1961 — Очерки истории Хакасии советского периода. 1917–1961 годы. Абакан: Хацкнигоиздат, 1963. 419 с.
- Очерки истории Хакасской ... 1987 — Очерки истории Хакасской областной организации КПСС. Красноярск: Кн. изд-во, 1987. 359 с.
- Очирова 2020 — *Очирова Н. Г.* Иван Кузнецович Илишкин и калмыковедение (к 100-летию образования Калмыцкой АССР) // Вестник Калмыцкого университета. 2020. 2 (46). С. 42–48.
- Солдаты Победы 2015 — Солдаты Победы. Т. II. Поименный список воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. Изд. 2-е, перераб. и доп. Элиста: КИГИ РАН, 2015. 372 с.
- Степанов 2005 — *Степанов М. Г.* Депортация калмыков в Хакасскую автономную область в период Великой Отечественной войны // 60 лет Победы в Великой Отечественной войне: мат-лы науч.-практич. конф. (г. Абакан, 29 апреля 2005 г.). С. 76–81.
- Степанов 2009 — *Степанов М. Г.* Политические репрессии в СССР периода сталинской диктатуры (1928–1953 гг.): взгляд советской и постсоветской историографии. Абакан: Роса, 2009. 238 с.

- Тугужекова 2008 — *Тугужекова В. Н.* Церен-Доржи Номинханов и Хакасия (к 110-летию со дня рождения // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая. Вып. 9. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2008. С. 125–128.
- Тугужекова, Степанов, Карлов 2018 — *Тугужекова В. Н., Степанов М. Г., Карлов С. В.* Репрессии в Хакасии: как это было (1930-е — середина 1950-х гг.). Абакан: Бригантина, 2018. 242 с.
- Убушаев 1991 — *Убушаев В. Б.* Калмыки: выселение и возвращение. 1943–1957 гг. Элиста: Санан, 1991. 92 с.
- Убушаев 2003 — *Убушаев К. В.* Депортация и правовая реабилитация калмыцкого народа: историко-правовые аспекты (1943–1991): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2003. 22 с.
- Ултургашев 1970 — *Ултургашев С. П.* Научный центр Хакасской автономной области // Ученые записки. Вып. XV. Сер. ист. № 2. Абакан, 1970. С. 6–19.
- Ултургашев 1996 — *Ултургашев С. П.* Был всегда нацелен на будущее. К 50-летию Абаканского педагогического института им. Н. Ф. Катанова. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 1996. 152 с.
- Ученые Хакасского... 2019 — Ученые Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (к 75-летию ХакНИИЯЛИ): библиографический справочник. Абакан: ИПП «Журналист», 2019. 144 с.
- Шантаев 2010 — *Шантаев Б. А.* Война, плен и депортация по воспоминаниям Э. Х. Мутляева // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 1. С. 91–101.

«(Великая) культурная революция» в приграничных к СССР районах КНР: Хулун- Буир, провинция Хэйлунцзян (1966–1976 гг.)

*Цыден Солбонович Очиров*¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(д. 6, ул. Сахьяновой, 670041 Улан-Удэ, Российская Федерация)
аспирант, лаборант-исследователь

© КалмНЦ РАН, 2020

© Очиров Ц. С., 2020

Аннотация. Изучение вопросов новейшей истории Северо-Восточного Китая, включая анализ идейно-политических кампаний второй половины XX в., является одним из перспективных направлений в отечественном востоковедении. В статье рассматривается период (великой) «культурной революции» (1966–1976 гг.) в приграничных к СССР китайских регионах — провинции Хэйлунцзян и Хулун-Буирском аймаке автономного района Внутренняя Монголия. Задачи исследования составлены в увязке с хронологией событий: ход «культурной революции» в вышеуказанных регионах разделен на два этапа. Материалами исследования являются труды китайских историков. В результате исследования освещены особенности начального этапа «культурной революции», включая критику партийных деятелей, создание ревкомов и проведение политической кампании «васу», советско-китайский конфликт на острове Даманский в 1969 г. рассматривается как фактор последующей политической стабилизации приграничных регионов, изучено движение за восстановление партийного аппарата и ускорение развития промышленности в начале 70-х гг. XX в.

Ключевые слова: «(великая) культурная революция», приграничные территории, Хулун-Буир, провинция Хэйлунцзян, национальные меньшинства
Благодарность. Исследование проведено в рамках проекта РФФИ № 19-39-90003 «Этнические меньшинства Хулун-Буира в годы культурной революции: политический нарратив и устные истории» (регистрационный номер АААА-А20-120052290030-0). Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Очиров Ц. С. «(Великая) культурная революция» в приграничных к СССР районах КНР: Хулун-Буир, провинция Хэйлунцзян (1966–1976 гг.) // Desertum Magnum: studia historica. 2020. № 1. С. 127–134.
DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-127-134

UDC 94(510).093

DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-127-134

“The ‘Great’ Cultural Revolution” at the Bordering the USSR regions of PRC: Khulun Buir, Heilongjiang province (1966–1976)

*Ochirov Ts. Solbonovich*¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(6 Sakhyanovoy st., 6670041 Ulan-Ude, Russian Federation)
Postgraduate Student, Research Laboratory Assistant

© KalmSC, 2020

© Ochirov Ts. S., 2020

Abstract. The research of the problems of the contemporary history of the North-Eastern China including the analysis of ideological and political campaigns of the second half of the XX century is one of the high-potential fields of the Oriental studies in our country. The article focuses on the period of the (Great) ‘Cultural Revolution’ (1966–1976) at bordering USSR Chinese regions — Heilongjiang province and Khulun-Buir aimak of the autonomous region of Inner Mongolia. The goals of the study are set in concurrence with chronological order of the events: the ‘cultural revolution’ in the above mentioned regions had two stages. The study is based on the works of the Chinese historians. The given research highlights the specific features of the initial stage of the “cultural revolution” including the criticism of the party officials, establishment of revolution committees and running a political campaign ‘vasu’; considers the Soviet-Chinese conflict at the Daman island in 1969 to be a factor in the following political stabilization of the bordering territories; examines the movement for restoration of the party apparatus and the boost in the industrial development in 1970s of the last century.

Keywords: the “(Great) Cultural Revolution”, bordering territories, Khulun-Buir, Heilongjiang province, ethnic minorities

Acknowledgement. The study is conducted under the scope of RFBR project №19-39-90003 “Ethnic minorities of Khulun-Buir during the Cultural Revolution: political narrative and oral stories” (registration number AAAA-A20-120052290030-0). The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Ochirov Ts. S. “The ‘Great’ Cultural Revolution” at the Bordering the USSR regions of PRC: Khulun Buir, Heilongjiang province (1966–1976). In: Desertum Magnum: studia historica. 2020. № 1. Pp. 127–134. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-127-134

Северные районы Китайской народной республики (далее — КНР), граничащие с Россией, имели и имеют особое стратегическое значение как для СССР, так и для современной Российской Федерации. Кроме экономической и политической составляющих, важной является и национальная специфика региона. В приграничных районах КНР (провинция Хэйлунцзян, Хулун-Буирский аймак Автономный район Внутренняя Монголия (далее — АРВМ)) проживают по сей день этнические меньшинства КНР, для которых исторической родиной является территория современной России [Ван Юйлан, Доу Юнхао 2015: 265]. Особое место в новейшей истории этих регионов занимает период «(великой) культурной революции» (далее — ВКР). Он считается одним из самых драматичных исторических этапов в новейшей истории КНР.

В мае 1966 г. Центральный комитет Коммунистической партии Китая (далее – ЦК КПК) и председатель Мао Цзэдун объявили о начале ВКР. С этого времени приграничные к Советскому Союзу районы КНР оказались втянуты в 10-летний период политических потрясений [Ми Давэй 2009: 303]. Мао Цзэдун считал, что в партию, правительство, армию и круги деятелей культуры проникло большое число представителей буржуазии и «контрреволюционных ревизионистов». Только начав ВКР, можно было решить накопившиеся проблемы [Кондорский 2015: 146].

13 мая 1966 г. в провинции Хэйлунцзян был созван съезд, по результатам которого лишились своих должностей многие представители руководящей группы: их обвинили в антипартийной, антисоциалистической, антимаоистской деятельности [Ми Давэй 2012: 359]. 29 мая 1966 г. партком провинции Хэйлунцзян провел следующий съезд, где были обнародованы основные положения ЦК КПК о начале ВКР и ее значении. 1 июня 1966 г. вышла статья в газете «Жэньминь жибао»* о борьбе с «вредителями и паразитами общества». Позже на государственном телеканале КНР выступили представители Пекинского университета с комментариями к вышеуказанной статье. Затем в провинции Хэйлунцзян на зданиях университетов студенты стали развешивать первые плакаты с лозунгами о главных идеях ВКР. В последующем провокационные лозунги появились на всех улицах Харбина. Они содержали призывы к приостановке во время ВКР учебной деятельности, производства и торговли. Из Пекина были направлены в провинцию 200 членов «рабочей группы» для помощи в сохранении партийной структуры, во избежание дестабилизации обстановки. 9 июня того же года партком провинции созвал очередной съезд — было решено создать особые команды для продвижения идей ВКР. Также было высказано мнение об основных противниках ВКР как о «черной линии капиталистов», «капиталистах

* «Жэньминь жибао» — китайская ежедневная газета, официальное печатное издание Центрального комитета Коммунистической партии Китая.

внутри партии и на руководящих должностях». 10 июня 1966 г. ежедневная газета Хэйлунцзяна выпустила статью о «великом красном пути председателя Мао и разоблачении антипартийных черных группировок», в которой говорилось о «выявлении антипартийных группировок в Харбине». Так, директор театра Лю Сянжу, его заместитель Ли Молинь, Ван Цзичжао и ряд других деятелей культуры были обвинены в содействии капитализму, в ревизионизме. В последующем критике подверглись также представители руководящей группы парткома Харбина [Ци Шушэнь 1996а: 238].

В Хулун-Буире ВКР началась сразу после съезда Северокитайского бюро (май-июнь 1966 г.), на котором был подвергнут критике первый секретарь парткома аймака Ци Цзюньшань. В июле 1966 г. в Хулун-Буирский аймак из провинции Хубэй и Шанси была направлена рабочая команда для продвижения идей ВКР. Они были назначены на самые высокие руководящие должности в Хулун-Буире. Прежние лидеры Ци Цзюньшань и Жаргал были смещены со своих должностей [Чжан Фусян 1989: 126].

18 августа 1966 г. на площади Тяньаньмэнь в Пекине Мао назвал миллионы учащихся хунвейбинами (теперь они выделялись красными повязками на рукаве). После XI съезда КПК Восьмого созыва и образований революционных группировок «хунвейбинов» и «цзаофаней» Хэйлунцзян вошел в состояние хаоса. Революционные отряды повсеместно устраивали погромы: уничтожали культурные достопримечательности, в результате чего пострадало огромное количество ценных исторических памятников, книг, произведений искусства и т. д. [Ци Шушэнь 1996а: 242]. Был полностью разрушен Свято-Николаевский собор в Харбине [Ми Давэй 2009: 303].

Свыше 30 группировок хунвейбинов разных институтов Харбина созвали свой съезд, где были раскритикованы и преданы «революционному суду» преподаватели, профессора. 27 августа цзаофани Совета народных комиссаров провинции провели большое собрание под лозунгом «Огонь по штабам!». На этом собрании были раскритикованы руководящие лица провинции: второй секретарь Северо-Восточного бюро, экс-первый секретарь парткома провинции Хэйлунцзян Ян Цинь, второй секретарь парткома провинции, губернатор Хэйлунцзяна Ли Фаньбу, секретари парткома Ван Илун, Чань Лэй, Чан Хэтин и многие другие — всех перечисленных причислили к группировке, преследующей капиталистические цели. После этого повсеместно в провинции развернулось масштабное движение цзаофаней для разоблачения «капиталистических врагов революции и пролетариата», в результате большинство лидеров всех ступеней управления и администрации были атакованы, подверглись всяческому издевательствам [Ци Шушэнь 1996а: 242].

После того, как 6 января 1967 г. в Шанхае местные цзаофани захватили всю полноту политической власти и это получило поддержку и одобрение со стороны лидеров революционной команды и председателя Мао, 10–12 января различные группы цзаофаней в Харбине взяли под свой контроль ежедневные газеты, радиовещание, телевидение. 16 января при поддержке первого секретаря провинции Пан Фушэна и командующего военного гарнизона Хэйлунцзяна Чжу Цзидао свыше 32 группировок цзаофаней образовали единый генштаб красных цзаофаней Харбина, которому перешла вся полнота власти в провинции и городе Харбин. 17 марта ЦК КПК назначил Пан Фушэна начальником генштаба красных цзаофаней, Чжу Цзидао — его заместителем. 23 февраля ЦК КПК переименовал генштаб красных цзаофаней провинции Хэйлунцзян в революционный комитет (ревком) провинции Хэйлунцзян [Ци Шушэнь 1996а: 244].

Вскоре все революционные массы Харбина разделились на две группировки, которые начали враждовать между собой: «группировка артиллеристов» и «объединенная командование хунвейбинов». После этого подверглись еще большим атакам местные органы власти, повсеместно разрушались культурные достопримечательности, сжигались или уничтожались библиотеки и образовательные учреждения. В 1967 г. произошел огромный по масштабам вооруженный конфликт между двумя вышеназванными группировками [Ми Давэй 2012: 360].

27 октября 1967 г. ЦК КПК и Мао издали указ о создании по всему КНР ревкомов с представительством пролетариата для развертывания революционного движения [Ци Шушэнь 1996а: 252]. Ревком в Хулун-Буире был образован в декабре 1967 г., его начальником был назначен главнокомандующий военного гарнизона Хулун-Буирского аймака Шан Минь. В 1967–1969 гг. в Хулун-Буире и Хэйлунцзяне набрало силу особое политическое движение «полного уничтожения»* Народно-революционной партии Внутренней Монголии (НРПВМ) в Хулун-Буире, движение «полного уничтожения» предателей в провинции Хэйлунцзян. Оно нанесло огромный ущерб экономике и политической стабильности: подверглись гонениям и репрессиям огромное количество людей, большинству преследуемых людей в приграничных к СССР районах КНР предъявлялись обвинения как советским шпионам, ревизионистам [Ци Шушэнь 1996а: 246; Чжан Фусян 1989: 127].

* Движение «полного уничтожения» (кит. 挖肃 (wasu), 挖肃 «内人党» (wasu neirendang), где «内人党» — НРПВМ) — обозначение политической кампании, развернутой в АРВМ в 1967–1969 гг. под предводительством Дэн Хайцина, целью которой были противодействие и искоренение НРПВМ. Термином 挖肃 «叛徒» (wasu pantu), где «叛徒» — предатели, шпионы, обозначалась политическая кампания, развернутая для борьбы с советским влиянием и шпионами в провинции Хэйлунцзян в 1967–1969 гг.

Большое влияние на развертывание ВКР в приграничных регионах Китая оказало обострение китайско-советских отношений. В 1969 г. произошло военное столкновение на острове Даманский (р. Уссури) [Ми Давэй 2009: 304]. Заметим, что для современной китайской историографии характерна обвинительная риторика, определяющая СССР как главного инициатора конфликта [Шадрина 2018: 22]. После вооруженного столкновения на острове Даманский ревком провинции Хэйлунцзян получил приказ от ЦК КПК: ускорить развитие стратегически важных отраслей промышленности, возобновить деятельность большинства предприятий и заводов тяжелой и легкой промышленности. Уже к концу 1969 г. показатель производительности труда достиг показателей начала 1966 г. [Ци Шушэнь 1999: 140].

1 апреля 1969 г. был созван IX съезд ЦК КПК, где было сказано о ошибочных методах осуществления ВКР. По указанию Мао Цзэдуна повсеместно началось движение за «упорядочивание партийных порядков», так называемое «партийное строительство». На IX съезде ЦК КПК было решено поменять вектор политики ВКР КПК. После мая 1969 г. было прекращено движение «полного уничтожения» в приграничных районах. В июле 1969 г., согласно указу ЦК КПК, Хулун-Буирский аймак был передан под управление провинции Хэйлунцзян. Ранее аймак был в составе автономного района Внутренняя Монголия [Чжан Фусян 1989: 141].

Одним из основных лозунгов ВКР после 1969 г. стали: «реновация партии», восстановление партийной организации. К концу февраля 1970 г. в большей части провинции был успешно завершён процесс восстановления партийной деятельности. В августе 1971 г. был созван III съезд КПК провинции, на котором было доложено о завершении движения по восстановлению партийного аппарата провинции [Ци Шушэнь 1996а: 254].

16 ноября 1970 г. ЦК КПК издал директиву по вопросу антипартийной деятельности одного из теоретиков ВКР – Чэнь Бода. 28 ноября 1970 г. ревкомом Хэйлунцзяна был созван всеобщий съезд. Вслед за Чэнь Бода подверглись критике Пан Фушэн — лидер ревкома провинции Хэйлунцзян, Шан Минь — начальник ревкома Хулун-Буира, а также их сторонники. Их обвиняли в подрыве единства партии, спекуляции армией, провокации конфликтов внутри партии, разрушении целостности страны. В феврале 1971 г. ЦК КПК отправил доверенное лицо в провинцию Хэйлунцзян для решения вопроса о Пан Фушэне. С 16 марта и до начала июня 1970 г. проходил съезд провинции Хэйлунцзян. На нем было сообщено о выявленных основных ошибках и преступлениях Пан Фушэна и его сторонников на начальном этапе ВКР [Ци Шушэнь 1996а: 254].

В августе 1971 г. был созван III представительский съезд провинции, на котором подвергся критике лидер ревкома Пан Фушэн, были избраны

новые лица парткома провинции [Ци Шушэнь 1999: 131]. В дальнейшем многие лидеры ревкомов провинции также были смещены с постов, в том числе и Шан Минь в Хулун-Буире.

6 августа 1971 г. лидером ревкома был назначен Чжу Цзиадао. Прежнее руководство ревкома было отстранено от должностей. С 16 по 18 августа 1971 г. согласно постановлению ЦК КПК о проведении по всему Китаю представительских съездов был созван очередной представительский съезд в Харбине. На нем были особо отмечены разрушения и убытки в провинции в период первого пятилетия ВКР, также было запланировано полностью восстановить все отрасли экономики. В том же 1971 г. Чжу Цзиадао выступил с докладом об успехах в сельском хозяйстве. В нем отмечалось, что «производство продукции по сравнению с 1965 г. в 1970 г. выросло на 33,5 %, в 1971 г. по сравнению с 1970 г. производство промышленности выросло на 5,1 %. В целом по всей провинции наблюдается рост экономики» [Ци Шушэнь 1996а: 260]. Следует заметить, что после 1971 г. наблюдался и заметный рост численности населения провинции [Ци Шушэнь 1996б: 149].

В октябре 1971 г. отделом общественной безопасности был созван всекитайский XV съезд, на котором было заявлено о возрождении трудовых работ по для перевоспитания в больших и средних городах, селах и уездах [Ци Шушэнь 1999: 131]. С 1973 г. по 1976 г. по всей провинции на трудовые воспитательные работы ежегодно привлекались примерно 3000 человек. К 1976 г. всего людей на таких работах насчитывалось 9832 человек [Ци Шушэнь 1996а: 265].

В 1972–1975 гг. провинция Хэйлунцзян находилась в процессе восстановления партийной деятельности и организации народных масс. После движения цзаофаней и хунвейбинов, политической кампании «полного уничтожения» предателей вся территория провинции Хэйлунцзян, включая Хулун-Буирский аймак, была в состоянии хаоса.

В 1975 г. Дэн Сяопин вышел на первые роли в партии, им был созван съезд, посвященный проблеме восстановления экономики, науки, образования и других сфер жизнедеятельности. После этого ситуация в провинции Хэйлунцзян стала заметно улучшаться. Только за 1975 г. провинциальный ВВП по сравнению с предыдущим 1974 г. увеличился на 10 %. Однако обстановка в провинции дестабилизировалась в 1976 г., когда так называемая «банда четырех» развернула критику Дэн Сяопина. Рост ВВП провинции в 1976 г. составил всего 0,37 % [Ци Шушэнь 1999: 131]. Преступная деятельность «банды четырех» во главе с Цзян Цзин была разоблачена лишь после смерти Мао Цзэдуна в сентябре 1976 г. и окончания ВКР.

Для приграничных к СССР районах КНР период ВКР, как и для всего Китая, — один самых трагичных отрезков времени в новейшей их истории. Особое место занимает начальный этап ВКР (1966–1969 гг.). Он

характеризовался массовым революционным движением хунвейбинов и цзаофаней, движением «полного уничтожения» НРПВМ в Хулун-Буире и движением «полного уничтожения» предателей в Хэйлунцзяне. В результате к началу 1969 г. эти регионы КНР оказались в состоянии хаоса. Большое влияние на изменение политического курса ВКР в поднебесной сыграло военное столкновение СССР и КНР на острове Даманский в марте 1969 г., после которого на IX съезде в апреле этого же года было решено стабилизировать экономическую и политическую обстановку в приграничных районах. В мае было прекращено движение «полного уничтожения». В июле по указу ЦК КПК в целях усиления боевой готовности на территориях КНР, граничащих с СССР, Хулун-Буире был передан в состав провинции Хэйлунцзян. После этого в 1969–1976 гг. в целом в этих районах наблюдалась тенденция восстановления экономики, партийного аппарата, реабилитация репрессированных на начальном этапе ВКР.

Литература

- Ван Юйлан, Доу Юнхао 2015 — *Ван Юйлан, Доу Юнхао*. Культура народов провинции Хэйлунцзян. Харбин: Изд-во просвещения провинции Хэйлунцзян, 2015. 384 с. На кит. яз.
- Кондорский 2015 — *Кондорский Б. М.* Революционный период в Китае // Общество и государство в Китае. 2015. № 17 (1). С. 134–150.
- Ми Давэй 2012 — *Ми Давэй*. История провинции Хэйлунцзян. Харбин: Народное изд-во провинции Хэйлунцзян, 2012. 371 с. На кит. яз.
- Ми Давэй 2009 — *Ми Давэй*. История Северо-Восточного Китая. Харбин: Народное издательство провинции Хэйлунцзян, 2009. 307 с. На кит. яз.
- Ци Шушэнь 1996а — *Ци Шушэнь*. Заметки провинции Хэйлунцзян: устройство КПК. Харбин: Народное изд-во провинции Хэйлунцзян, 1996. 749 с. На кит. яз.
- Ци Шушэнь 1996б — *Ци Шушэнь*. Население провинции Хэйлунцзян. Харбин: Народное изд-во провинции Хэйлунцзян, 1996. 746 с. На кит. яз.
- Ци Шушэнь 1999 — *Ци Шушэнь*. Экономическая обстановка провинции Хэйлунцзян. Харбин: Народное изд-во провинции Хэйлунцзян, 1999. 498 с. На кит. яз.
- Чжан Фусян 1989 — *Чжан Фусян*. Материалы по организации КПК Хулун-Буирского аймака Внутренней Монголии (1945.9–1987.12). Хайлар: Народное изд-во АРВМ, 1989. 777 с. На кит. яз.
- Шадрина 2018 — *Шадрина Е. А.* Советско-китайский приграничный конфликт марта 1969 года в трактовке китайских историков // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 6 (2). С. 19–24.

Реформа системы Советов народных депутатов в Калмыкии в годы перестройки (1989–1991 гг.)

*Евгений Александрович Гунаев*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН

(д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник

© КалмНЦ РАН, 2020

© Гунаев Е. А., 2020

Аннотация. В статье на примере Калмыкии исследуется реформирование системы Советов народных депутатов в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Реформирование системы Советов народных депутатов в Калмыкии в указанный период развивалось в русле социалистической доктрины видения роли Советов в системе общегосударственной власти. Данные изменения отражали веяния перестройки и были направлены на демократизацию деятельности Советов народных депутатов, повышение их роли как представительных органов власти и ответственности, в особенности местных Советов, в решении вопросов социально-экономических проблем территорий и населения. Начиная с 1991 г. под влиянием российских реформ происходит постепенный переход к видению местных Советов как органов местного самоуправления. С 1992 г. в Калмыкии был введен институт местного самоуправления.

Ключевые слова: Советы народных депутатов, Калмыкия, перестройка, местное самоуправление, государственная власть, конституционные реформы, демократизация

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер государственной регистрации: АААА-А19-119011490038-5). Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Гунаев Е. А. Реформа системы Советов народных депутатов в Калмыкии в годы перестройки (1989–1991 гг.) // *Desertum Magnum: studia historica*. 2020. № 1. С. 135–144. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-135-144

UDC 94(47).084

DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-135-144

The Board of People's Deputies System Reform in Kalmykia during the years of Perestroika (1989–1991)

*Evgeniy A. Gunaev*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS
(8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (Jurisprudence), Senior Research Associate

© KalmSC RAS, 2020

© Gunaev E. A., 2020

Abstract. The article analyses the board of people's deputies system reform at the end of 1980s — the beginning of 1990s on the example of the Republic of Kalmykia. The board of people's deputies system reform in Kalmykia in the given period developed within the framework of social doctrine vision of the Soviet in the system of country-wide power. These changes reflected the influence of perestroika and were aimed at democratization of the board of people's deputies work, the rise of their role as the representational body of power and responsibility, specifically the local board, in the solution of social-economic problems of the territories and population. Beginning from 1991, under the influence of Russian reforms there was a gradual transition to the perception of the local board as a local government authority. In 1992, the local government institution was introduced in Kalmykia.

Keywords: the board of people's deputies, Kalmykia, perestroika, local government, state power, constitutional reforms, democratization

Acknowledgement. The research was conducted within the scope of government grant — the project “An Integrated Research of Socio-political and Cultural Development Processes of people from the South of Russia (state registration number AAAA-A19-119011490038-5). The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Gunaev E. A. The Board of People's Deputies System Reform in Kalmykia during the years of Perestroika (1989–1991). In: Desertum Magnum: studia historica. 2020. № 1. Pp. 135-144. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-135-144

Согласно советской идеологии и практике государственного строительства, Советам народных депутатов отводилась важнейшая роль в механизме управления, именно они должны были выступать основой советского народовластия. Статья 2 Конституции Калмыцкой АССР 1978 г. гласила: «Вся власть в Калмыцкой АССР принадлежит народу. Народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов, составляющие политическую основу Калмыцкой АССР. Все другие государственные органы подконтрольны и подотчетны Советам народных депутатов» [Советские конституции 2015: 113].

Однако, как известно, фактически управляла страной Коммунистическая партия Советского Союза, а Советы играли второстепенную роль. В конце 1980-х гг., с началом перестройки советского общества и государства, ситуация стала меняться, что не могло не затронуть роль Советов народных депутатов. В настоящей статье на примере Калмыкии рассмотрено реформирование системы Советов, прежде всего на низовом уровне.

Реформирование высших органов власти Калмыкии исследовалось ранее автором работы [Гунаев 2010: 25–32], вместе с тем отдельные аспекты реформы низового звена Советов в годы перестройки не являлись еще предметом специального исследования. Советы народных депутатов в начале 1990-х гг. традиционно рассматриваются в аспекте становления местного самоуправления в Российской Федерации [Тетуев 2018; Упоров 2019; Цыкалова 2005]. Вместе с тем в советский период, до распада СССР в 1991 г., они продолжали характеризоваться как представительные органы государственной системы власти. В этой связи нами рассмотрен период реформирования системы Советов народных депутатов в Калмыкии с конца 1980-х гг. по 1991 г.

Вначале приведем ряд точек зрения по поводу роли Советов в годы перестройки. Так, С. А. Солдатов и В. В. Кондратьев отмечают следующее: «В целом на первом этапе перестройки считалось, что Советы должны нацеливаться не только на сохранение преемственности в своем развитии, но и на поиск новых путей и способов решения усложняющихся задач социального управления обществом, совершенствование содержания и стиля деятельности. Именно недостатки этой работы привели к тому, что возник разрыв между правовым и фактическим статусом Советов. Ни о каком кризисе советской системы речи на тот момент не шло» [Солдатов, Кондратьев 2012: 60].

М. А. Пономарева приходит к выводу, что, наряду со стремлением ЦК КПСС усилить влияние партийных органов на местах, «все большую активность проявляли Советы, которые к середине 1980-х годов превратились в посредников между населением и властью» [Пономарева 2019: 116–117].

«Советы народных депутатов отличало формальное наличие власти и отсутствие достаточного уровня влияния на принятие политических и хозяйственных решений. В 1990 г. был принят закон „Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР“, явившийся определенным рубежом в формировании нового типа взаимоотношений между союзными (республиканскими) и органами власти на местах» [Пономарева 2019: 152].

«Одной из самых значительных мер в области управления стало проведение реформы местного самоуправления, дававшей значительно больше полномочий местным администрациям и фактически нивелировавшей роль Советов. Органы местного самоуправления получили статус юридического лица и соответствующие права и обязанности. Немаловажную роль сыграла и реформа органов территориального общественного самоуправления (ТОС)» [Пономарева 2019: 218].

Согласно В. В. Упорову, «общая направленность актов, принятых на рубеже 1990 г., сводилась к необходимости предоставить местным Советам реальную власть, освободить ее от влияния партийных структур, ввести альтернативную систему выборов местных депутатов. На этом рубеже в последний раз столкнулись сторонники двух подходов: одни считали необходимым преобразование Советов в рамках социалистической системы, другие выдвигали предложения по изменению социально-экономического строя с социалистического на капиталистический. Указанный выше союзный закон олицетворял первый подход, а закон РСФСР — второй подход. В любом случае впервые была сделана попытка трансформировать местные Советы в автономный институт местного самоуправления» [Упоров 2019: 1041].

В Калмыкии, как и во всех автономных республиках, первые конституционные реформы периода перестройки начались в 1989 г. Они повторяли изменения, принятые на уровне СССР и РСФСР в 1988 г. За одним исключением: во всех автономных республиках, кроме Дагестанской АССР, не был учрежден Съезд народных депутатов автономной республики. Высшим органом государственной власти был сохранен Верховный Совет автономной республики [Гунаев 2010: 25–26]. Далее приведем основные тезисы данной реформы. Изменения вносились в раздел IV Конституции Калмыцкой АССР «Советы народных депутатов Калмыцкой АССР и порядок их избрания». Так в главе 8 «Система и принципы деятельности Советов народных депутатов» произошли следующие корректировки:

— Советы народных депутатов (Верховный Совет Калмыцкой АССР, районные, городские, поселковые и сельские Советы народных депутатов) стали характеризоваться как *представительные* органы государственной власти;

— был установлен единый срок полномочий Советов всех уровней, от Верховного Совета Калмыцкой АССР до местных Советов народных депутатов, — 5 лет (ранее срок полномочий местных Советов народных депутатов определялся в 2,5 года);

— допускалось решение важнейших вопросов республиканского или местного значения не только на сессиях соответствующих Советов, но и вынесение их на референдумы;

— советы народных депутатов всех уровней избирали отныне своих председателей и имели свои президиумы, ранее подобное закреплялось только за Верховным Советом республики; должность председателей имела ранее в исполнительных комитетах местных Советов народных депутатов.

— уточнялась роль Советов народных депутатов в руководстве органами народного контроля в соответствии с законом СССР «О народном контроле в СССР»;

— должностные лица, избираемые или назначаемые Советами народных депутатов, за исключением судей, не могли занимать свои должности более двух сроков подряд;

— в деятельности Советов народных депутатов закреплялась гласность, учет общественного мнения, вынесение на обсуждение граждан важнейших вопросов республиканского и местного значения [Закон 1989].

Как видим, данные изменения отражали веяния перестройки и были направлены на демократизацию деятельности Советов народных депутатов, повышение их роли как представительных органов власти и ответственности перед населением.

В соответствии с Постановлением Верховного Совета Калмыцкой АССР «О порядке введения в действие закона Калмыцкой АССР „Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Калмыцкой АССР“» от 2 ноября 1989 г. все нововведения (новый пятилетний срок полномочий местных Советов народных депутатов, запрет занятия должности более двух сроков подряд и др.) вводились, начиная с их нового созыва [Постановление 1989].

16 июня 1990 г. принимается Постановление Верховного Совета Калмыцкой АССР «О первоочередных мерах по повышению роли Советов народных депутатов в республике» [Постановление 1990а]. В нем отмечалось, что «сформированная на действительно демократической основе система органов государственной власти и управления республики, первые сессии Верховного Совета и местных советов народных депутатов явились важным этапом в развитии демократизма, совершенствования политической системы, повышении роли Советов народных депутатов Калмыцкой АССР. Принятые законы Союза ССР

о самоуправлении и местном хозяйстве, свободном национальном развитии граждан СССР, о языках народов СССР, о разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации и другие создают реальную правовую основу для дальнейшего совершенствования национальной государственности Калмыкии, расширения прав и полномочий, повышения роли органов власти и управления Калмыцкой АССР в решении всей сферы жизни ее населения» [Постановление 1990а: Л. 89].

В то же время указывалось, что «...фактическое положение свидетельствует, что перестройка Советов и их исполнительных органов республики идет медленными темпами, эффективность их деятельности еще низка, в силу субъективных и объективных причин они не стали полновластными органами на местах. Постоянные комиссии Верховного Совета, Совет Министров Калмыцкой АССР недостаточно анализируют и принимают меры по завершению перестройки местных Советов и их исполнительных органов, по повышению их роли и авторитета» [Постановление 1990а: л. 89].

В этой связи Верховный Совет Калмыцкой АССР постановил постоянным комиссиям Верховного Совета, Совету Министров Калмыцкой АССР всесторонне проанализировать все вопросы структуры, штатов, материальной и финансовой базы, кадровой обеспеченности, деятельности местных Советов и их исполнительных органов, развития демократических принципов формирования и работы, взаимоотношения государственного и хозяйственного аппарата, распределения полномочий между ними. «На основе изученного материала разработать конкретные мероприятия, направленные на дальнейшее совершенствование демократических принципов формирования органов власти и управления республики, совершенствования их структуры и штатов, укрепление материальной и финансовой базы квалифицированными кадрами, не допуская совмещение партийных, хозяйственных и иных должностей, на урегулирование взаимоотношений советских, партийных, хозяйственных организаций, четкое распределение между ними полномочий, на дальнейшее углубление демократических начал в деятельности Советов и исполнительных органов, совершенствование методов и стиля их работы, управления народным хозяйством республики» [Постановление 1990а: л. 90].

Постоянным комиссиям, Президиуму Верховного Совета, Совету Министров Калмыцкой АССР поручалось «ускорить работу по разработке и реализации законов, направленных на повышение роли, прав и полномочий местных Советов республики в решении вопросов экономического и социально-культурного развития, перехода республики на хозяйственную самостоятельность и к местному самоуправлению...» [Постановление 1990а: л. 90].

Одна из целей данного Постановления заключалась в направлении усилий на повышение роли местных органов государственной власти в решении вопросов социально-культурного строительства, удовлетворение нужд и запросов населения, усиление взаимодействия с советами трудовых коллективов объединений, предприятий и организаций в решении вопросов местной жизни, эффективное использование производственных депутатских групп в качестве основного канала между органами государственной власти и трудовыми коллективами [Постановление 1990а: л. 93].

Обратим внимание, что в указанном Постановлении местные Советы народных депутатов характеризуются как органы государственной власти. Основной посыл данного акта — усилить роль и ответственность местных Советов в решении вопросов социально-экономических проблем территорий и населения.

17 августа 1990 г. Постановлением Верховного Совета Калмыцкой АССР «О структуре местных Советов народных депутатов Калмыцкой АССР» были одобрены предложенные постоянной комиссией Верховного Совета Калмыцкой АССР по вопросам работы Советов народных депутатов, развития управления и самоуправления варианты структур местных Советов народных депутатов республики. Районным, городским, поселковым, сельским Советам народных депутатов, используя предложенные варианты, учитывая мнение избирателей, поручалось определиться по структуре и штатам каждого Совета народных депутатов [Постановление 1990б: л. 36].

Так, схема структуры городского, районного Совета народных депутатов Калмыцкой АССР состояла из следующих компонентов:

- 1) президиум Совета народных депутатов;
- 2) постоянные комиссии;
- 3) отраслевые и функциональные органы управления, которые были ответственны и подотчетны Совету народных депутатов и его президиуму.

Совет народных депутатов возглавлял председатель, который являлся одновременно председателем президиума Совета народных депутатов. В состав президиума входили председатели постоянных комиссий, заместители председателя Совета народных депутатов, «курирующие вопросы советской работы, определенные отрасли народного хозяйства города, района» [Постановление 1990б: л. 37].

Схема структуры городского (районного подчинения), поселкового и сельского Совета народных депутатов Калмыцкой АССР включала в себя:

- 1) президиум Совета народных депутатов;
- 2) постоянные комиссии.

В связи с совмещением функций органа власти и исполнительного органа в городских (районного подчинения) и поселковых Советах формировался президиум Совета народных депутатов в составе председателя Совета, его заместителя (он же и заместитель председателя президиума Совета), председателей постоянных комиссий.

В сельских Советах народных депутатов президиум формировался в составе председателя Совета и председателей постоянных комиссий (количество избранных депутатов до 25 человек) [Постановление 1990б: л. 38].

В сфере развития системы Советов народных депутатов Калмыкии отметим закон Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч «О статусе народного депутата местного Совета народных депутатов Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч» от 31 января 1991 г. [Закон 1991] и Постановление Верховного Совета Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч «О введении в действие Закона Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч „О статусе народного депутата местного Совета народных депутатов Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч“» от 31 января 1991 г. [Постановление 1991а].

Важную роль сыграло Постановление Верховного Совета Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч «О Законе РСФСР „О местном самоуправлении в РСФСР“» от 30 июля 1991 г. В нем Верховный Совет Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч, руководствуясь пунктом 6 Постановления Верховного Совета РСФСР «О порядке введения в действие Закона РСФСР „О местном самоуправлении в РСФСР“», поручил Комиссии Верховного Совета Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч по вопросам работы Советов народных депутатов, развитию управления, самоуправления и гласности в месячный срок подготовить проект закона Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч «О местном самоуправлении в Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч» [Постановление 1991б: л. 39].

На территории республики был введен в действие закон РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР» до принятия закона Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч «О местном самоуправлении в Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч» [Постановление 1991б: л. 39].

Законы Калмыцкой АССР «О поселковом, сельском Совете народных депутатов Калмыцкой АССР», «О районном Совете народных депутатов Калмыцкой АССР», «О городском Совете народных депутатов Калмыцкой АССР», принятые 20 декабря 1979 г., должны были применяться в пределах, не противоречащих закону РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР» [Постановление 1991б: л. 40].

Через месяц (30 августа 1991 г.) был разработан проект закона Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч «О местном самоуправлении в Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч» [Проект 1991]. Однако сам закон Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч «О местном самоуправлении в

Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч» был принят 13 февраля 1992 г. [Закон 1992а].

В этой связи в Конституцию Республики Калмыкия — Хальмг Тангч 1978 г. на пятнадцатой сессии Верховного Совета Калмыкии законом от 3 июня 1992 г. № 358-IX вносятся изменения и дополнения, направленные на развитие местного самоуправления в республике [Закон 1992б]. В Конституции Калмыкии «появляется специальный раздел VI, посвященный не только местным органам государственной власти, но и местному самоуправлению» [Цыкалова 2005: 110–111].

В заключение приходим к следующему выводу: реформирование системы Советов народных депутатов в Калмыкии в 1989–1991 гг. развивалось в русле социалистической доктрины видения роли Советов в системе общегосударственной власти. Начиная с 1991 г. под влиянием российских реформ происходит постепенный переход к видению местных Советов как органов местного самоуправления. С 1992 г. в Калмыкии был введен институт местного самоуправления.

Источники и литература

- Гунаев 2010 — Гунаев Е. А. Конституционный строй Калмыкии в 90-е гг. XX — начале XXI в. / отв. ред. К. Н. Максимов. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 223 с.
- Закон 1989 — Закон Калмыцкой АССР «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Калмыцкой АССР» от 2 ноября 1989 г. // Советская Калмыкия. 1989. 15 нояб. С. 1–3.
- Закон 1991 — Закон Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч «О статусе народного депутата местного Совета народных депутатов Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч» от 31 января 1991 г. № 139-IX // НА РК. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 3031. Л. 105–138.
- Закон 1992а — Закон Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч «О местном самоуправлении в Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч» от 13 февраля 1992 г. № 286-IX // НА РК. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 3086. Л. 63–140.
- Закон 1992б — Закон Республики Калмыкия — Хальмг Тангч «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Республики Калмыкия — Хальмг Тангч» от 3 июня 1992 г. № 358-IX // НА РК. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 3903. Лл. 71–76.
- Пономарева 2019 — Пономарева М. А. Власть и общество на юге России в условиях политических преобразований в 1960–1990-е годы. Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во Южного федерального ун-та, 2019. 296 с.
- Постановление 1989 — Постановление Верховного Совета Калмыцкой АССР «О порядке введения в действие Закона Калмыцкой АССР „Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Калмыцкой АССР“» от 2 ноября 1989 г. // Советская Калмыкия. 1989. 4 нояб. С. 4.
- Постановление 1990а — Постановление Верховного Совета Калмыцкой АССР «О первоочередных мерах по повышению роли Советов народных депутатов в республике» от 16 июня 1990 г. № 53-IX // НА РК. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 2993. Л. 89–94.

- Постановление 1990б — Постановление Верховного Совета Калмыцкой АССР «О структуре местных Советов народных депутатов Калмыцкой АССР» от 17 августа 1990 г. № 71-IX // НА РК. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 2996. Л. 36–38.
- Постановление 1991а — Постановление Верховного Совета Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч «О введении в действие Закона Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч “О статусе народного депутата местного Совета народных депутатов Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч”» от 31 января 1991 г. № 140-IX // НА РК. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 3031. Л. 139.
- Постановление 1991б — Постановление Верховного Совета Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч «О Законе РСФСР „О местном самоуправлении в РСФСР“» от 30 июля 1991 г. № 224-IX // НА РК. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 3046. Л. 39–40.
- Проект 1991 — Проект Закона Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч «О местном самоуправлении в Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч» от 30 августа 1991 г. № 231-IX // НА РК. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 3051. Л. 2–78.
- Советские конституции 2015 — Советские конституции. Хрестоматия: в 4 ч. Ч. 4: СССР, 1977–1991 гг. [электронный ресурс] / сост. Д. В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещенский гос. пед. ун-т, 2015. 616 с. URL: http://kuznetsov.ucoz.org/books/sovetskie_konstitucii_4.pdf (дата обращения: 10.08.2020).
- Солдатов, Кондратьев 2012 — *Солдатов С. А., Кондратьев В. В.* Реформирование Советов народных депутатов и сельское хозяйство в Иркутской области (1985–1993 гг.) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2012. № 1 (8). С. 59–64.
- Тетуев 2018 — *Тетуев А. И.* Региональные особенности становления и развития местного самоуправления в период политической модернизации российского общества // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2018. № 1 (35). С. 78–88.
- Упоров 2019 — *Упоров И. В.* Правовой статус местных Советов в последних советских конституциях // Современные научные исследования и разработки. 2019. № 1 (30). С. 1038–1042.
- Цыкалова 2005 — *Цыкалова Н. А.* Местные органы государственной власти и местное самоуправление в Калмыкии в середине XIX – XX вв.: историко-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2005. 204 с.

Научный журнал

**Desertum Magnum:
studia historica**

Великая степь:
исторические исследования

2020. № 1

Переводчик: *Т. М. Момолдаева*

Редактор: *Е. Н. Бошева*

Компьютерная верстка: *Д. В. Татнинов*

Подписано в печать 18.12.2020. Формат 70x100/16.
Усл.печ.л. 11,7. Тираж 100 экз. Заказ 09-20. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Отпечатано в КалмНЦ РАН.

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

